

ISSN 2227-6874 (Print)
ISSN 2618-8546 (Online)

ЗАПАД – ВОСТОК

№ 13. 2020

Основан в 2008 году

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

DOI 10.30914/2227-6874

Научно-практический ежегодник посвящен историческим и культурным параллелям Запада и Востока. Цель издания – распространение научного знания ученых-гуманитариев, содействие их свободной дискуссии и обмену мнениями по актуальным вопросам всеобщей истории. Каждый выпуск научного издания носит тематический характер. С 2012 года ежегодник выходит под грифом Российского общества интеллектуальной истории. Международный состав редколлегии представляют ученые академических и вузовских сообществ России, Австрии, Словакии и Беларуси, члены международной комиссии при национальных комитетах историков Словацкой академии наук и РАН.

Включен и индексируется в: ERINPLUS, Академия Google, СОЦИОНЕТ, ePrints, РИНЦ, Ulrich's Periodicals Directory, «КиберЛенинка», EBSCO, Academic Resource Index

---

Тем. план 2020 г. № 75.
Подписано в печать 25.12.2020 г.
Дата выхода в свет 25.12.2020 г.
Формат 60×84/8. Усл. печ. л. 24,53.
Уч.-изд. л. 17,84. Тираж 100.
Оригинал-макет подготовлен к печати
в редакции научных журналов
ФГБОУ ВО «Марийский государственный
университет». 424002, Российская Федерация,
г. Йошкар-Ола, ул. Кремлевская, 44,
переход, к. 303
и отпечатан в типографии «Принтекс».
424000, Российская Федерация,
г. Йошкар-Ола, бул. Победы, 14

Адрес редакции:
424001, Российская Федерация,
г. Йошкар-Ола, ул. Пушкина, 30, к. 313
Web-страница:
<http://west-east.marsu.ru>
Электронная почта: galina@rokina.ru
Литературный редактор *О. С. Крылова*
Компьютерная верстка *С. А. Окишева*
Перевод *Е. А. Бухвалова*
Дизайн обложки *Г. И. Галлямова*

Редакционная коллегия:

Рокина Галина Викторовна (главный редактор),
доктор исторических наук, профессор,
Марийский государственный университет,
г. Йошкар-Ола, *galina@rokina.ru*

- Гарбульова Любица** кандидат наук (CSc.), доцент, заведующая кафедрой всеобщей истории, Институт истории Прешовского университета, Словацкая Республика, *harbulovalubica@gmail.com*
- Даниш Мирослав** профессор кафедры всеобщей истории, Университет имени Я.А. Коменского, Словацкая Республика, г. Братислава, *miroslav.danis@uniba.sk*
- Дмитриев Михаил Владимирович** доктор исторических наук, профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Российская Федерация, г. Москва, *mdmitriev@hse.ru*
- Обидина Юлия Сергеевна** доктор философских наук, доцент, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Российская Федерация, г. Нижний Новгород, *basiley@mail.ru*
- Павленко Ольга Вячеславовна** кандидат исторических наук, доцент, проректор по научной работе, Российский государственный гуманитарный университет, Российская Федерация, г. Москва, *olgapavlenko@mail.ru*
- Пушкарева Наталия Львовна** доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра этногендерных исследований, Институт этнологии и антропологии РАН, Российская Федерация, г. Москва, <http://www.pushkareva.info/>
- Репина Лорина Петровна** доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН; главный научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН; заведующая кафедрой теории и истории гуманитарного знания, Институт филологии и истории РГГУ; президент Общества интеллектуальной истории, Российская Федерация, г. Москва, *lorinarepina@yandex.ru*
- Серапионова Елена Павловна** доктор исторических наук, доцент, заведующая отделом истории славянских народов периода мировых войн, Институт славяноведения РАН, Российская Федерация, г. Москва, *serapionova@mail.ru*
- Чикалова Ирина Ромуальдовна** доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей истории и методики преподавания истории БГПУ, ведущий научный сотрудник Института истории НАН Беларуси, Республика Беларусь, г. Минск, *irinachikalova@gmail.com*
- Шварц Искра** Институт истории Восточной Европы Венского университета, Австрийская Республика, *iskra.schwarz@univie.ac.at*
-

ISSN 2227-6874 (Print)
ISSN 2618-8546 (Online)

WEST – EAST

No. 13. 2020

Founded in 2008

SCIENTIFIC JOURNAL

DOI 10.30914/2227-6874

The scientific and practical yearbook is dedicated to the historical and cultural parallels between the West and the East. The purpose of the publication is to disseminate the scientific knowledge of humanities scholars, to facilitate their free discussion and exchange of views on topical issues of World history. Each issue of the scientific publication has a thematic character. Since 2012, the yearbook has been published jointly with the Russian Society for Intellectual History. The international composition of the editorial board is represented by scholars from academic and university communities of Russia, Austria, Slovakia and Belarus, members of the international commission under the National committees of historians of the Slovak Academy of Sciences and the Russian Academy of Sciences.

The journal is indexed and archived by: ERIHPLUS, Academy Google, SOCIONET, ePrints, RSCI, Ulrich's Periodicals Directory, "CyberLeninka", EBSCO, Academic Resource Index

---

Thematic plan of 2020 no. 75.

Signed to print 25.12.2020.

Date of publishing 25.12.2020.

Sheet size 60×84/8. Conventional printed sheets 24,53. Number of copies 500.

The layout original was prepared for printing in the editorial board of academic journals of the Mari State University.

4, Kremlevskaya St., office 303 (passage), 424002, Yoshkar-Ola, Russian Federation and was printed at the printing house "Printecs".
14, Victory Boulevard, 424002, Yoshkar-Ola, Russian Federation

Editorial Office Address:

30 Pushkin St., office 313, 424001, Yoshkar-Ola, Mari El, Russian Federation

<http://west-east.marsu.ru>

E-mail: galina@rokina.ru

Editor *O. S. Krylova*

Desktop publishing *S. A. Okisheva*

Translation *E. A. Bukhvalova*

Cover design *G. I. Gallyamova*

Editorial Board:

Galina V. Rokina (Editor-in-Chief)

Dr. Sci. (History), Full Professor, Mari State University,
Yoshkar-Ola, galina@rokina.ru

- Lyubitsa Garbuleva** Ph. D. (CSc.), Associate Professor, Director of the Institute of History, Presov University, Slovak Republic, harbulovalubica@gmail.com
- Miroslav Danish** Full Professor, Professor of the Department of General History, Comenius University, Slovak Republic, Bratislava, miroslav.danis@uniba.sk
- Mikhail V. Dmitriev** Dr. Sci. (History), Full Professor, Lomonosov Moscow State University, Russian Federation, Moscow, mdmitriev@hse.ru
- Yuliya S. Obidina** Dr. Sci. (Philosophy), Associate Professor, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Russian Federation, Russian Federation, Nizhny Novgorod, basiley@mail.ru
- Olga V. Pavlenko** Ph. D. (History), Associate Professor, Russian State University for the Humanities, Russian Federation, Moscow, olgapavlenko@mail.ru
- Nataliya L. Pushkareva** Dr. Sci (History), Full Professor, Centre of Ethnic and Gender Research, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation, Moscow, <http://www.pushkareva.info/>
- Lorina P. Repina** Dr. Sci. (History), Full Professor, Associate Member of the Russian Academy of Sciences, chief researcher of the Institute of World History of RAS; Head of the Department of Theory and History of the Humanities (Institute of Philology and History of RSUH); President of the Russian Society for Intellectual History, Russian Federation, Moscow, lorinarepina@yandex.ru
- Elena P. Serapionova** Dr. Sci. (History), Associate Professor, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation, Moscow, serapionova@mail.ru
- Irina R. Chikalova** Dr. Sci. (History), Full Professor, Professor of the Department of World History and Methods of Teaching History of BSPU, leading researcher of the Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus, Belarus Republic, Minsk, irinachikalova@gmail.com
- Iskra Schwarcz** Institute of History of Eastern Europe of Vienna University, Austrian Republic, iskra.schwarcz@univie.ac.at
-

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	9
<i>Г. В. Рокина</i> Концепты «память» и «забвение» в научном инструментарии ученого	9
MEMORY STUDIES КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЕ ПОЛЕ.....	11
<i>И. Шварц</i> Сталинградская битва в исторической памяти австрийцев.....	11
<i>Ю. С. Обидина</i> Память как забвение: православие в России в эпоху секуляризации	26
КОММЕМОРАЦИИ И «МЕСТА ПАМЯТИ» В ИСТОРИИ СЛОВАКИИ.....	38
<i>Д. Кодайова</i> Матица словацкая в памяти словаков.....	38
<i>Е. П. Серапионова</i> Москва как один из центров чехов и словаков в России (конец XIX – начало XX в.)	56
<i>В. В. Никитин</i> Образ Вишеградской группы в словацких научных исследованиях.....	70
УЧЕБНИКИ ИСТОРИИ КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ	85
<i>Н. В. Тихомиров</i> Проблема создания Русского государства в учебниках истории конца 1930-х – начала 1950-х гг.	85

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Т. Н. Иванова</i> Школьный учебник и историческая память: анализ отечественной учебной литературы по истории в XX веке	99
<i>А. В. Лямзин</i> Действия Чехословацкого корпуса в постсоветских учебниках истории	115
<i>В. Г. Сушенцова</i> Потерянные в веках: как изучают историю современные российские школьники	127
ГЕНДЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	142
<i>И. М. Пушкарева, Н. Л. Пушкарева</i> Дочери свободы (осмысляя 140-летний юбилей создания первой российской женской организации, защищавшей женские интересы)	142
ПУБЛИКАЦИЯ МАТЕРИАЛОВ	153
<i>А. А. Кузнецов, О. В. Селиванова</i> Актуализация отечественной историографии Англии в начале Великой Отечественной войны (к публикации текста С. И. Архангельского «Роль русских историков в разработке истории Англии» (август 1941 г.)).....	153
НАУЧНАЯ ХРОНИКА	205
<i>Г. В. Рокина</i> Межславянские связи в исследовательском поле историков.....	205

CONTENTS

FOREWORD	9
<i>G. V. Rokina</i> The concepts of “memory” and “oblivion” in the scientific tools of a scientist.....	9
MEMORY STUDIES AS A RESEARCH FIELD	11
<i>I. Schwarcz</i> The Battle of Stalingrad in the historical memory of the Austrians	11
<i>Yu. S. Obidina</i> Memory as oblivion: Orthodoxy in Russia in the era of secularization	26
COMMEMORATIONS AND “PLACES OF MEMORY” IN THE HISTORY OF SLOVAKIA	38
<i>D. Kodajova</i> Matica Slovenska in the memory of Slovaks.....	38
<i>E. P. Serapionova</i> Moscow as one of the centers of the Czechs and Slovaks in Russia (late 19th – early 20th century).....	56
<i>V. V. Nikitin</i> The image of the Visegrad Group in Slovak scientific research	70
HISTORY TEXTBOOKS AS A TOOL FOR THE FORMATION OF NATIONAL IDENTITY	85
<i>N. V. Tikhomirov</i> The problem of creating the Russian state in the history textbooks of the late 1930s – early 1950s.....	85

CONTENTS

<i>T. N. Ivanova</i> School textbook and historical memory: analysis of Russian educational literature on history in the XX century.....	99
<i>A. V. Lyamzin</i> Czechoslovak Corps actions in post-Soviet history textbooks.....	115
<i>V. G. Sushentsova</i> Lost in centuries: how modern Russian schoolchildren study history.....	127
GENDER STUDIES	142
<i>I. M. Pushkareva, N. L. Pushkareva</i> Daughters of freedom (comprehending the 140th anniversary of the first Russian women's organization to defend women's interests).....	142
PUBLICATION OF MATERIALS	153
<i>A. A. Kuznetsov, O. V. Selivanova</i> Actualization of the Russian historiography of England at the beginning of the Great Patriotic War (to the publication of the text by S. I. Arkhangelsky “The role of Russian historians in the development of the history of England” (August 1941)).....	153
SCIENTIFIC CHRONICLE	205
<i>G. V. Rokina</i> Inter-Slavic ties in the research field of historians	205

ПРЕДИСЛОВИЕ**FOREWORD**

УДК 930.1

DOI 10.30914/2227-6874-2020-13-9-10

**Концепты «память» и «забвение»
в научном инструментарии ученого***Г. В. Рокина,**главный редактор научного журнала «Запад – Восток»***The concepts of “memory” and “oblivion”
in the scientific tools of a scientist***G. V. Rokina,**Editor-in-Chief of the scientific journal “West – East”*

Долгие дискуссии в российской исторической науке о том, что концепции «исторической памяти» не соответствуют современному уровню научных знаний, а само понятие относится к категории «бесполезных», завершились тем, то в последнее десятилетие конструкт «историческая память» оказался необыкновенно привлекательным не только для так называемых идеологов «движений за память», но и для академических ученых. Спектр работ по исторической памяти сегодня достаточно широк и, можно сказать, «вошел в моду». Мемориальный бум в современных социальных науках, а также в исторической науке, которая в своих междисциплинарных исследованиях использует арсенал (инструментарий) наук общественных, дает возможность переосмыслить многие исторические явления и процессы, «для которых раньше не было адекватного языка и которые не привлекали к себе остро заинтересованного внимания общественности» (1, с. 12). Изучая содержание «исторической памяти», историки активно используют методы социальной и культурной антропологии. Понятие «политика памяти» стало востребованным у историков, которые переключились с темы «идеологические предпосылки и т. п.» на пропагандистские образы и символы; с политической истории – на культурную политику.

Но память невозможно себе представить без ее обратной стороны – забвения. Мы способны помнить потому, что мы можем забывать. Забвение как

социальное или культурное явление – предмет тех, кто занимается изучением памяти коллективной. До сих пор не существует исследований, занимающихся исключительно забвением. Все работы в этой области посвящены отношению памяти/истории и забвения, которые часто описываются формулой французского философа Поля Рикера как *дихотомия долга помнить и потребности забыть* (2). В рамках изучения культурной памяти говорят о двух явлениях, так или иначе противоположных ей – «предписанном забвении», связанном с целеполаганием определенных акторов, и амнезии как непреднамеренном и неосознаваемом забвении, называемом культурной травмой. Предписанное забвение – такой тип забвения, который «утверждается государственным актом во имя интересов всех партий, чтобы предотвратить развитие существующего в обществе конфликта в бесконечную вендетту» (3, с. 155).

Обсуждение темы забвения в прагматической плоскости, что позволяет применить его в исследовательской практике историка, было начато с известной речи Ренана «Что такое нация». Для него нация – это люди, которых объединяет не только общая память, но и забвение. «Забвение, или, лучше сказать, историческое заблуждение, является одним из главных факторов создания нации, и потому прогресс исторических исследований часто представляет опасность для национальности». Учитывая, что речь была произнесена в начале XX века, когда шел активный процесс формирования новых наций, Ренан рассуждал об историческом заблуждении в позитивном ключе как условия существования нации. Через столетие, в начале XXI века, этот же прием используется в исторической политике тех государств, где еще не завершён процесс формирования гражданской идентичности.

Тринадцатый выпуск нашего ежегодника объединил историков, чьи исследования посвящены роли исторической памяти в процессе формирования национальной идентичности, а также при конструировании исторической политики государств. В статьях приведены исторические примеры того, как проходят процессы оформления государственной исторической политики через коммеморационные практики и учебники истории. Приоритетной темой для ежегодника наряду с дихотомией «Запад – Восток» является история Словакии, а значительная часть авторов и членов редакционного совета входит в международную комиссию историков России и Словакии.

Благодарность: выпуск ежегодника подготовлен при финансовой поддержке гранта РФФИ (проект № 20-09-00279).

Список литературы

1. Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Б. Хлебникова. М., 2014. 323 с.
2. Рикер П. Память, история, забвение / пер. с франц. М. : Издательство гуманитарной литературы, 2004. 723 с.
3. Сафронова Ю.А. Историческая память. Введение. СПб., 2019.

**MEMORY STUDIES
КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЕ ПОЛЕ
MEMORY STUDIES AS A RESEARCH FIELD**

УДК 94(48).083(436)

DOI 10.30914/2227-6874-2020-13-11-25

Сталинградская битва в исторической памяти австрийцев

И. Шварц

Аннотация. В статье рассмотрены различные подходы к понятию «историческая память» (М. Хальбвакс, А. Ассман). Разбирая примеры, приведенные А. Ассман, автор указывает, что исследование культурной памяти, политики памяти, исторической памяти и сам дискурс о памяти, становится в последние годы одним из динамично развивающихся исследовательских полей. Автор статьи ставит целью проанализировать, какой дискурс существует в Австрии об участии австрийцев во Второй мировой войне и что характерно для памяти австрийцев о Сталинградской битве. Автор дискутирует с А. Ассман, которая в своих работах утверждала, что в Австрии по сравнению с Германией не было критических настроений вплоть до 1980-х годов. В статье приведены примеры писателей Томаса Бернхарда, Петера Ханке, Петера Хениша и многих других, которые подвергли острой критике австрийское общество и оппортунизм австрийцев, вызывая острую дискуссию в 1970–1980-е годы. На основе личных бесед и наблюдений автор статьи приводит примеры отношения австрийцев к событиям прошлого, а также анализирует исторические факты и статистику участия австрийцев в Сталинградской битве. По мнению автора, события под Сталинградом для австрийцев являются травмой побежденных, травмой стыда, а для некоторых и травмой вины. При этом автор обращает внимание на один очень важный механизм травмы (по А. Ассман), по которому травма – в отличие от героического нарратива не мобилизует и не консолидирует нацию, а разрушает ее идентичность.

Ключевые слова: историческая память, забвение, Вторая мировая война, Сталинградская битва, австрийские дивизии, травма побежденных

Для цитирования: *Шварц И.* Сталинградская битва в исторической памяти австрийцев // Запад – Восток. 2020. № 13. С. 11–25. DOI: <https://doi.org/10.30914/2227-6874-2020-13-11-25>

The Battle of Stalingrad in the historical memory of the Austrians

I. Schwarcz

Abstract. The article discusses various approaches to the concept of "historical memory" (M. Halbwachs, A. Assmann). Analyzing the examples given by A. Assmann, the author points out that the study of cultural memory, the politics of memory, historical memory and the discourse about memory itself have become one of the most dynamically developing research fields in recent years. The author of the article aims to analyze what kind of discourse exists in Austria about the participation of the Austrians in World War II, and what is characteristic for the memory of the Austrians about the Battle of Stalingrad. The author discusses with A. Assmann, who in her works argued that in Austria, compared to Germany, there were no critical sentiments until the 1980s. The article provides examples of writers Thomas Bernhard, Peter Handke, Peter Henschel and many others who sharply criticized Austrian society and the opportunism of Austrians, triggering a genuine cultural revolution in the 1970s and 1980s. Based on personal conversations and observations, the author of the article gives examples of the attitude of the Austrians to the events of the past, and also analyzes the historical facts and statistics of the participation of the Austrians in the Battle of Stalingrad. According to the author, the events near Stalingrad for the Austrians are the trauma of the defeated, the trauma of shame, and for some of them, the trauma of guilt. At the same time, the author draws attention to one very important mechanism of trauma (according to A. Assmann), according to which trauma, in contrast to heroic narrative, does not mobilize and does not consolidate a nation, but destroys its identity.

Keywords: historical memory, oblivion, World War II, the Battle of Stalingrad, Austrian divisions, trauma of the defeated

For citation: Schwarcz I. The Battle of Stalingrad in the historical memory of the Austrians. *West – East*. 2020, no. 13, pp. 11–25. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30914/2227-6874-2020-13-11-25>

Французский философ Морис Хальбвакс, основоположник теории коллективной памяти (*La Mémoire collective* (1950)), считал, что коллективная и индивидуальная память «часто проникают друг в друга; в частности, индивидуальная память может опереться на память коллективную, чтобы подтвердить или уточнить то или иное воспоминание... и, тем не менее, она идет по собственному пути», а коллективная память хотя и «оборачивается вокруг индивидуальных памятей», не смешивается с ними, а развивается по собственным законам [4]. Хальбвакс критически относился к использованию понятия «историческая память». По его мнению, «коллективная память отличается от истории и поэтому выражение «историческая память» выбрано не очень удачно, потому что оно связывает два противоположных во многих

отношениях понятия» [4]. Особенно важен для него был вопрос идентичности разных социальных групп. Хальбвакс был убежден, что идентичность группы базируется прежде всего на ее актуальной памяти о ключевых событиях прошлого, о корнях и истоках этих событий, «поскольку из прошлого такая память сохраняет только то, что еще живет или способно жить в сознании той группы, которая ее поддерживает», а группа сама «стремится помнить только о том, что считает своим, а не чужим» [4].

Одним из крупнейших специалистов по проблемам исторической памяти сегодня является немецкая исследовательница Алейда Ассман. Ею была предпринята попытка обобщения теоретических дебатов о том, как складываются социальные представления о прошлом, что стоит за человеческой способностью помнить или предавать забвению, благодаря чему индивидуальное воспоминание есть не только непосредственное свидетельство о прошлом, но и симптом, отражающий культурный контекст самого вспоминающего [1]. Некоторые ее труды, такие как «Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика» (2014 г.), «Новое недовольство материальной культурой» (2013 г.) и «Забвение истории – одержимость истории» (2019 г.) были переведены и на русский язык [5; 6; 7]. В них Ассман показывает, как на смену единому национальному нарративу XIX века приходят плюралистические и противоречивые подходы к прошлому в рамках «нового историзма XXI века». Индивидуальные биографии, семейные истории, романы, а также мемориалы, музейные экспозиции и исторические реконструкции событий приобретают особую роль в обострении конфликтов памяти разных поколений. Работы Алейды Ассман позволяют по-новому взглянуть на те трансформационные процессы, которые переживает сегодня феномен памяти.

Осенью 2019 года в интервью для COLTA.RU А. Ассман не только повторила давно известную истину: «Забвение прошлого подразумевает опасность того, что вы его можете повторить. Это нужно помнить, чтобы отличаться от прошлого и не повторять его», но в этом контексте она обратила внимание на радикальные движения в Западной Европе, в том числе и в Австрии. «Почему надо помнить о преступлениях даже того прошлого, которое стало для нас чужим, – потому что, если ты это забудешь, оно повторится. Мы это видим на примере AfD – движения «Альтернатива для Германии». Они реально не хотят помнить о преступлениях прошлого, они «удаляют» Гитлера из немецкой истории. Дело в том, что всякая память селективна. И каждый выбирает для себя те «кусочки», которые ему нужны. Поэтому, выбрав те фрагменты немецкой истории, которые им выгодны, приверженцы AfD строят для себя пьедестал, пропагандируя свои гордость и честь. И так происходит не только в Германии, но и повсюду в Европе: в Италии снова превозносят фашизм, в Испании

вновь чествуют Франко». И далее: «Можно привести также пример Австрии, у которой тоже фашистское прошлое. Но после 1945 года у австрийцев не было внешнего давления, которое заставило бы их проработать свое прошлое, и вплоть до 1980-х годов они принимали миф о том, что стали первой невинной жертвой Гитлера. У них не было общественных движений, критически настроенных по отношению к собственному прошлому, каким было молодежное движение 1960-х годов в Германии, когда дети противостояли родителям и поднимали вопрос об их вине. Поэтому в Австрии существует сильная фашистская преемственность, закрепленная в феномене FPÖ (Австрийской партии свободы)»¹. Мы вернемся к этому примеру Ассман, касающемуся Австрии, еще раз.

И в России исследование культурой памяти, политики памяти, историческую память и сам дискурс о памяти, становится в последние несколько лет также одним из динамично развивающихся исследовательских полей. Неслучайно победителем литературной премии «Большая книга» в 2018 г. стал философско-документальный труд Марии Степановой «Памяти памяти: Романс». В попытке написать историю собственной семьи Степанова обращает внимание на проблемы и ключевые вопросы при работе на территории прошлого и предупреждает: «Чем дальше современность заходит в прошлое (по колено, по пояс, по грудь...), тем отчетливее звучит разговор о том, кому оно принадлежит: о праве на владение тем или этим клочком старого мира и о тех, у кого такого права нет»².

Особое место в исследовании проблематики занимают работы российского историка, руководителя Центра изучения культурной памяти и символической политики Европейского Университета Алексея Миллера³. Так, в рамках образовательной программы «Ельцин центра» он предложил в зимнем семестре 2019 г. новый курс – «Войны памяти»⁴. Обоснование сводилось к следующим пунктам: «В годы перестройки и в 1990-е коллективная память понималась в России как пространство поиска правды и примирения через

¹ Алейда Ассман: Большое интервью «Немцам предстоит изобрести себя как нацию заново». URL: <https://www.colta.ru/articles/literature/22582-aleyda-assman-bolshoe-intervyu?fbclid=IwAR3zJyNDoEIJRc5aA3FeQStCovRHeqwaMouSwbY65Dgr1DsHkgotMSIc-e8> (дата обращения: 20.07.2020). Ср.: Ассман Длинная тень прошлого, с. 162–163.

² Мария Степанова. Памяти памяти: Романс. М., 2018. С. 157.

³ Проект РНФ 2017–2019 гг. «Комплексное сравнительное исследование политики памяти в России и на международной арене». В рамках проекта 11–12 ноября 2019 г. была организована в Петербурге международная конференция «Символические аспекты политики памяти в современной России и Восточной Европе». URL: <http://inion.ru/science/issledovatel-skie-proekty/kompleksnoe-sravnitelnoe-issledovanie-politiki-pamiati-v-rossii-i-na-mezhdunarodnoi-arene-aktory-strategii-instrumentarii/> (дата обращения: 20.07.2020).

⁴ Алексей Миллер о современных тенденциях в политике памяти. URL: <https://yeltsin.ru/news/aleksej-miller-o-sovremennyh-tendenciyah-v-politike-pamyati/> (дата обращения: 20.07.2020).

правду, как внутри страны, так и с другими народами. Это было схоже с тем, как на культурную память смотрели в Европе. Однако в XXI веке этот подход постепенно менялся и в России, и в Европе. Вместо того чтобы рассматривать культурную память как пространство изживания политического, в ней стали видеть неотъемлемую часть политики. А раз это так, то вопрос не в том, как найти правду и помириться, а в том, кому выгодно, и кто выигрывает. В итоге прежний подход, ориентированный на преодоление разногласий как внутри отдельных стран, так и в межнациональных отношениях, уступил место антагонистическому подходу, в котором память оказывается полем непримиримых конфликтов» [3].

В 2019 году в Петербурге вышел, не только для студентов, но и для широкого круга читателей, вводный курс «Историческая память», а за год до этого было опубликовано методологическое пособие по изучению политики памяти¹.

Как видно из этих примеров, эта тема сегодня актуальна как никогда. В рамках этой полемики вернемся к вопросу, какой дискурс существует в Австрии об участии австрийцев во Второй мировой войне и что характерно для памяти австрийцев о Сталинградской битве. И тут, к сожалению, надо констатировать, что Ассман имеет право сказать, что дискурс еще не состоялся, хотя в 1980-х годах бурные дебаты и значительный резонанс в обществе породила «афера Вальдхайма». Бывший Генеральный секретарь ООН Курт Вальдхайм был избран в 1986 г. президентом Австрийской Республики. Во время предвыборной борьбы выяснилось, что часть, где он служил во время Второй мировой войны, участвовала в карательных акциях против югославских партизан и в депортации евреев из Греции. Тактика Вальдхайма «я ничего не помню», «я исполнял свой долг» вызвала острую полемику. Впервые «система молчаливого соглашения» между крупнейшими австрийскими партиями, в рамках которого нацистское прошлое табуировалось и выводилось за скобки партийно-политических конфликтов, вышла из-под контроля, и общество разделилось на тех, кто считал Австрию и австрийцев первой жертвой нацизма, и тех, кто выступал против подобной «культуры забвения»².

¹ Историческая память: введение : учебное пособие / Ю.А. Сафронова. СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт Петербурге, 2019; Методологические вопросы изучения политики памяти / под ред.: А.И. Миллера, Д.В. Ефременко. СПб. : Нестор-История, 2018.

² Ватлин А.Ю. Австрия в XX веке. Учебное пособие для вузов. М.; Берлин, 2014. URL: <https://books.google.at/books?id=djy0CgAAQBAJ&pg=PT208&lpg=PT208&dq=%D0%90%D1%84%D0%B5%D1%80%D0%B0+%D0%9A%D1%83%D1%80%D1%82+%D0%92%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%B4%D1%85%D0%B0%D0%B9%D0%BC&source=bl&ots=t22qEEfira&sig=ACfU3U1rRmMqngwLz0iA3ehobgiIP7gEmw&hl=ru&sa=X&ved=2ahUKEwizmMW5oI3mAhXMKVAKHSMiAHsQ6AEwBHoECBAQAQ#v=onepage&q=%D0%90%D1%84%D0%B5%D1%80%D0%B0%20%D0%9A%D1%83%D1%80%D1%82%20%D0%92%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%B4%D1%85%D0%B0%D0%B9%D0%BC&f=false> (дата обращения: 20.07.2020).

Как известно, в подписанной Англией, Россией и США Московской декларации в 1943 г. Австрия рассматривалась как первая жертва фашизма, и «доктрина жертвы» сохранилась в республике до 1980-х годов. Она снимала с Австрии ответственность за преступления нацизма [10]. Процесс денацификации после войны был быстро свернут, и многие ветераны вермахта и войск СС заняли в обществе почетные места. Но Ассман ошибается, когда утверждает, что в Австрии по сравнению с Германией не было критических настроений вплоть до 1980-х годов. Творчество писателей Томаса Бернхарда, Петера Ханке, Петера Хениша и многих других ставило под вопрос эту доктрину и подвергло острой критике австрийское общество и оппортунизм австрийцев, вызывая подлинную культурную революцию в 1970-х – 1980-е годы [9].

О чем говорят люди старшего и нового поколения?

Приведем несколько примеров. За почти 30 лет работы в Венском университете часто приходилось в разговорах о Второй мировой войне слышать слова: «Мой отец был под Сталинградом». Впервые столкнулась с этим утверждением в непринужденном разговоре с моей коллегой М. В.¹. Она сказала это совершенно естественно, и я была поражена! Для меня, как человека, который вырос в совершенно другой культурной среде, это был шок. Ее отец был под Сталинградом, а мы сидим и пьем кофе вместе, как будто ничего не произошло, хотя наши отцы были «по разные стороны баррикады». Интересен сам по себе факт, что когда в 2002 году в нашем институте был организован лекционный курс о женщинах Восточной Европы, моя коллега выбрала для титульной страницы сборника этого курса скульптуру Е. В. Вучетича «Родина-мать зовет!», и мне казалось, что это был ее подсознательный ответ на вопрос, почему войска Вермахта проиграли битву под Сталинградом. Потом я слышала слова: «Мой отец был под Сталинградом» от моей подруги А. Х., потом от Мартина, от Хельмута, от Вальтера – список длинный. С годами у меня сложилось впечатление, что когда речь шла о Второй мировой войне, то будто у всех моих австрийских коллег и друзей отцы были на Восточном фронте – не под Киевом, Харьковом или Москвой, а именно под Сталинградом! Это был такой коллективный образ о Восточном фронте второго поколения после войны – мой отец пережил ужасы Сталинградской битвы и остался живым.

О чем говорят факты и что нам известно об участии австрийцев?

Английский исследователь Энтони Бивор, автор книги «Сталинград», обращает внимание на очень пестрый состав армии вермахта во время войны: «Несмотря на все старания нацистов сплотить германскую армию... она оставалась вовсе не такой монолитной, как это впоследствии постарались

¹ Здесь и дальше даются только инициалы, так как речь идет о приватном разговоре.

представить некоторые писатели. Разница менталитета выходцев из Баварии, Восточной Пруссии, Саксонии и особенно австрийцев сразу бросалась в глаза»¹.

Дошедшая до нас статистика очень спорная, и цифры расходятся. Численность 6-й армии Вермахта под командованием фельдмаршала Фридриха Паулюса осенью 1942 г. под Сталинградом насчитывала около 330–335 тысяч человек. 19 ноября 1942 г. началось знаменитое наступление советской армии под кодовым названием «Уран», и 23 ноября кольцо замкнулось. В «котле» оказались 6-я армия вермахта и 24-я танковая дивизия, входившая в состав 4-й танковой армии под командованием Арно фон Ленски, а также остатки двух румынских дивизий – 20-я пехотная и 1-я кавалерийская, хорватский полк в составе 100-й егерской австрийской дивизии и автотранспортная колонна итальянских войск. По подсчетам Энтони Бивора в окружение под Сталинградом попали около 290000 человек². Выжили и вернулись домой всего 6000, по некоторым подсчетам 5000, и из них около 1200 были австрийцы³.

В состав 6-й армии входили 4 австрийские дивизии, которые насчитывали около 50000 солдат⁴. Это были:

44-я пехотная дивизия из Вены и Нижней Австрии (44. Infanteriedivision „Hoch- und Deutschmeister“ aus Wien und Niederösterreich), которая была сформирована после аншлюса Австрии к Рейху в 1938 г. из 1-й, 2-й и 3-й дивизий бывшей регулярной австрийской армии⁵. 20-я Дивизия входила в состав 4-го корпуса армии под командованием генерал-лейтенанта Дебуа. Во время операции «Уран» находилась на северном фланге и потеряла около 2000 человек⁶. Дивизия во время окружения находилась в степи, при невыносимом холоде, голоде и отсутствии боеприпасов, имея задачу защитить западный фронт от любых попыток Красной армии его прорвать. При наступлении советской армии 10 января солдаты дивизии были отброшены к западной границе города, и огромная их часть погибла. Последние из них сдались в плен 28–29 января. Из этой дивизии вернулись в Австрию после войны не больше 100 человек. Среди них был и Ганс Дибольд, врач дивизии⁷.

¹ Энтони Бивор. Сталинград. М., 2018. С. 44.

² Бивор. Сталинград. С. 386.

³ URL: <http://www.bundesheer.at/truppendienst/ausgaben/artikel.php?id=1458> (дата обращения: 20.07.2020).

⁴ По некоторым данным около 40000–45000 человек. URL: <http://www.bundesheer.at/truppendienst/ausgaben/artikel.php?id=1458> (дата обращения: 20.07.2020).

⁵ Там же.

⁶ Бивор. Сталинград. С. 386.

⁷ Его воспоминания были опубликованы в 1949 г. См.: Hans Dibold, Arzt in Stalingrad. Passion einer Gefangenschaft. Salzburg 1949. Neue Auflage 2004.

100-я горнострелковая дивизия, известная как егерская дивизия из Залцкаммергута (100. Leichte Jägerdivision aus dem oberösterreichischen Salzkammergut) под командованием немецкого офицера, генерал-лейтенанта Вернера Занне (Werner Sanne). Свидетели описывают его как особенно беспощадного офицера, который непрерывно отправлял солдат в бой, несмотря на потери. Дивизия участвовала в боях на заводе «Красный Октябрь», оружейном заводе «Баррикады», на Высоте 102,0 (Мамеевом кургане) и на Татарском вале. В состав дивизии входил также 369-й хорватский полк. Лично Анте Павелич, основатель и лидер фашистской организации усташей, прилетел 24 сентября 1942 г. проинспектировать своих солдат и вручить им знаки отличия. В январе 1943 г. дивизия была полностью уничтожена. Генерал-лейтенант Занне был одним из последних, который сдался в плен. Умер в 1952 году в лагере военнопленных в Краснополье¹.

297-я пехотная дивизия из города Бадена (297. Infanteriedivision, Baden) входила в 4-й корпус под командованием генерала инженерных войск Эрвина Йенеке (Erwin Jaenecke)². Командующим был генерал-лейтенант Пфедфер, командир пехотного батальона 297-й дивизии был майор Бруно Гебеле, капелланом – доктор Алоис Бек. Позднее, по поводу спекуляций, что прорыв в декабре 1942 г. мог бы увенчаться успехом, Бек пишет в своих воспоминаниях: «Русские перестреляли бы «полузамерзших солдат как зайцев», потому что те просто не могли бы идти по сугробам высотой по колени»³. Дивизия сдалась 29 января. Неизвестно, сколько остались в живых и вернулись домой.

9-я зенитная дивизия Вена-Кагран (9. FlAK⁴ Division – Wien-Kagrán) под командованием генерал-майора Пикерта обслуживала аэродром «Питомник», и ее обязанность была защищать аэродром от налетов противника и обеспечить снабжение рейсов Люфтваффе. Сдалась 28–29 января, сколько остались в живых и вернулись – трудно сказать⁵ [2].

¹ Бивор. Сталинград. С. 248. Ср. <http://www.lexikon-der-wehrmacht.de/Personenregister/S/SanneWerner.htm> (дата обращения: 20.07.2020).

² С 1 ноября 1942 г. до 22 января 1943 г. Jaenecke был Kommandierender General des IV. Armeekorps. Вывезен по воздуху из котла до капитуляции.

³ См. Бивор. Сталинград. С. 422–423.

⁴ FlAK – Fliegerabwehrkanonen Division.

⁵ О военнопленных при Сталинграде см. публикации Александра Епифанова: А.Е. Epifanow, Hein Mayer Die Tragödie der deutschen Kriegsgefangenen in Stalingrad: von 1942 bis 1956 nach russischen Archivunterlagen. 1996; Епифанов А.Е. Организационные и правовые основы наказания гитлеровских военных преступников и их пособников в СССР 1941–1956 гг. М., 2017.

Ситуация в войсках вермахта накануне капитуляции по свидетельствам очевидцев

С начала декабря продуктов и боеприпасов становились все меньше. 20 декабря были зарегистрированы первые умершие от голода. Холод в сочетании с голодом привели к тому, что солдаты, свободные от несения службы, постоянно лежали в землянках, стараясь сберечь внутреннюю энергию. Но самым страшным были не апатия, а бредовые состояния: кто-то громко кричал, кто-то слышал голоса, а кто-то доходил до самоубийства. Так, 26 декабря один из офицеров 6-й армии отметил в своих записках, что физических сил больше ни у кого нет и при этом сильном морозе наступает момент, когда каждый мог бы сказать: «Мне теперь наплевать – замерзну я медленно или русские убьют меня»¹. В середине января большей части солдат нечего было есть. С упадком физических сил упал и боевой дух. Только за одну неделю в январе 1943 г. были приговорены к смерти в упомянутых четырех австрийских дивизиях 364 солдата. Поводом для строгого наказания были трусость, дезертирство, удаление от войск без разрешения и кража продовольствия (wegen Feigheit, unerlaubter Entfernung von der Truppe, Fahnenflucht und Verpflegungsdiebstahl). Но такие драконовские меры, как расстрелы перед строем, деморализовали солдат еще больше². В то же самое время никто из командующих не хотел брать на себя ответственность и никто не хотел действовать вопреки приказам Гитлера. Как известно, при захвате генерал-фельдмаршала Паулюса, 31 января 1943 г., он отказался подписать капитуляцию, и только утром 2 февраля наконец-то пришло известие о полной капитуляции окруженных войск. Битва на Волге завершилась, но город превратился в братскую могилу для многих солдат. И сейчас, 75 лет спустя, не совсем известно, сколько из них оставили здесь свои кости³.

Сталинградская трагедия более сильно, чем другие военные события, демонстрирует манию величия политического руководства и проблему нравственного послушания: здесь прежде всего идет речь о вине и ответственности высшего руководства, о злоупотреблении властью и о невыразимых

---

¹ "Jetzt ist mir alles scheißegal, und einfach langsam erfriert oder vom Russen überrannt wird" // Rolf Steininger, *Missbrauchte Tapferkeit*, Wiener Zeitung, 27. Jänner 2013. URL: https://www.wienerzeitung.at/nachrichten/wissen/geschichte/518852_Missbrauchte-Tapferkeit.html (дата обращения: 20.07.2020).

² Там же.

³ По подсчетам фрайбургского историка Рюдигер Оверманс (Rüdiger Overmans), были окружены 195000 солдат, 29000 вылетели обратно, 60000 умерли в «котле». Из 110000 военнопленных умерли 105000 и только 5000 остались живыми. In: *Das andere Gesicht des Krieges: Leben und Sterben der 6. Armee* // *Stalingrad. Ereignis – Wirkung – Symbol*, hg. Jürgen Förster, München 1992, S. 419–455.

человеческих страданиях, на которые были обречены все участники этой трагедии.

Как уже было сказано, в Австрию после войны вернулись около 1200 человек. Они не хотели говорить и вспоминать о «котле» – это была не только индивидуальная, но и коллективная травма. Эта была травма побежденных, травма стыда, а для некоторых и травма вины по отношению к товарищам по дивизии – тысячи погибли, а ты остался живым. Неудивительно, что многие хотели забыть и предпочитали молчать. Молчание являлось защитным механизмом – оно служило для жертвы на некоторое время средством самосохранения или смягчения боли, а преступнику оно давало безопасность и защиту от преследования [1, с. 92]. В заключение приведу еще одну цитату А. Ассман, где она обращает внимание на один очень важный механизм травмы: «Травма – в отличие от героического нарратива – не мобилизует и не консолидирует нацию, а нарушает, даже разрушает ее идентичность» [1, с. 74].

Надо сказать, что в Австрии до сих пор опубликована только небольшая часть воспоминаний¹. Среди них особое место занимают мемуары «красной графини» Рут фон Майенбург «Голубая кровь и красные знамена» и «Хотел Люкс»². Майенбург родилась в аристократической семье в Богемии, училась в Вене и находилась в интеллектуальном круге Элиаса Канетти и Эрнста Фишера. С наступлением фашизма она вместе с мужем эмигрировала в 1934 г. в Москву. Здесь была завербована Разведывательным управлением РККА и под псевдонимом Лена с 1934 по 1938 годы выполняла ряд сложных и опасных заданий в Германии. За 4 года дослужилась до звания полковника, что считалось удивительным в то время. После начала войны стала работать референтом отдела печати Исполкома Коминтерна и диктором радиостанции на немецком языке, а после роспуска Коминтерна была направлена в Главное политическое управление Красной армии. В 1943 году Майенбург стала уполномоченной по работе среди австрийских военнопленных, попавших в плен под Сталинградом, и в середине июня была направлена в лагерь военнопленных в Елабуге (Татарстан). В ее мемуарах встречаются сведения о деятельности Коминтерна, о чистках в его рядах, о жизни во время войны, о работе среди военнопленных³, но больше всего поражает ее рассказ о встрече с фельдмаршалом Паулюсом после покушения на жизнь Гитлера 20 июля 1944 года. Рут Майенбург получила задание поехать к Паулюсу, который к этому времени находился в комплексе бывшего

¹ Hans Dibold, *Arzt in Stalingrad. Passion einer Gefangenschaft*. Salzburg 1949. Neue Auflage 2004, Erwin Peter, Alexander E. Epifanow, *Kriegsgefangene. Ihr Schicksal in Erinnerungen und nach russischen Archiven*. Graz-Stuttgart 1997.

² Ruth von Mayenburg, *Blaues Blut und rote Fahnen*. Wien/München 1969; *Hotel Lux*, München 1978.

³ Mayenburg, *Blaues Blut*, с. 284–294.

санатория, недалеко от города Иванова, и узнать, как он относится к заговору Штауффенберга. В ходе разговора Паулюс, который с детства любил рисовать, попросил ее привезти ему из Москвы французские пастельные краски, так как русские, как он выразился, были дрянь: «Können Sie mir nicht französische Pastellfarben verschaffen, gnädige Frau, die muss es doch in Moskau geben, nicht nur solchen russischen Mist»¹. Паулюс вполне сознательно следовал нацистским приказам, собственно говоря, делал возможным их исполнение и, естественно, нес за это огромную ответственность. Шла война, люди погибали, умирали от голода, вокруг царил мир трагедии, а все что его интересовало и волновало – достать ему французские краски.

Среди документов и архивных материалов о Сталинграде особое место занимают письма австрийских солдат с фронта. Многие из них не дошли до адресатов и сегодня хранятся в музее «Сталинградская битва» в Волгограде. 500 копий писем были переданы австрийскому Институту по изучению последствий войн им. Людвиг Больцмана (Ludwig Boltzmann Institut für Kriegsfolgenforschung) в городе Грац и теперь доступны исследователям² [8].

Директор Института, проф. Стефан Карнер является одним из лучших специалистов по проблемам войны и военнопленных, многие годы он работал как в австрийских, так и в российских архивах, и его труды опубликованы не только на немецком, но и на русском языках³. Карнер является вместе с академиком А. О. Чубарьяном и сопредседателем Российско-австрийской комиссии историков.

О памяти и мемориальных памятниках

Каждый год в феврале и марте проводятся во многих церквях Австрии службы в память павших солдат⁴. Еще в 50-х г. (15 сентября 1957 г.) был создан как частная организация Союз ветеранов Сталинградской битвы (Stalingradbund Österreich)⁵. Его первоначальная цель была установление судеб пропавших без вести, но в целом о деятельности этой правой организации трудно найти публикации или информацию в Интернете. Сегодня региональные ветви Союза в Вене, в Мондзее/Залцкаммергут, Айген им Эннстале

¹ Mayenburg, *Blaues Blut*, с. 341–348.

² URL: <https://www.truppendienst.com/themen/beitraege/artikel/stalingrad-75-jahre-danach#page-1> (дата обращения: 20.07.2020).

³ Stefan Karner, *Gefangen in Russland*. Graz/Wien 1995; Stefan Karner, *Im Archipel GUPVI. Kriegsgefangenschaft und Internierung in der Sowjetunion 1941–1956*. Wien/München 1995. Книга вышла также и в переводе на русский язык: Стефан Карнер, *Архипелаг ГУПВИ. Плен и интернирование в Советском союзе 1941–1956 гг.* М., 2002.

⁴ URL: http://www.kameradschaftedelweiss.at/seiten/ortsverbaende/feldbach/berichte/gedenkmesse2019/gedenkmesse_2019.htm (дата обращения: 20.07.2020).

⁵ URL: https://winter-borealis.livejournal.com/93141.html?fbclid=IwAR0ePwicOY7YrjyO6x5YjJs1vzZxEVUyVZYxayyPc_CZCgyodp65Wprdfk (дата обращения: 20.07.2020).

в Шайермарке, во Фельдбахе осуществляют мемориальную деятельность и проводят памятные встречи¹. За годы деятельности было поставлено несколько памятников, самый известный из которых находится в Айген им Эннстале (Aigen im Ennstal). Это небольшая капелла (часовня), которая была воздвигнута в 1973 г. по идее директора школы, бывшего солдата под Сталинградом – Отто Хабле. На колоколе, как напоминание о трагедии войны, выгравирована надпись «Сталинград 1943. Непонятное, слезы для молодежи Европы, отчаяние и надежда, мечты о мире. Господи, да будет воля твоя»².

До начала 90-х годов Волгоград являлся закрытым городом. В первый раз сюда приехала официальная делегация «Черного креста» (Österreichischer schwarze Kreuz) в рамках международной конференции, посвященной военнопленным в России (май 1992 г.). Для австрийских представителей была организована экскурсия в степи, в места, где находились солдаты 297-й дивизии, и участники экскурсии были потрясены, увидев все еще разбросанные по степи кости непохороненных солдат. Возвратившись в Вену, члены делегации рассказали о своих впечатлениях. Был создан инициативный комитет «50 лет Сталинград» под эгидой мэра города Вены – Хельмута Цилька для организации установки мемориала павшим под Сталинградом. Членами комитета были канцлер Австрии Франц Враницкий, вице-канцлер Ерхард Бусек, кардинал Ханс Грьоер, министр обороны Вернер Фасслабенд и многие другие. Памятник был открыт 8 июня 1996 г. в 20 км от Волгограда, в степи, недалеко от поселка Песчанка. При открытии присутствовали Др. Цильк и проф. Стефан Карнер³.

Для индивидуальной памяти и сохранения воспоминаний о трагедии под Сталинградом сильное воздействие имеет культ «Сталинградской мадонны». Портрет «Мадонны с младенцем» был написан перед Рождеством 1942 г. капелланом и врачом 16-й танковой дивизии – Куртом Ройбером. Внизу на этой уникальной работе воспроизведены слова евангелиста Иоанна: «Свет. Жизнь. Любовь» (Licht. Leben. Liebe.) – слова веры, утешения и надежды⁴. Сам Ройбер умер в лагере для военнопленных в Елабуге

¹ URL: <https://www.salzkammergut.at/oesterreich-poi/detail/430022074/stalingrad-gedenkstaette.html> (дата обращения: 20.07.2020). Некоторые действия этих организаций вызывают вопросы. См. например, об этом: URL: <https://www.zeit.de/gesellschaft/zeitgeschehen/2012-08/militaer-fallschirmspringer-verbund-oesterreich> (дата обращения: 20.07.2020).

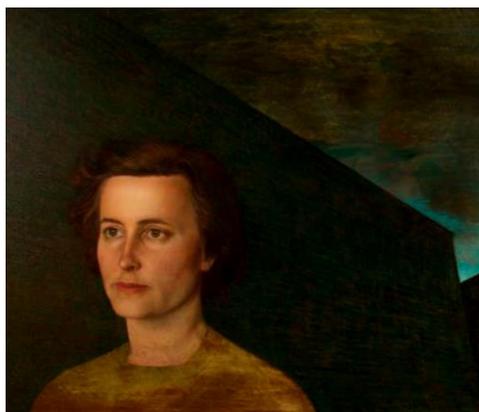
² „Stalingrad 1943 Das Unbegreifliche, Tränen um die Jugend Europas, Verzweiflung und Hoffnung, Träume von Frieden. Herr, Dein Wille geschehe.“ URL: <http://www.ennstalwiki.at/wiki/index.php/Stalingradkapelle> (дата обращения: 20.07.2020).

³ URL: <https://www.truppendienst.com/themen/beitraege/artikel/stalingrad-75-jahre-danach#page-1> (дата обращения: 20.07.2020).

⁴ Der evangelische Pastor und Arzt Dr. Kurt Reuber zeichnete Weihnachten 1942 bei Stalingrad ein Madonnenbild auf die Rückseite einer russischen Landkarte. Er selbst starb am 20.01.1944 im Lager.

20 января 1944 года. В настоящее время рисунок находится в мемориальной церкви Кайзера Вильгельма в Берлине, а копия – в кафедральном храме в Волгограде, в музее Волгограда и во многих городах и поселках Германии. Четыре копии, вырезанные как рельеф, находятся и в Австрии – в городе Баден и поселках Фелинг, Фронсбург и Лангау¹. Я побывала в день поминовения усопших, 1-го ноября 2019 г. в Бадене, где в соборе «Св. Стефана» хранится одна из этих «Сталинградских мадонн». Пока была в церкви, регулярно приходили люди, старые, молодые, дети и зажигали свечи перед рельефом Мадонны, а рядом с ней висела настоящая русская икона. Мемориальные места сегодня хранят память обо всех жертвах войны и напоминают нам об этой трагедии, потому что, как говорила Ассман, прошлое нельзя забыть – «если ты это забудешь, оно повторится».

¹ Baden bei Wien Kirche St. Stephan, Felling Katastralgemeinde der Stadtgemeinde Hardegg, Pfarrkirche, Fronsburg (Weitersfeld) Bründlkapelle, Langau in der Kirche.

Портрет Рут фон Майенбург

Рут фон Майенбург

Церковь Св. Стефана, Баден

Икона в церкви Св. Стефана, Баден

Сталинградская Мадонна,
Баден

Памятник жертвам
Сталинградской битвы, с. Песчанка

Список литературы

1. Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М., 2014. URL: <https://www.labyrinth.ru/books/515004/> (дата обращения: 20.07.2020).
2. Епифанов А. История и правовое положение военнопленных вермахта в Сталинграде 1942/1956 гг. Волгоград, 2007.
3. Миллер А.И. Рост значимости институционального фактора в политике памяти // Политика 3 (2019). С. 87. URL: http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2019-3%2894%29-87-102.pdf?fbclid=IwAR1AAKmpxx9IE_M85KgKBOhLxPDgV7Wa7TFFa3sx554TETrR7_iNMHP1r1o (дата обращения: 20.07.2020).
4. Хальбвакс Морис. Коллективная и историческая память. // Неприкосновенный запас. 2 (2005). URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/kollektivnaya-i-istoricheskaya-pamyat.html> (дата обращения: 20.07.2020).
5. Assmann Aleida. Der lange Schatten der Vergangenheit. Erinnerungskultur und Geschichtspolitik. München : C.H. Beck, 2006.
6. Assmann Aleida. Das neue Unbehagen an der Erinnerungskultur. München: C.H. Beck, 2013.
7. Assmann Aleida. Geschichte im Gedächtnis: Von der individuellen Erfahrung zur öffentlichen Inszenierung. München : C.H. Beck, 2007.
8. Birnbaum Christoph. Es ist wie ein Wunder, dass ich noch lebe. Feldpostbriefe aus Stalingrad, 1942–43. Edition Lempertz, Königswinter 2012.
9. Hanisch Ernst. Der lange Schatten des Staates. Österreichische Gesellschaftsgeschichte im 20. Jahrhundert. In: Österreichische Geschichte 1890–1990, hg. von Herwig Wolfram. Wien 2005, S. 475–481.
10. Schima Werner. Der Zweite Weltkrieg. Vom Blitzkrieg bis zum Untergang. Wien 2018.

Статья поступила в редакцию 4.08.2020;
одобрена после рецензирования 27.08.2020; принята к публикации 15.09.2020.

Об авторе**Шварц Искра**

Институт истории Восточной Европы Венского университета, Австрийская Республика, iskra.szwarcz@univie.ac.at

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

References

1. Assmann A. Dlinnaya ten' proshlogo. Memorial'naya kul'tura I istoricheskaya politika [Long shadow of the past. Memorial culture and historical politics]. Moscow, 2014. Available at: <https://www.labyrinth.ru/books/515004/> (accessed 20.07.2020). (In Russ.).
2. Epifanov A. Istoriya I pravovoe polozhenie voennoplennykh vermakhta v Stalingrade 1942/1956 gg. [History and legal status of Wehrmacht prisoners of war in Stalingrad 1942/1956]. Volgograd, 2007. (In Russ.).
3. Miller A.I. Rost znachimosti institutsional'nogo faktora v politike pamyati [Growth of the significance of institutional factor in politics of memory – causes and implications]. *Politiya* = Politeia, 2019, no. 3, pp. 87. Available at: http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2019-3%2894%29-87-102.pdf?fbclid=IwAR1AAKmPxx9IE_M85KgKBOhLxPDgV7Wa7TFFa3sx554TETpR7_iNMHPlr1o (accessed 20.07.2020). (In Russ.).
4. Halbwachs M. Kollektivnaya I istoricheskaya pamyat' [Collective and historical memory]. *Neprikosnovennyi zapas* = NZ, 2005, no. 2. Available at: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/kollektivnaya-i-istoricheskaya-pamyat.html> (accessed 20.07.2020). (In Russ.).
5. Assmann Aleida. Der lange Schatten der Vergangenheit. Erinnerungskultur und Geschichtspolitik. München, C.H. Beck, 2006. (In Germ.).
6. Assmann Aleida. Das neue Unbehagen an der Erinnerungskultur. München, C.H. Beck, 2013. (In Germ.).
7. Assmann Aleida. Geschichte im Gedächtnis: Von der individuellen Erfahrung zur öffentlichen Inszenierung. München, C.H. Beck, 2007. (In Germ.).
8. Birnbaum Christoph. Es ist wie ein Wunder, dass ich noch lebe. Feldpostbriefe aus Stalingrad, 1942–43. Edition Lempertz, Königswinter, 2012. (In Germ.).
9. Hanisch Ernst. Der lange Schatten des Staates. Österreichische Gesellschaftsgeschichte im 20. Jahrhundert. In: Österreichische Geschichte 1890–1990, hg. von Herwig Wolfram. Wien 2005, pp. 475–481. (In Germ.).
10. Schima Werner. Der Zweite Weltkrieg. Vom Blitzkrieg bis zum Untergang. Wien 2018. (In Germ.).

The article was submitted 4.08.2020;
approved after reviewing 27.08.2020; accepted for publication 15.09.2020.

About the author**Iskra Schwarcz**

Institute of History of Eastern Europe of Vienna University, Austrian Republic, iskra.szwarcz@univie.ac.at

The author has read and approved the final manuscript.

УДК 271.2(470+571)

DOI 10.30914/2227-6874-2020-13-26-37

Память как забвение: православие в России в эпоху секуляризации

Ю. С. Обидина

Аннотация. Распад Советского Союза знаменовал конец эпохи государственного подавления религии, способствуя возможному религиозному возрождению в России. Тем не менее, несмотря на свидетельства повышения уровня идентичности русских православных, споры о том, является ли постсоветская Россия исключением из тенденций секуляризации в других странах, продолжают. Цель статьи – показать, соответствует ли Россия парадигме секуляризации с точки зрения ее классического понимания. С этой целью была рассмотрена российская православная религиозность постсоветского периода с позиций теории памяти. Новизна статьи заключается в применении исследовательского подхода к памяти как забвению, что позволило объяснить особенность православной религиозности и ее связь с ценностями морального консерватизма, исторически связанными с религией и церковью в России. В качестве метода исследования выступает метод сравнения, а также метод исторической реконструкции, позволяющий выявить общее и особенное в осознании религиозной идентичности в советской и постсоветской России. Отмечается, что продолжающийся рост православной самоидентификации, рост посещаемости церкви не совсем верно рассматривать с точки зрения классической концепции секуляризации, поскольку процесс секуляризации в России подчинен не внутренней логике процесса и не особенностям религиозной политики Российского государства, а особенностям коллективной исторической и культурной памяти, которая в данном контексте выступает как забвение. Сделан вывод, что возрождение православия в России является серьезным исключением из тенденций секуляризации в Европе не по причине особенностей процесса секуляризации или религиозной политики, а в силу особенностей проявления исторической памяти.

Ключевые слова: память, секуляризация, православие, религиозная политика, религиозное возрождение, забвение, религиозная идентичность

Для цитирования: Обидина Ю.С. Память как забвение: православие в России в эпоху секуляризации // Запад – Восток. 2020. № 13. С. 26–37. DOI: <https://doi.org/10.30914/2227-6874-2020-13-26-37>

Memory as oblivion: Orthodoxy in Russia in the era of secularization

Yu. S. Obidina

Abstract. The collapse of the Soviet Union marked the end of the era of state suppression of religion, contributing to a possible religious revival in Russia. Nevertheless, despite evidence of an increase in the level of identity of Russian Orthodox Christians, the debate over whether post-Soviet Russia is an exception to secularization trends in other countries continues. The *purpose* of the article is to show whether Russia corresponds to the paradigm of secularization from the point of view of its classical understanding. For this purpose, the Russian Orthodox religiosity of the post-Soviet period was considered from the standpoint of the theory of memory. The novelty of the article lies in the application of a research approach to memory as oblivion, which made it possible to explain the peculiarity of Orthodox religiosity and its connection with the values of moral conservatism, historically associated with religion and the church in Russia. The method of research is the method of comparison, as well as the method of historical reconstruction, which makes it possible to identify the general and specific in the awareness of religious identity in Soviet and post-Soviet Russia. It is noted that the continued growth of Orthodox self-identification, the growth of church attendance is not entirely correct to consider from the point of view of the classical concept of secularization, since the process of secularization in Russia is subordinated not to the internal logic of the process, and not to the peculiarities of the religious policy of the Russian state, but to the peculiarities of the collective historical and cultural memory, which in this context acts as oblivion. It is concluded that the revival of Orthodoxy in Russia is a serious exception to the tendencies of secularization in Europe, not because of the peculiarities of the process of secularization or religious policy, but because of the peculiarities of the manifestation of historical memory.

Keywords: memory, secularization, Orthodoxy, religious policy, religious revival, oblivion, religious identity

For citation: *Obidina Yu.S.* Memory as oblivion: Orthodoxy in Russia in the era of secularization. *West – East*. 2020, no. 13, pp. 26–37. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30914/2227-6874-2020-13-26-37>

После распада СССР наблюдалось несколько явных признаков возрождения православия и Русской православной церкви на постсоветском пространстве. К ним относятся восстановление церквей и монастырей [9], рост числа упоминаний русского православия в политическом дискурсе [17] и, в первую очередь, заметный рост самоидентификации русских православных [11]. Однако это возрождение православия в общественной

жизни России во многом противоречит теории секуляризации, доминирующему объяснению моделей религиозности в большей части Европы. Согласно теории секуляризации, модернизация образования, рост научной рациональности, урбанизация и дифференциация ролей церкви и государства привели к упадку религиозности в западных обществах [22]. Исследования в постсоциалистической Восточной Европе также предполагают, что эти страны могут в какой-то степени проходить тот же процесс секуляризации, что и остальная Европа [10; 15]. Однако неясно, насколько классическая интерпретация процесса секуляризации применима к России. Некоторые исследователи [11], например, утверждают, что Россия после распада СССР пережила религиозное возрождение, и приходят к выводу, что «то, что мы наблюдаем в России, – это явное религиозное возрождение», в то время как другие ставят под сомнение подлинность пробуждения религиозности, утверждая, что это в значительной степени номинальное возобновление религиозности, связанное с ростом посещаемости церкви спорадическими прихожанами [3; 14]. Социальные и политические последствия изменений в религиозности также неясны: в то время как исследования дают мало свидетельств о том, как проявляется принадлежность к православию [7], они обнаруживают определенные ассоциации между принадлежностью к православию и моральными традиционными или авторитарными политическими ценностями [21]; но неизвестно, являются ли эти связи достаточно устойчивыми, ведь «для верующих православная церковь – это не генератор моральных ценностей а прежде всего церковь, сосредоточенная на богослужении. Проповеди и исповедание играют роль, но литургическая жизнь, безусловно, является наиболее важным проявлением веры. Сейчас, когда церковь вновь стала активной, важно понимать природу русской православной традиции и ее влияние на российское мышление и современное российское общество» [2].

Неспособность существующих на сегодняшний день многочисленных исследований (справедливости ради следует отметить, что больше этот вопрос интересует европейскую научную общественность, а отнюдь не российскую) прийти к каким-либо четким выводам во многом объясняется отсутствием в них количественных данных, которые позволили бы проводить сравнения в долгосрочной перспективе, необходимые для установления того, существует ли четко выраженная тенденция в религиозности и имеет ли это значение для социальных и политических ценностей современной России. В исследованиях либо используется сравнительный анализ России с другими странами бывшего социалистического лагеря [11; 15], либо включаются данные за относительно короткий промежуток времени, снова устраняющие возможность уверенного определения долгосрочных тенденций [21]. Чтобы проанализировать сложные последствия

атеистической политики в советский период и последствий любого предполагаемого процесса секуляризации, требуются дополнительные исследования. Только тогда мы сможем определить, действительно в России продолжается религиозное возрождение либо это продолжение религиозной политики государства, начатой еще в советское время.

Как нами уже отмечалось ранее, «большая часть православной традиции в России была вовлечена в осознанный, продуманный процесс забвения, и поэтому особенно интересно узнать, как восстанавливается «потерявшаяся» память» [2]. Цель данного исследования – показать, соответствует ли Россия парадигме секуляризации с точки зрения ее классического понимания. С этой целью мы рассмотрим российскую религиозность постсоветского периода с позиций теории памяти. Новизной в данном случае будет выступать исследовательский подход к памяти как забвению, что позволит объяснить особенность православной религиозности и ее связь с ценностями морального консерватизма, исторически связанными с религией и церковью в России. В качестве метода исследования выступает метод сравнения, а также метод исторической реконструкции, позволяющий выявить общее и особенное в осознании религиозной идентичности в советской и постсоветской России. Междисциплинарный подход к проблеме обеспечивает использование теории памяти в контексте забвения (отрицания) исторической преемственности в осуществлении религиозной политики.

Рассмотрение проблемы необходимо начать с объяснения моделей религиозности и их исторических и социальных последствий. Выдающиеся мыслители XIX века – М. Вебер, К. Маркс и Э. Дюркгейм считали, что религия потеряет свое значение по мере индустриализации общества. На протяжении большей части XX века вплоть до последних двух десятилетий большинство ученых соглашались с тем, что секуляризация – независимо от церковной организации – характеризовала все европейские общества [5; 13; 20]. Хотя авторы различаются в своих концептуальных представлениях, в целом секуляризация подразумевает, что религиозные институты, действия и сознание теряют социальную значимость, поскольку религия становится «дифференцированной» от большинства сфер социальной жизни [20, p. 403]. Ключевой движущей силой процесса секуляризации является модернизация, которая через индустриализацию, урбанизацию и повышение уровня образования и благосостояния способствует преобладанию научной рациональности [18] и экзистенциальной безопасности, которые препятствуют религиозности [16].

В последние три десятилетия исследователи критиковали теорию секуляризации, утверждая, что религия сохранила свою жизнеспособность, хотя многие оспаривают это и подчеркивают важность и универсальность процессов секуляризации. В рамках этих дебатов критики теории секуляризации

объясняют ее не только чрезмерным евроцентризмом, но и ее опорой на чрезмерно «романтизированное» религиозное прошлое как точку отсчета для измерения текущих уровней религиозности [18]. Изучение религиозности в России помогает очертить пределы применимости теории секуляризации, поскольку Россия граничит с Европой в культурном и географическом отношении, а в православном обществе она привлекает более широкий круг вопросов, чем обычно изучает католическая и протестантская религиозность. Кроме того, именно в России процесс секуляризации можно связать как с самой религиозностью, так и религиозной политикой государства через понимание памяти, поскольку именно память – тот элемент, который ускользает от изучения религиозной политики, с одной стороны, а с другой – объясняет уникальность России в ряду других европейских стран.

Применение теории секуляризации в классической интерпретации к российскому контексту проблематично из-за сложности различения секуляризующей политики советского периода и модернизацией [15]. Советское государство разрушило институциональное присутствие Русской православной церкви [19], таким образом, секуляризованный характер посткоммунистической России во многом можно объяснить эффектом самой политики атеизма, а также любого процесса модернизации, например, роста урбанизации и индустриализации. Чтобы различать последствия государственной политики и модернизации в постсоциалистических странах, исследователи, как правило, рассматривают взаимосвязь между возрастом и религиозностью [15]. Хотя исследователи заявляют, что они находят доказательства секуляризации, а не государственной религиозной политики, указывая на линейную взаимосвязь между возрастом и религиозностью, эти доказательства неубедительны, поскольку их данные взяты из одного момента времени и не позволяют провести различие между возрастом и фокусной группой.

После распада Советского Союза и провозглашения веротерпимости Россия, возможно, вернулась к «нормальному состоянию» по стандартам остальной Европы, то есть вернулась обратно на курс секуляризации. Если это так, то можно было ожидать кратковременного и быстрого подъема религиозности сразу же после распада Советского Союза, когда вновь возникает подавленная религиозность, с последующим возвращением к модели религиозного упадка. Если бы политика государства имела секуляризационный эффект, то самые возрастные группы, прожившие большую часть времени при социалистическом строе, медленнее всего приспособились бы к новой религиозной свободе и, таким образом, с меньшей вероятностью выражали новую православную принадлежность по сравнению с младшими и средними возрастными группами – процесс, противоречащий более привычным представлениям, обычно ассоциирующимся с повышенной

религиозностью. Следовательно, если репрессии со стороны государства имели важное значение для формирования религиозности в постсоветскую эпоху, мы могли бы наблюдать негативную связь между возрастом и религиозностью – старшие возрастные группы должны быть менее религиозными. Напротив, если секуляризация является основной силой, формирующей религиозность, мы можем ожидать, что религиозность будет выше среди старшего поколения.

Еще одна сложность связана с отсутствием консенсуса относительно характера тенденций в различных индикаторах религиозности. Идея некоторых ранних исследований состоит в том, что Россия пережила лишь номинальное религиозное возрождение, в котором выражение русской православной идентичности не имеет последствий, которых можно было бы ожидать, если бы эта идентичность означала подлинное изменение поведения и ценностей среди населения. Таким образом, после распада Советского Союза русские, которые ранее считали себя нерелигиозными, идентифицировали себя как православные, что было воспринято как предположение о том, что Россия переживает религиозное возрождение [11]. Однако более поздние исследования называют эти выводы несостоятельными, показывая, что три элемента религиозности, идентифицированные Дюркгеймом: членство в церкви, религиозная практика, в частности, посещение церкви, и религиозные убеждения – не очень согласованы, и рост числа прихожан среди русских православных не является достаточным показателем изменений в других показателях религиозности [1]. Большинство самоидентифицированных православных – спорадические прихожане, которые появляются в церкви только один или два раза в год на Пасху и Рождество [14; 21]. Таким образом, религиозность в России нельзя измерить одними только выражениями православной принадлежности, не говоря уже о том, что Россия – многоконфессиональная страна.

Наконец, если теория секуляризации работает, мы должны ожидать появления знакомых моделей социально-экономической и образовательной ассоциации с религиозностью, обнаруженных в Западной Европе, где менее образованные люди более религиозны, после предполагаемого устранения таких различий во время советского периода [16]. Напротив, если в России произошло подлинное религиозное возрождение, мы должны ожидать снижения образовательной и классовой предвзятости в религиозности, поскольку элита и средний класс, которые обычно находятся в авангарде социальных и политических движений, увеличивают свое религиозное участие, потенциально обращая вспять стандартный социально-демографический паттерн, предсказываемый теорией секуляризации.

Основываясь на приведенном выше обсуждении конкурирующих теоретических объяснений и существующих исследований о возрождении

религиозности, и в частности, православия в России, можно предположить, что не совсем верно рассматривать рост религиозности в России с точки зрения классической концепции секуляризации, поскольку процесс секуляризации в России подчинен не внутренней логике процесса и не особенностям религиозной политики Российского государства, а особенностям коллективной исторической и культурной памяти, которая в данном контексте выступает как забвение.

Как и во многих других странах, «религия в России – это больше вопрос идентичности, чем практики. Православие обеспечивает основу ценностей и чувство исторической преемственности с дореволюционных времен, включая представление о советской эпохе как об ужасном и бессмысленном этапе в российской истории» [2].

Для большинства людей это чувство как старой, так и новой принадлежности означает, что они являются чуть-чуть православными так же, как они были чуть-чуть коммунистами в советское время. Именно эта большая, но не особо выделенная группа часто важна для понимания различных социальных процессов в рамках религиозной политики государства. Эти группы также представляют особую преемственность в российском обществе. Когда стало слишком опасно ходить в церковь, они перестали это делать; когда это было разрешено, возможно, даже необходимо, они снова стали прихожанами, хотя и в очень ограниченной степени.

Как уже отмечалось, существующие исследования религиозности в России не смогли прийти к каким-либо четким выводам о направлении и социальной природе изменений религиозности в России. В то время как в 1993 году, вскоре после распада Советского Союза, только половина населения говорила о том, что они православные, к 2007 году явное большинство – более 80 процентов – заявляли, что они являются русскими православными. Совершенно очевидно, что эти тенденции не соответствуют тому, что можно было бы предсказать с точки зрения теории секуляризации [7, p. 800].

Природа процесса секуляризации предполагает, что со временем люди старшего возраста должны демонстрировать более высокий уровень религиозности, чем представители молодого возраста. Напротив, репрессии государства, направленные против церкви, должны были оказать наиболее сильное негативное воздействие на религиозность той части населения, которая большую часть жизни прожила при СССР.

Молодое поколение, скорее всего, отождествляет себя с русским православием, опровергая гипотезу секуляризации и подтверждая гипотезу государственной политики. Несмотря на неспособность советского государства полностью искоренить религиозные убеждения и заменить их «научным атеизмом» [8], существует значительная разница в склонности отождествлять

себя с православием между поколениями, которые пережили гонения на церковь, и теми поколениями, которые этого не застали.

Возможно ли, что русское православие пережило реальное возрождение религиозности, что сделало Россию явным исключением из общего процесса секуляризации, наблюдаемого в других странах Европы?

В то время как число россиян, которые идентифицируют себя как русские православные, явно увеличивалось за полтора десятилетия после краха Советского Союза, не ясно, действительно ли растущая идентификация с Русской православной церковью представляет собой подлинное религиозное возрождение или просто номинальную тенденцию. Если религиозное возрождение в России действительно было подлинным, можно было бы ожидать не только увеличения посещаемости церкви, но и общей тенденции к моральному консерватизму. С другой стороны, если рост числа верующих в России является просто реакцией на возвращение интеллектуальной свободы и прекращение санкций в отношении выражения религиозной идентичности, мы могли бы ожидать большего, нежели просто роста числа верующих.

Вывод о том, что Россия переживает подлинное религиозное возрождение, что делает Россию чем-то вроде исключения из процессов секуляризации, с одной стороны, подтверждается ростом посещаемости церквей, усилением первоначально несуществующей связи между религиозностью и моральным традиционализмом. Но представление религиозного возрождения в России как краткосрочной и несущественной реакции на государственную религиозную политику – прекращение репрессий со стороны государства в целом является неверным. Рост «принадлежности» (на что указывает рост номинальной идентификации с Русской православной церковью и посещаемости церквей), по-видимому, свидетельствует не только о выражении культурной идентичности («Я русский, а значит, православный») [12], а также усилении поведенческих и ценностных последствий религиозной идентификации, это говорит также о том, что Россия, по-видимому, находится на другой траектории развития с точки зрения религиозности, чем Западная Европа. Таким образом, в лучшем случае мы можем условно сказать, что Россия является особенно ярким примером религиозного возрождения, который могут испытать и другие православные страны бывшего социалистического лагеря.

Таким образом, мы вновь возвращаемся к теории памяти. С «конца 1980-х годов Церковь усиливает свою роль в российском обществе, и традиционные элементы, отнюдь не ослабевшие, стали еще сильнее, чем до революции 1917 года. Однако есть и некоторые изменения в акцентах. С одной стороны, церковь пытается забыть годы советской власти, а с другой стороны, подчеркнуть преемственность дореволюционного и современного

православия. Наиболее важным моментом здесь является новая озабоченность проблемой страданий. Эта озабоченность наиболее очевидно отражена в канонизации более 1800 христиан, которые приняли мученическую смерть в советский период» [2]. Это один из способов для церкви разобраться со своим прошлым – вспомнить, чтобы забыть.

Советские жертвы называются «новыми мучениками». Их «страдания сравнивают со страданиями первых христиан в Риме, и их судьба изображена в агиографических текстах, иконах и гимнах на церковнославянском языке. В гимнографических текстах советская история описана в средневековых терминах» [2]. Что тоже является одним из элементов памяти.

Однако большинство новых святых – епископы, священники, монахи, монахини и миряне, умершие за веру. Самая известная по этому поводу икона – «Собирание новых мучеников», в которой церковь пытается обобщить весь удивительный опыт советской эпохи. Эта икона была открыта на большом торжественном богослужении, состоявшемся 20 августа 2000 года, которое стало апогеем процесса канонизации. Церковь, выбранная для изображения на этой иконе, – это, как следовало ожидать, не один из кремлевских соборов, а Храм Христа Спасителя в Москве. Этот храм имеет особое значение, потому что он был снесен в сталинскую эпоху и был восстановлен после распада Советского Союза в символическом акте, призванном продемонстрировать возрождение церкви [4, р. 38–39].

Таким образом, историческая память была переведена в агиографический дискурс и вопрос о более глубоком смысле исторических событий. К этому можно добавить демонстративное отсутствие интереса к фактам и достоверности. Через культурную память (или, точнее, литургическую), они переносятся как на вечный уровень, так и на уровень контр-истории, которая одновременно находится в противоречии и соответствует мейнстриму исторического дискурса. При использовании православного дискурса, определяемого как досекуляризационный, обнаруживается сильная черта традиционности и консерватизма, но изменившиеся условия по сравнению со временем до 1917 года придают им частично изменившийся смысл. Если речь идет о религиозном возрождении, то это, скорее, возрождение «феодальной архаики», но эти понятия не совсем однозначны.

Список литературы

1. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии. М. : Издательский дом «Дело»; РАНХиГС, 2018. 736 с.
2. Обидина Ю.С. Роль святости в (вос)создании национальной идентичности: вопросы иерархии и властных отношений // Феномен святости в истории русской цивилизации: сб. статей по материалам всероссийской научной конференции. Н. Новгород : Религиозная организация – духовная образовательная организация высшего образования «Нижегородская

духовная семинария Нижегородской Епархии Русской Православной Церкви (Московский Патриархат)», 2019. С. 160–166.

3. Чеснокова В.Ф. Тесным путем: процесс воцерковления населения России в конце XX века. М. : Академический Проект, 2005. 297 с.

4. Bodin P.-A. Language, Canonization and Holy Foolishness Studies in Postsoviet Russian Culture and the Orthodox Tradition. Stockholm : Stockholm University, 2009. 326 p.

5. Dobbelaere K. Secularization theories and sociological paradigms: A reformulation of the private-public dichotomy and the problem of societal integration // *Sociology of Religion*. 1985. № 46 (4). P. 377–387.

6. Evans G. The social bases of political divisions in post-communist Eastern Europe // *Annual Review of Sociology*. 2006. № 32 (1). P. 245–270.

7. Evans G., Northmore-Ball K. The Limits of Secularization? The Resurgence of Orthodoxy in Post-Soviet Russia // *Journal for the Scientific Study of Religion*. 2012. № 51 (4). P. 795–808. DOI: <https://doi.org/10.2307/23353833>

8. Froese P. Forced secularization in Soviet Russia: Why an atheistic monopoly failed // *Journal for the Scientific Study of Religion*. 2004. № 43 (1). P. 35–50.

9. Garrard J., Garrard C. Russian Orthodoxy resurgent: Faith and power in the new Russia. Princeton, NY : Princeton University Press, 2008. 326 p.

10. Gautier M. L. Church attendance and religious belief in postcommunist societies // *Journal for the Scientific Study of Religion*. 1997. № 36 (2). P. 289–96. DOI: <https://doi.org/10.2307/1387559>

11. Greeley A. A religious revival in Russia? // *Journal for the Scientific Study of Religion*. 1994. № 33 (3). P. 253–72.

12. Krindatch, Alexei. Patterns of religious change in post-Soviet Russia: Major trends from 1998 to 2003 // *Religion, State, and Society*. 2004. № 32 (2). P. 115–136.

13. Lechner F. The case against secularization: A rebuttal // *Social Forces*. 1991. № 69 (4). P. 103–19.

14. Marsh Ch. Russian Orthodox Christians and their orientation toward church and state. *Journal of Church and State*. 2005. № 47 (3). P. 545–561.

15. Need A., Evans G. Analysing patterns of religious participation in post-communist Eastern Europe // *British Journal of Sociology*. 2001. № 52 (2). P. 229–48.

16. Norris P., Inglehart R. Sacred and secular: Religion and politics worldwide. New York : Cambridge University Press, 2004. 352 p.

17. Papkova I. The Russian Orthodox Church and political party platforms // *Journal of Church and State*. 2007. № 49 (1). P. 117–134. DOI: <https://doi.org/10.1093/jcs/49.1.117>

18. Swatos W., Christiano K. J. Secularization theory: The course of a concept // *Sociology of Religion*. 1999. № 60 (3). P. 209–228.

19. Tomka M. The sociology of religion in Eastern and Central Europe: Problems of teaching and research after the breakdown of communism // *Social Compass*. 1994. № 41 (3). P. 379–392.

20. Tschannen O. The secularization paradigm: A systematization // *Journal for the Scientific Study of Religion*. 1991. № 30(4). P. 395–415.

21. White St., McAllister I. Orthodoxy and political behavior in postcommunist Russia // *Review of Religious Research*. 2000. № 41 (3). P. 359–372. DOI: <https://doi.org/10.2307/3512035>

22. Wilson B. Religion in sociological perspective. New York : Oxford University Press, 1982. 185 p.

Статья поступила в редакцию 06.07.2020;
одобрена после рецензирования 08.08.2020; принята к публикации 14.08.2020.

Об авторе**Обидина Юлия Сергеевна**

доктор философских наук, доцент, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Институт международных отношений и мировой истории, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков, Российская Федерация, г. Нижний Новгород, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1133-5733>, basiley@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

References

1. Durkheim E. Elementarnye formy religioznoi zhizni: totemicheskaya sistema v Avstralii [Elementary forms of religious life: the totemic system in Australia]. Moscow, RANEPА Publ. house “Delo”, 2018, 736 p. (In Russ.).
2. Obidina Yu.S. Rol' svyatosti v (vos)sozdaniі natsional'noi identichnosti: voprosy ierarkhii i vlastnykh otnoshenii [The role of holiness in (re)creation of national identity: issues of hierarchy and power relations]. *Fenomen svyatosti v istorii russkoi tsivilizatsii: Sb. statei po materialam vsерossiiskoi nauchnoi konferentsii* = The phenomenon of holiness in the history of Russian civilization: collection of articles on the materials of the All-Russian scientific conference, N. Novgorod, Nizhny Novgorod Theological Seminary of the Nizhny Novgorod Diocese of the Russian Orthodox Church (Moscow Patriarchate), 2019, pp. 160–166. (In Russ.).
3. Chesnokova V.F. Tesnym putem: protsess votserkovleniya naseleniya Rossii v kontse XX veka [In a close way: the process of churching the population of Russia at the end of the 20th century]. Moscow, Academic Project Publ., 2005, 297 p. (In Russ.).
4. Bodin P.-A. Language, Canonization and Holy Foolishness Studies in Postsoviet Russian Culture and the Orthodox Tradition. Stockholm, Stockholm University Publ., 2009, 326 p. (In Eng.).
5. Dobbelaere K. Secularization theories and sociological paradigms: A reformulation of the private-public dichotomy and the problem of societal integration. *Sociology of Religion*, 1985, no. 46 (4), pp. 377–387. (In Eng.).
6. Evans G. The social bases of political divisions in post-communist Eastern Europe. *Annual Review of Sociology*, 2006, no. 32 (1), pp. 245–270. (In Eng.).
7. Evans G., Northmore-Ball K. The Limits of Secularization? The Resurgence of Orthodoxy in Post-Soviet Russia. *Journal for the Scientific Study of Religion*, 2012, no. 51 (4), pp. 795–808. (In Eng.). DOI: <https://doi.org/10.2307/23353833>
8. Froese P. Forced secularization in Soviet Russia: Why an atheistic monopoly failed? *Journal for the Scientific Study of Religion*, 2004, no. 43 (1), pp. 35–50. (In Eng.).
9. Garrard J., Garrard S. Russian Orthodoxy resurgent: Faith and power in the new Russia. Princeton, New York, Princeton University Press, 2008, 326 p. (In Eng.).
10. Gautier M.L. Church attendance and religious belief in postcommunist societies. *Journal for the Scientific Study of Religion*, 1997, no. 36(2), pp. 289–96. (In Eng.). DOI: <https://doi.org/10.2307/1387559>
11. Greeley A. A religious revival in Russia? *Journal for the Scientific Study of Religion*, 1994, no. 33 (3), pp. 253–272.
12. Krindatch, Alexei. Patterns of religious change in post-Soviet Russia: Major trends from 1998 to 2003. *Religion, State, and Society*, 2004, no. 32 (2), pp. 115–136. (In Eng.).

13. Lechner F. The case against secularization: A rebuttal. *Social Forces*, 1991, no. 69 (4), pp. 103–19. (In Eng.).
14. Marsh Ch. Russian Orthodox Christians and their orientation toward church and state. *Journal of Church and State*, 2005, no. 47 (3), pp. 545–561. (In Eng.).
15. Need A., Evans G. Analysing patterns of religious participation in post-communist Eastern Europe. *British Journal of Sociology*, 2001, no. 52 (2), pp. 229–48. (In Eng.).
16. Norris P., Inglehart R. Sacred and secular: Religion and politics worldwide. New York, Cambridge University Press, 2004, 352 p. (In Eng.).
17. Papkova I. The Russian Orthodox Church and political party platforms. *Journal of Church and State*, 2007, no. 49 (1), pp. 117–134. (In Eng.). DOI: <https://doi.org/10.1093/jcs/49.1.117>
18. Swatos W., Christiano K. J. Secularization theory: The course of a concept. *Sociology of Religion*, 1999, no. 60 (3), pp. 209–228. (In Eng.).
19. Tomka M. The sociology of religion in Eastern and Central Europe: Problems of teaching and research after the breakdown of communism. *Social Compass*, 1994, no. 41 (3), pp. 379–392. (In Eng.).
20. Tschannen O. The secularization paradigm: A systematization. *Journal for the Scientific Study of Religion*, 1991, no. 30 (4), pp. 395–415. (In Eng.).
21. White St., McAllister I. Orthodoxy and political behavior in postcommunist Russia. *Review of Religious Research*, 2000, no. 41 (3), pp. 359–372. (In Eng.). DOI: <https://doi.org/10.2307/3512035>
22. Wilson B. Religion in sociological perspective. New York, Oxford University Press, 1982, 185 p. (In Eng.).

The article was submitted 06.07.2020;
approved after reviewing 08.08.2020; accepted for publication 14.08.2020.

About the author

Yuliya S. Obidina

Dr. Sci. (Philosophy), Professor of the Department of History of the Ancient World and the Middle Ages, Institute of International Relations and World History, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1133-5733>, basiley@mail.ru

The author has read and approved the final manuscript.

**КОММЕМОРАЦИИ И «МЕСТА ПАМЯТИ»
В ИСТОРИИ СЛОВАКИИ**

**COMMEMORATIONS AND “PLACES OF MEMORY”
IN THE HISTORY OF SLOVAKIA**

УДК 94"186"(437.6)

DOI 10.30914/2227-6874-2020-13-38-55

Матица словацкая в памяти словаков¹

Д. Кодайова

Аннотация. В статье рассмотрены основные этапы существования Матицы словацкой, открытой в 1863 году декретом австрийского императора и завершившей свою деятельность в 1875 году, когда в Австро-Венгрии наступил период реакции. Эти 12 лет существования Матицы являются до сих пор центральной темой в национальной истории словаков. Автор заостряет внимание на значении этого периода словацкой истории для создания национальных символов, традиций проведения торжеств, формирования образа врага. Отцы-основатели Матицы, по мнению автора статьи, создали новый тип торжественных мероприятий, которые уже в XIX веке приобрели все черты национальной традиции. Исследование базируется на широкой источниковой базе. Приведены свидетельства современников той эпохи, которые принимали непосредственное участие в деятельности этого словацкого культурно-просветительского общества, а также тех, кто в дальнейшем способствовал сохранению в исторической памяти словаков особого места этой организации. В статье показаны «славная» и «горестная» истории Матицы, которые ознаменовали триумф и травму в памяти словаков и сыграли важную роль в формировании национальной идентичности. Исследование проведено в русле методологических подходов исторической памяти, коммеморативной практики, а история Матицы словацкой представлена как пример формирования «мест памяти» в процессе национальной идентификации словаков. Автор статьи приходит к выводу, что символизм в истории Матицы словацкой сыграл более важную роль, чем сама деятельность этой организации.

Ключевые слова: Матица словацкая, Меморандум, места памяти, словацкое национальное движение, национальные торжества, триумф и травма, национальные символы

---

¹ Перевод со словацкого языка сделан Г. В. Рокиной (подготовлен при финансовой поддержке гранта РФФИ (проект № 20-09-00279)).

Благодарности: статья подготовлена в рамках проекта, получившего поддержку «Агентство поддержки исследований и развития» Европейского Союза (APVV-17-0399: От монархии до республики. Процесс транзита общества в Словакии в европейском контексте», Институт истории Словацкой академии наук).

Для цитирования: *Кодайова Д.* Матица словацкая в памяти словаков // Запад – Восток. 2020. № 13. С. 38–55. DOI: <https://doi.org/10.30914/2227-6874-2020-13-38-55>

Matica Slovenska in the memory of Slovaks

D. Kodajova

Abstract. The article examines the main stages of the existence of Matica Slovenska, opened in 1863 by a decree of the Austrian emperor and completed its activities in 1875, when a period of reaction began in Austria-Hungary. These 12 years of Matica's existence are still the central theme in the national history of Slovaks. The author draws attention to the significance of this period of Slovak history for the creation of national symbols, traditions of celebrations, and the formation of an enemy image. The founding fathers of Matica, according to the author of the article, created a new type of ceremonial events, which already in the 19th century acquired all the features of a national tradition. The research is based on a wide source base. The testimonies of contemporaries of that era who were directly involved in the activities of this Slovak cultural and educational society, as well as those who further contributed to the preservation of the special place of this organization in the historical memory of Slovaks, are presented. The article shows the “glorious” and “sorrowful” stories of Matica, which marked the triumph and trauma in the memory of Slovaks and played an important role in the formation of national identity. The study was carried out in line with the methodological approaches of historical memory, commemorative practice, and the history of Matica Slovenska is presented as an example of the formation of “places of memory” in the process of national identification of Slovaks. The author of the article concludes that symbolism in the history of Matica Slovenska played a more important role than the activities of this organization itself.

Keywords: Matica Slovenska, Memorandum, places of memory, Slovak national movement, national celebrations, triumph and trauma, national symbols

Acknowledgments: the article was prepared within the framework of a project supported by the “Agency for Research and Development Support” of the European Union (APVV-17-0399: “From Monarchy to Republic. The Transition of Society in Slovakia in a European Context”, Institute of History, Slovak Academy of Sciences).

For citation: *Kodajova D.* Matica Slovenska in the memory of Slovaks. *West – East*. 2020, no. 13, pp. 38–55. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30914/2227-6874-2020-13-38-55>

После поражения революции 1848–1849 годов в монархии Габсбургов было объявлено чрезвычайное положение, и все общенациональные мероприятия были запрещены. Однако вскоре после поражения неоабсолютизма, названного в честь министра Александра Баха баховским абсолютизмом, условия изменились. Окончательно вступила в силу утвержденная в 1849 году конституция. В начале 1860-х годов в стране развернулась пестрая палитра самых различных национальных мероприятий. Создавалось впечатление, что отдельные народности империи соревнуются между собой, как по числу сторонников, так и по числу проведенных акций. В результате изменения внутривластной ситуации и обновления конституции было восстановлено право собраний, относительная свобода печати, возникли новые объединения и союзы. Им больше не приходилось скрывать свою деятельность под прикрытием тайных организаций или под видом научных или просветительских обществ. Лидеры национальных движений получили возможность проводить свои мероприятия публично с использованием национальных символов, национальных цветов, пения, флагов и открытых речей о нации. Благодаря выходящим газетам и журналам у национальных лидеров вырос информационный потенциал влияния на свою целевую группу – нацию. В городах и местечках ставятся театральные постановки, создаются хоровые коллективы, читательские объединения и организуются дискуссии и сборы на поддержку национального движения и его участников, а также издание литературных произведений.

Словацкий поэт Андрей Сладкович (настоящее имя Андрей Брахаротис), сторонник Людовита Штура и так называемой штуровщины, то есть кодифицированного литературного словацкого языка, с восторгом описал наступившие времена: «Дела словаков никогда еще не обстояли так хорошо, как сегодня. Почему? Поэтому. Мы вступаем в реальность и публичную жизнь. Мы больше не говорим только о надеждах и мечтах. Люди могут позволить себе реальные действия на поле более зрелого общества, выходя за пределы уставов образовательных учреждений и студенческих обществ. Час пробил»¹.

В этот период словацким лидерам удалось воспользоваться возникшими благоприятными обстоятельствами и организовать ряд мероприятий, которые уже в ближайшем будущем стали восприниматься как образец национальных празднеств: Собрание в честь принятия Меморандума (1861 г.), празднование тысячелетия моравской миссии святых Кирилла и Мефодия (1863), основание Матицы словацкой (1863). В последующие

---

¹ List Andreja Sládkoviča Samuelovi Hoičovi. 23.8.1860 [Письмо А. Сладковича С. Гоучеву] // Kraus C. Korespondencia Andreja Skadkoviča. Martin : Matica slovenska, 1970. S. 98.

годы эти торжества стали ежегодными праздниками, которые организовывались Матицей словацкой и получили название «августовские мартинские празднования», так как всегда проходили в годовщину учредительного собрания Матицы словацкой, то есть 4 августа.

Две истории о Матице словацкой

В краткой истории существования Матицы словацкой в XIX веке была непростая ситуация. Возникновение Матицы, энтузиазм, который сопровождал все ее мероприятия, и тот факт, что ее основатели пообещали и дальше продолжать свою деятельность, с которой себя связывали большие группы населения (хотя и не все), сделали Матицу своеобразной витриной словацкого национального движения. В период постепенно нарастающей активности Матицы ее руководители создали новый тип торжественных мероприятий, которые быстро приобрели все черты национальной традиции. Рассказы о Матице, о трудностях ее создания, прекрасно организованном торжественном учредительном собрании, о ее основателях со временем стали частью национального движения. Матица еще только начинала свою деятельность и не успела на деле доказать свою значимость, однако ее восторженные сторонники уже тогда писали о ней как о национальном спасении и защите. Матица выдавалась за исполненную мечту, сбывшийся сон всех словаков. Уже своим возникновением она выполняла объединяющую роль словацкого национального движения. Матица воспринималась как учреждение, объединившее словацких католиков с евангелистами. Сразу после основания Матицы лидеры национального движения стали публиковать в печати материалы о Матице и ее основателях. Эти публикации были оптимистичными и наполнены радостью и надеждой, что Матица – это лишь начало будущих лучших времен для всех словаков. Она будет представлять словаков перед всеми народами, завоеует им уважение и окончательно создаст все необходимые атрибуты нации, которых словакам еще не хватает. Прежде всего она займется исследованием истории словацкого народа, завершит процесс расширения словацкого языка, чтобы весь народ мог им овладеть.

После закрытия Матицы сразу же появились авторы, которые стали писать и распространять материалы о ее закате, о крахе надежд словаков на развитие полноценной национальной жизни. История о запрете Матицы таким образом также становилась частью общенациональной истории. В этой истории были обозначены имена врагов словацкого народа. К истории основания Матицы, которая составляла триумфальную часть национальной истории, присоединилась трагическая история о запрете Матицы. В период с 1875 года до возобновления деятельности Матицы в 1919 году эта трагическая история стала ответом на вопрос о том, кто является

врагом словаков. Ими были объявлены венгерские власти, венгерское правительство и мадьярский национализм.

Матица словацкая как место памяти

Хотя Матице словацкой было суждено просуществовать всего 12 лет (1863–1875), она стала одной из центральных тем в национальной истории словаков. В сообществе словацких националистов («народников») память о Матице культивировалась «как особый священный культ». Автор, впервые употребивший этот термин, опубликовал свой текст в 1894 году в журнале «Дом и школа». Парадоксально то, что этот автор, используя термин «священный культ», при этом не принимал тот факт, что национальное движение считало «священной» датой 4 августа 1863 года. Автор предложил не упоминать 4 августа 1863 года в связи с Матицей, а назвал другие даты – 21 августа и 12 ноября. 21 августа 1862 года император, «его суверенное правосудие и отцовская милость его величества, разрешил и узаконил Матицу словацкую и ее устав». В этот день разрешение на открытие получило литературное общество с названием «Матица словацкая». Вторая дата, предложенная автором в качестве памятной, была 12 ноября. Это было связано с событием 12 ноября 1875 года, когда министр внутренних дел Коломан Тиса издал приказ о закрытии Матицы. Окончательное закрытие Матицы произошло несколько дней спустя, 24 ноября, когда «был совершен ужасный инквизиторский акт» [13, s. 52]. Министр внутренних дел принял решение о закрытии Матицы на основе материалов следствия, возбужденного против Матицы, в которых утверждалось, что «общество не занимается литературной деятельностью, а ведет политическую агитацию в духе панславизма, издает ненавистные венгерскому государству публикации, использует собственность в нарушение устава и в личных целях» [14, s. 95].

Автор упомянутой статьи предложил считать памятными датами дни открытия и запрета Матицы. Деятельность Матицы, согласно этим хронологическим рамкам, не вошла в этот период. Это проявляется довольно часто и в воспоминаниях о Матице: описываются имперское разрешение и радостный энтузиазм, которое оно вызвало в стране, затем славные дни Матицы 1863 года и наконец, усиление мадьяризации в Венгрии, в результате которой деятельность Матицы была запрещена. Таким образом, получалось, эти два официальных акта – открытие и запрещение Матицы – ставились выше, чем деятельность ее основателей? Ответ нужно искать в понимании того, что означала Матица словацкая для словаков. Идею? Общество? Здание? Знаменитую эмблему, изображение креста на трех холмах? Изданные публикации? Неповторимое чувство сопричастности и атмосфере единства на общих собраниях?

Матица как символ

При поиске ответа на этот вопрос: что же символизирует Матица словацкая для словаков, – сразу возникает много новых вопросов. Например, является ли Матица для словаков символом? Если да, то что означает этот символ? Символизирует ли он то, что разрешение императора на открытие культурно-просветительского общества было равнозначно, как если бы он выдал свидетельство о признании существования словацкой нации? Возможным ответом может быть утверждение, что символом стало закрытие Матицы, а это был символ волеизъявления властей. В этой интерпретации символ запрета Матицы дополняет национальную историю тех невзгод и несправедливостей, которые словаки терпели по вине политики Будапешта и Вены, и становится ярким эмоциональным примером.

Светозар Гурбан-Ваянский оценил национальное развитие словаков как «хронику страданий нашего народа», но в 1860-е годы он писал, что «мы можем смело назвать этот период словацкой жизни периодом Меморандума и Матицы. Эти два великих факта в нашей жизни настолько поглотили весь словацкий духовный мир, что все остальные вопросы отпали»¹.

Анализ воспоминаний деятелей Матицы и представителей словацкого национального движения более позднего периода показывает, что наиболее распространенными и повторяющимися в них мотивами были небывалое воодушевление и символика. В случае с Матицей словацкой символизм сыграл более важную роль, чем сама деятельность этой организации. Матица представлялась как наивысшее национальное достижение. И как главное событие – она сыграла незаменимую роль в процессе формирования нации, поэтому Матице принадлежит важное место в памяти о национальном прошлом. Национализм принес с собой феномен национальных мероприятий – праздников, торжеств, национальных собраний, паломничества в места не только религиозного значения, но и места, связанные с событиями светского и национального характера. И Матица стала одним из таких мест памяти словаков. Под Матицей в данном случае подразумевается идея Матицы, ее здания, библиотека, символика, которые концентрировали в себе память о Матице.

Национальные торжества как двигатель национализма

Национальные мероприятия были организованы группой ведущих народников. Их программа была составлена таким образом, чтобы они

---

¹ Vajanský S.H. *Nálady a vyhl'ady. Pokus znázornit' terajší slovenský myšlienkový obzor s rozpomienkami na minulosť*. Эссе 1897 года. Цитируется по: Svetozár Hurbán Vajanský. *Knižnica slovenskej literatúry*. Bratislava: Kalligram a Ústav slovenskej literatúry SAV, 2008. S. 284.

соответствовали целям национального сообщества. Прежде всего ставилась задача помочь всем участникам осознать свою сопричастность и укрепить чувство единства разрозненных профессиональных, конфессиональных, региональных групп в единое языковое национальное объединение. Научная литература приписывает таким действиям свойство и возможность «помочь тому или иному сообществу проявить себя в чужой среде как отличительное целое, опираясь на общие обычаи, традиции или прошлое» [7, s. 55]. Для такого сообщества при выработке единых требований и программ важно создавать объединяющие истории. Не менее важно было и их публичное представление. Таким образом сообщество выделяет себя перед другими сообществами. Одна из форм внешних публичных проявлений – это торжества. Если оценивать торжества в честь основания Матицы словацкой в этом контексте, необходимо сказать, что это было одно из наиболее успешно организованных национальных мероприятий. И это объясняется не только ходом мероприятия, но и числом участников и гостей, откликами в прессе и памятью, которую сохранили в своих воспоминаниях не только его участники, но и те, кто узнал о нем посредством письменных текстов; а также тех, кто не участвовал в акте основания Матицы, или даже еще не родились к тому времени, а знают о них из откликов от других или прочитали в прессе. Задача организаторов национальных праздников заключалась в том, чтобы подготовить мероприятие для непосредственных участников и распространить информацию о нем в прессе в виде статей, листовок, воспоминаний или в художественной форме, чтобы сохранить память о мероприятии. Важным было то, что они формировали ту историческую память, которую хотели сохранить. Таким образом, количество людей, принявших непосредственное участие в мероприятии, расширялось за счет тех людей, которые о нем узнали. Распространяя информацию о национальных торжествах, его организаторы закрепляли память об этих событиях в том виде, в каком они сами их задумывали, чтобы она вписывалась в их версию национальной истории.

Те, кто читал о мероприятии и принимал ценности, пропагандируемые организаторами национального праздника, становились косвенными участниками события и таким образом способствовали увеличению общего числа участников торжества. Их опосредованное участие в событии усиливало эмоциональную связь не только с самим событием, но и с национальным сообществом, с нацией в целом. Чтобы добиться такого эффекта, усилия организаторов должны были отвечать ожиданиям других присутствующих. В случае с Матицей эта гармония подтверждается огромным числом писем из разных регионов Словакии, в которых приветствовали епископа Штефана Мойзеса, подготовительный комитет Матицы и других официальных лиц. В словацкой историографии это обращение к инициаторам

и организаторам общества расценивается как плебисцит¹. Хотя этот термин заимствован из совершенно другой социальной ситуации, руководители Матицы использовали его для обозначения числа голосов, отданных в поддержку их общества.

Эмоциональный фон создавался не только личными переживаниями, но и опосредованно, через описания и в первую очередь через формирование памяти об этих национальных праздниках. При этом использовались те слова и определения, которые не могли быть нейтральными, обычными. Напротив, они должны были нести эмоциональный заряд, а это достигалось с помощью элементов перформанса. Праздник был задуман и реализован как своеобразная театральная постановка. Участники отрепетировали роли, действия, использовали слова, жесты и символику, чтобы наилучшим способом решить задачу организаторов. Таким образом, в программе активное участие приняли не только ее организаторы, но и посетители, которые не оставались пассивными зрителями. Программа включала совместное шествие, совместные молитвы, угощение и отрепетированную культурную программу. В заключение праздника обычно были бесплатные развлечения. В Словакии было обычаем все действия сопровождать пением. Совместное пение также способствовало формированию чувства общей принадлежности, как и другие совместные действия на торжествах. Все это вызывало положительные эмоции не только в момент самого действия, но и в ретроспективе, с течением времени. Многие народники в своих воспоминаниях с глубоким переживанием вспоминали эти поездки и национальные праздники, театральные представления и «другие национальные просветительские мероприятия». Например, Йозеф Милослав Гурбан кратко выразился таким образом: «Раньше это был праздник, полный радости»².

С матичными торжествами, которые проводились одновременно с ежегодными собраниями Матицы словацкой, был связан определенный ритуал. Гости приходили постепенно, собирались перед костелом, потому что само торжество начиналось с общей молитвы. Затем гости передвигались по городу в сторону здания Матицы. Хотя здание Матицы еще не было построено, процессия собиралась у импровизированной деревянной

¹ Eliáš M. Z prameňov národa. Na pamiatku 125.výročia vzniku Memoranda slovenského národa z roku 1861. Martin: Matica slovenská, 1988. S. 56. 92 письма епископу Ш. Мойзесу за период с декабря 1861 года до мая 1863 года содержали около 4 тысячи подписей. Письма были опубликованы в «Пештбудиных ведомостях» в 1861–1863 годы. Позже, в 1947 году, их издал отдельной публикацией Антон А. Баник под названием «Pozdravné listy Štefanovi Moysesovi» [Поздравительные письма Штефану Мойзесу]. Martin : Matica slovenská, 1947.

² Hurban J. M. Slovensko a jeho život literárny // Dielo II. Bratislava : Tatran, 1983. S. 200.

сцены, украшенной ветками и лентами в национальных цветах, т. е. в сочетании бело-голубых-красных цветов. Последовательность процессии была отрепетирована и повторялась в последующие годы. Картины, которые несли в процессии, цвета украшений, цветы, ветки – все это имело свое значение и определенное место. Одежда, флаги, тип музыки, выбор песен и порядок отдельных действий повторялись до тех пор, пока не был создан ритуал. Повторение ритуала создавало новые элементы и символы, которые были хорошо понятны и ясны для всех членов сообщества [9, s. 7].

В национальной и конфессионально смешанной словацкой среде использование символики играло важную роль. В первую очередь это было связано с ее самобытностью. Внешняя и внутренняя символика национальных праздников создавалась при помощи вербальных и невербальных приемов. (5, s.129–152). Их воздействие было взаимно, но при этом каждый из них имел свою самостоятельную ценность.

Для организации Матицы «... приложим руки, и сердце, и кошельки»

Призыв к созданию Матицы словацкой как организации, которая будет содействовать дальнейшему развитию национальной активности, был сформулирован в обращении священника и национального лидера Штефана Гироша в заключительной части собрания в честь принятия Меморандума. Он призвал всех присутствующих принять идею создания организации и начать для этого сбор средств, осознавая, что каждый должен будет внести свой вклад – «приложим руки, и сердце, и свои кошельки для предстоящих работ для жизненного учреждения своего народа»¹. Матица уже на подготовительном этапе воспринималась как общее дело, общая задача, которая будет выполнена лишь благодаря совместным усилиям и финансовому вкладу каждого ее будущего члена. Еще накануне основания Матица олицетворяла «единство любителей нации и словацкой жизни», что позже будет отражено в ее уставе.

Еще одну волну радости вызвало официальное разрешение на создание Матицы 21 августа 1862 года. С успехом начался сбор финансовых средств, а также предметов, документов, книг и этнографических материалов, которые должны были стать экспонатами будущего музея и пополнить архив. Постепенно ускорились строительство здания Матицы. В течение трех лет с момента основания общества уже были готовы первые помещения.

---

¹ Цитируется по протоколу собрания, который вместе с другими принятыми документами собрал и обработал А. Сладкович. Изданы они были лишь в 1941 году. (См.: Slovenské národné zhromaždenie v Turčianskom Sv. Martine 1861. Hrušovský F. (ed.). Turč. Sv. Martin : Matica slovenská, 1941. S. 229.

В дальнейшем, однако, темп строительства замедлился, и здание долгие годы оставалось недостроенным. В атмосфере энтузиазма воодушевленные национальные патриоты пообещали выплатить членские взносы как можно скорее, хотя во многих случаях это было выше их реальных финансовых возможностей. Если кто-то хотел стать одним из учредителей Матицы словацкой, он должен был заплатить 100 золотых или вносить по десять золотых двенадцать лет подряд, и таким образом заплатить всего 120 золотых. Полноправный член должен был заплатить 50 золотых, а для так называемого годового членства необходимо было заплатить 3 золотых [1, s. 15]¹.

На общее учредительное собрание пришло около пяти тысяч человек. Одним из них был будущий вице-председатель Матицы Вильям Паулини-Тот. О своих впечатлениях он писал в письме Марине Ходжовой следующим образом: «...Я увидел первый росток нашей славы, я увидел зерно будущего Словакии, и испытал целый мир до этого еще неиспытанной радости и блаженные моменты национальной славы»². Матица тех времен, в 1860-е годы, вызывала положительные эмоции, и с ее будущим у национальных лидеров действительно были связаны большие надежды, «невообразимый мир радости», как сказал будущий вице-председатель Матицы. Вилиам Паулини-Тот прибыл из Буды, где он тогда жил, чтобы основать Матицу, и после переезда в Мартин он стал ее вице-председателем и даже жил в служебной квартире завершенной части здания. В его случае радостное настроение понятно. Радость и большие надежды в связи с Матицей высказал и Светозар Гурбан-Ваянский, который не принимал участия в основании Матицы и ее деятельности, так как был на поколение моложе Паулини-Тота. Ваянский приехал в Мартин только в 1878 году, когда ему предложили там должность редактора. В то время он мог увидеть только закрытое недостроенное здание Матицы. Он стал свидетелем нескольких попыток народников подачи заявления венгерским властям о повторном разрешении на деятельность Матицы. Но ни одна из этих попыток так и не увенчалась успехом. Что же стало источником радостных воспоминаний Ваянского о Матице, когда он написал праздничный текст по случаю столетия со дня рождения епископа Штефана Мойзеса, первого председателя Матицы? В этом тексте Ваянский подчеркнул, что надежда, озарившая словаков после получения разрешения на создание национального общества, стала судьбоносной и поставила Матицу в положение чудесного спасителя национальной жизни. «... Наша Матица была для словацкой нации гораздо больше, чем простое литературно-

¹ Устав Матицы словацкой различал учредителей, рядовых и годовых членов.

² Liba P. (ed.). *Listy Viliama Pauliny-Tótha Maríne Hodžovej*. Bratislava : Slovenské vydavateľstvo krásnej literatúry, 1961. S. 82.

просветительское объединение, в ней было почти все, на чем могло держаться национальное чувство, национальное сознание, национальная гордость и надежда; это было выражение и явный символ словацкой нации, это был символ всей духовной жизни словацкого народа... Да, я признаю это смело, это была Матица; признаю, что это было больше, чем об этом говорит первый параграф устава... это было больше хотя бы потому, что словаки не имели ни исторической памяти, ни единого политического или национального социального органа, у них не было ничего объединяющего, объединяющего их всех, кроме того, что через тьму бессознательного счастливо сохраненное имя Словак, словацкий, словацкий язык, словацкость. И это настоящее чудо!»¹. В словацкой историографии и по сей день сохраняется точка зрения о том, что Матица была не только культурным объединением, но и стала символом нации и ее существования [2, s. 70].

Основатели Матицы создавали ее как библиотеку, издательство, музей, архив, театр; она должна была сосредоточить в себе и другие образовательные общества, быть своего рода сокровищницей для другой национальной деятельности и прежде всего представлять словаков в контактах с другими народами. В тех условиях, когда царили эйфория и энтузиазм, никто не задавался вопросом, сможет ли какое-либо объединение добровольцев осуществить такие планы, тем более что в то время у них даже не было собственного помещения, необходимого для такой деятельности. С этой точки зрения представляется, что для основателей Матицы она олицетворяла некий идеал, мечту, желание. Но приятно осознавать, что они понимали, что для осуществления их мечты потребуются и труд и воля. Матица представлялась для них смыслом и доказательством жизнеспособности нации, основой для дальнейших шагов на пути к достижению прав словацкой нации.

Канун дня основания Матицы – уникальный момент в жизни нации

Основание Матицы сопровождалось обрядами, речами, шествием, пением и слезами счастья. Нация должна была почувствовать, что это необычное и уникальное событие, поэтому рассказы и тексты о Матице должны были нести праздничную окраску. Во время матичных торжеств был создан и систематизирован ритуал, который в дальнейшем был повторен организаторами национальных праздников в других местах, даже если они не могли достичь уровня первоначального обряда. Современники стали свидетелями неповторимой атмосферы путешествия епископа Штефана Мойзеса на учредительное собрание из Банской-Бистрицы,

---

¹ Vajanský S.H. Storočná pamiatka narodenia Štefana Moysesesa, biskupa baňsko-bystrického, jeho veličenstva skutočného tajného radcu, doktora filosofie, predsedu Matice slovenskej atď. Turčiansky Sv. Martin: 1897. S. 89–90.

резиденции епископа, в Мартин, город в Турчанской столице, ставший резиденцией словацкой Матицы. Толпы людей выстроились вдоль дороги. Они восславляли епископа за то, что он стал председателем Матицы. Епископ и сопровождающие его лица несколько раз проходили под арками из веток деревьев, украшенных растениями и лентами в национальных цветах. Звонили колокола церковных колоколов. Это было триумфальное шествие, которое в Словакии связывали только с путешествиями членов королевской семьи. Шествие епископа и его сопровождения напоминало шествие молодого императора в 1852 году, его первую поездку в горную Венгрию, т.е. территорию современной Словакии, после его вступления на трон в 1848 году [12]. В такой же торжественной обстановке проходила встреча католического епископа Мойзеса с евангелистским суперинтендантом Каролем Кузмани. Кузмани, опытный проповедник и оратор, сказал: «Вы идете совершить поступок, который играет решающую роль в истории этого народа, это будет памятник прошлому, фундамент будущего». В словацких условиях важным символом было то, что на начальном этапе существования Матицы ее возглавили священники двух конфессий – католический епископ и евангелический суперинтендант. Это надконфессиональный настрой сохранился в исторической памяти о Матице.

Счастливые моменты славы народной

Праздничные моменты переживали участники торжеств и во время церемонии, которая состоялась на следующий день, 4 августа 1863 года. После протокольного вступления, чтения приветствий и списков участников Матицы наступило время передачи утвержденного оригинала устава Матицы словацкой. Этот акт должен был совершить Ян Францисци. Устав был в покрывале, который собственноручно вышила его жена ¹. Акт символической передачи устава народу, который совершил Ян Францисци, напоминал библейскую сцену явления Моисея с каменными скрижалями. Францисци представил устав, сопроводив это действие заранее утвержденным текстом: «Это наша золотая булла! Это наш гражданский диплом, до этого мы были чужеземцами в собственной отчизне, а теперь мы граждане отчизны. Это договор нашего национального единства!» [14, s. 55] Эта многозначительная сцена наполнила глаза присутствующих слезами счастья и национальной гордости.

Учредительное собрание Матицы словацкой длилось три августовских дня 1863 года и помимо официальной программы сопровождалось различными общественными мероприятиями, балами, совместными службами,

---

¹ Francisci J. Vlastný životopis. Bratislava : Slovenské vydavateľstvo krásnej literatúry, 1956. S. 300.

обедами и прогулками. Ежегодно повторяющиеся матичные празднества были настоящим чудом в том, как маленький город принимал от пятисот до тысячи гостей, справляясь с их размещением. В эти праздники Мартин старался скрыть скромность своей небольшой территории за роскошным убранством, предложением развлечений, на которые приезжали гости в национальных костюмах, которые они во многих случаях должны были одолжить, потому что они уже не носили такую одежду. На концерты и театральные представления они одевались в выходную одежду, костюмы и фраки, что в свою очередь несколько дисгармонировало с деревенскими улицами Мартина. Первые годы, когда здание Матицы еще не было построено, гулянья проходили под открытым небом на импровизированной деревянной сцене, известной как «народная постройка». Ян Франциши, почетный вице-председатель Матицы, успешно организовал сбор средств на строительство здания Матицы. В 1864 году в рамках августовских праздников в Мартине состоялась символическая церемония закладки первого камня в фундамент будущего здания Матицы. Организаторы праздника заложили в его фундамент три предмета: русскую серебряную монету, позолоченное серебряное кольцо с надписью «Меморандум» и серебряный «памятник тысячелетнему юбилею святых Кирилла и Мефодия», который отмечался в июле 1863 года. Можно предположить, что русская монета символически защищала славянство; напоминание о тысячелетии Кирилла и Мефодия должно было символизировать христианство, а перстень, украшение, изготовленное и продаваемое во время торжеств в честь принятия Меморандума 1861 года, когда возникла программа словацкого национального движения, должно было представлять словаков как нацию [3].

В последующие годы количество гостей на торжествах в Мартине стабилизировалось примерно до пятисот человек. Гости объясняли, что они пришли в Мартин для того, чтобы набраться новых сил для дальнейшей народной деятельности, попеть, посмотреть театральные постановки, погасить свои финансовые долги перед местными редакциями. Члены совета Матицы зачитывали списки членов и оплаченных взносов. В Матице зародилась традиция публикации открыток, а затем и фотографий эмблемы Матицы, покрывала ее устава, здания Матицы, ее деятелей. Для того чтобы Матица могла представлять нацию, нация должна была знать ее активных членов, просветительские и учебные издания, календари и тому подобное¹.

---

¹ Юлиус Ванович с определенной иронией назвал эту сторону издательской деятельности Матицы популяризирующей-себяутверждающей. С другой стороны, отождествление с Матицей как своим народным обществом было легче достичь, если создавалась ассоциация с конкретными личностями, которые стояли во главе, а рядовые члены или симпатизирующие узнавали о них посредством «галереи передовиков матичных времен» [11, s. 87].

Постепенно Матица превратилась в национальную икону. А Мартин с Матицей, действующей или уже закрытой, был навсегда связан с представлением о городе, имеющем статус национального центра. После закрытия Матицы среди национальных лидеров, которые не жили и не работали в Мартине, возникало отторжение к деятельности, сосредоточенной лишь в Мартине. Тем более что после закрытия Матицы снизилось значение Мартина как центра национальной жизни. Ф. В. Сасинец, приехавший в Мартин, чтобы систематизировать библиотеку и архив Матицы, вздыхал после его закрытия в 1875 году: «То, что когда-то было тихим и священным Олимпом для греков, было для нас, словаков, Матицей словацкой»¹. Аналогичные формулировки, которое якобы прозвучали в здании венгерского парламента, приписываются депутату парламента В. Паулини-Тоту: «Чем является для мадьяров Академия, то есть для словаков Матица, чем является для Пешта Музей, то есть для Мартина дом Матицы, что есть для мадьяр мадьярский театр, то есть для словаков зал дома Матицы в Мартине!» [2, s. 71].

Память о Матице и Мартин в период существования Матицы приобрела почти религиозный характер. Путешествие в Мартин на торжества Матицы националисты сравнивали с паломничеством, а епископа Мойзеса называли «Моисеем словацкого народа», деятелей Матицы означали как «апостолов просвещения на лоне словацкого народа»². Мартин стал приравниваться к «центру национальной жизни», а Матица – к «материнскому охранному покрову» подобно тому, как в религиозных текстах писалось об покрове девы Марии.

«Потом наступили холода»

Первая половина 1860-х годов принесла словацким национальным лидерам, помимо работы, и счастливые моменты, которые на долгие годы стали источником ностальгических воспоминаний и национальной гордости. Однако все изменилось после установления австро-венгерского дуализма в 1867 году. В новых условиях венгерские власти не проявили политической воли сохранить деятельность народного общества невенгерской национальности и поэтому предприняли планомерную атаку на Матицу. С Матицей теперь не ассоциировались радостные чувства, а наоборот, теперь она вызывала чувства тревоги, угрозы и плохих предчувствий... Но и в самых страшных предчувствиях у национальных лидеров не было даже предположения, что учреждение, которое открыл сам император, будет закрыто.

¹ Sasínek F.V. Slovenský letopis pre históriu, topografiu, archeológiu a etnografiu. Skalica. Roč. 1. 1876.

² Kozáček J. Reč, ktorou deviate valné shromaždenie Matice slovenskej v Turč. Sv. Martine 2. aug. 1871 otvoril // Letopis Matice slovenskej, 1871. Roč. 7. Zv. 2. S. 80–83. Эту речь опубликовали и в «Народних новинах». 1871. II. Č. 91. S. 1.

Пока Матица существовала, она был бастионом для словацкого национального движения. Когда Матицу закрыли, она стала символом словацких страданий и свидетельством того, в каких сложных национальных и культурных условиях жили словаки в Венгрии [6, s. 115].

В декрете о роспуске Матицы делалась ссылка на материалы следствия, хотя члены совета Матицы не были даже заслушаны. Горьким прикусом ликвидации было последующее использование имущества Матицы в пользу общества, которому был характерен мадьярский дух. Опыт травмы, связанный с судьбой Матицы, стал одной из основных вех в истории сложных словацко-мадьярских отношений. Информация о закрытии Матицы была опубликована в «Народных новинках» в виде траурного объявления на первой полосе с текстом в черной рамке. Объявление должно было напомнить о том, что Матица «умерла» насильственной смертью¹. Этот мотив в дальнейшем можно проследить в высказываниях и сочинениях ораторов и писателей, когда они использовали термин «возрождение Матицы» в связи с возобновлением ее деятельности после 1919 года.

Матица осталась в сердцах и памяти

Коллективная память, в ее позитивном и негативном вариантах, является ключевым средством для сохранения идентичности, и особенно эффективно она поддерживается созданным образом врага. И в этом смысле память о Матице особенно показательна, потому что враг был очевиден и ясен, и именно враг причинял вред, запрещал и не признавал словаков как нацию в самых разных обстоятельствах.

Надежды, связанные с Матицей, которые на нее возлагали словаки, полностью не оправдались, но это не означает, что Матица была забыта. Наоборот, память о ней постоянно возвращалась. Даже после закрытия память о Матице всегда оставалась эмоциональной, она будила воспоминания о счастливых временах, которые, к сожалению, прошли. Несмотря на то, что Матица была разрушена, а имущество конфисковано, память о Матице жила. Жива была и идея создания общенационального учреждения по примеру Матицы. Это происходило потому, что она была для словаков тем, что у других народов олицетворяли парламенты, правительства, министерства, крупные процветающие организации и политические партии. Такой институт мог появиться только у несвободной нации [8, s. 15]. Часто подчеркивается многофункциональный, разносторонний характер воспоминаний, связанных с Матицей. Это объясняется тем, что Матица идеально воплощала в себе все, что может дать живая память. Это было конкретное место, с которым связаны чувства национальной гордости и единения, где

¹ *Národné noviny*, 13. Apríla 1875.

собиралась нация, готовая принести жертвы. Это одно из важнейших свидетельств, которое сохранила память о Матице, и в то же время это одна из самых трогательных страниц истории о Матице. С рациональной точки зрения можно было бы предположить, что на основе пожертвований не невозможно создать что-либо существенное. Здание, книжные издания, зарплаты чиновников, расходы на проведение общих собраний покрывались крупными пожертвованиями и регулярными членскими взносами. В большинстве случаев донорами других славянских матиц были богатые графы, магнаты, высокопоставленные правительственные чиновники и церковные иерархи. Словацкая же Матица была поддержана широкими слоями народа – в этом была ее специфика [1, s. 21]. Значение пожертвований, которые вносили вдовы, студенты, бедные священники, крестьяне, было не в сумме. Значение в том, что общими усилиями можно сделать очень многое. Благодаря совместным пожертвованиям и вкладам Матица стала общим делом, что придавало ей необычайно важное значение. Это делало Матицу не только мартинским, а общим словацким достижением.

Хотя Матица была общественной организацией, она практически не развивала классическую общественную деятельность. От нее ждали гораздо большего. Ожидалось, что она будет представлять нацию. Каждое общество должно вести внутреннее делопроизводство, которое также служит для фиксации памяти. Ежедневная и задокументированная деятельность и культурная манифестация в обществе в XIX и XX веках были связаны с созданием положительного имиджа организации (общества). Регулярное упоминание в годовых отчетах, юбилейных сборниках и журналах общественной организации было очень избирательно [4, s. 203]. Что касается Матицы, то удивительно, насколько были несоизмеримы энергия, которую уделяли организации церемониальных общественных собраний, и внимание рутинной ежедневной работе. Хотя отчеты публиковались ежегодно, сами члены комитетов осознавали, что Матице угрожает опасность, что она может утонуть в собственном стереотипе о комитетах и общих собраниях, при представлении отчетов и счетов [13, s. 42]. Даже специалисты по источниковой базе Матицы утверждают, что трудно восстановить реальный вклад отдельных личностей, так как все они были «незримо переплетены» [14, s. 24].

Лидеры словацкого национального движения, которые оставили свои мемуары, вспоминали годы до появления Матицы как годы молчания и глухоты, а ее деятельность оценивали как «золотой век» и «звездные моменты национального движения», после которых была лишь удушающая мадьяризация. Наступили годы, когда недостроенное здание Матицы кричало как восклицательный знак. Светозар Гурбан-Ваянский очень образно описал это время: «В руинах, грязи, паутине четверть века она стояла, с тех пор, как незаметная рука вырвала сердцевину из раковины...» Подобная судьба

постигла и музейные коллекции Матицы. «... В музее мыши, моль изучают рукописи, а тараканы, пруссаки, полчища насекомых, совершают прогулки по полкам: чтобы видел мир и народ ... как правительство ценит храм просвещения!»¹. В стихотворении начала XX века «Здание Матицы в Мартине» автор оплакивал не разрушение здания как таковое, а то, что Матице помешали выполнить свою миссию быть «храмом просвещения». Ведь даже в то время, когда здание было недостроенное, чувство гордости вызывала даже самодельная деревянная сцена. И в этом очарование словацких условий, когда «... нет мрамора, камня, драгоценных металлов: только леса и дерево, вечные словацкие истоки» [10, s. 82].

О двенадцатилетнем периоде деятельности Матицы словацкой писалось как о «возрождении нации», о Матице – как «колыбели национальной жизни» и «величайшем достижении добыче», которое словаки сумели получить в после 1860 года, и как о великом литературном объединении². Эти годы описываются как время, когда «герои героического периода жили среди нас». «Это было драгоценное, красивое и многообещающее представление всей нации, инструмент, с помощью которого нация могла время от времени показать себя перед остальным славянским миром»³. Память о Матице четко различала период о ее возникновении как общенациональном радостном переживании, и время запрета ее деятельности и закрытии как еще один камень в мозаике страданий словацкого народа.

Призыв о «возрождении нации» через Матицу провозгласили в 1918 году политики, деятели культуры и 33 еще живых старых деятеля Матицы, когда «возродили» в новом государстве – Чехословацкой Республике, Матицу словацкую. Они не использовали слово «обновили», а применили термин «возродили». Таким образом, инициаторы ее новой жизни вновь ожидали от Матицы «великих дел» в пользу культурной, общественной и представительной деятельности.

¹ Стихотворение «Здание Матицы в Мартине» (без даты, около 1900). Цитируется по: *Sobrané diela Svetozára Hurbana Vajanského. Sväzok VII. Trnava, 1925. S. 229–230.*

² Vlček J. *Dejiny literatúry slovenskej. Turčiansky Sv. Martin: 1890.* Цитируется по изданию 1933 года. S. 275.

³ Vajanský S.H. *Náľady a vyhl'ady. Pokus znázornit' terajší slovenský myšlienkový obzor s rozpomienkami na minulosť.* Эссе 1897 года. Цитируется по: *Svetozár Hurban Vajanský. Knižnica slovenskej literatúry. Bratislava : Kalligram a Ústav slovenskej literatúry SAV, 2008. S. 387.*

References

1. Eliáš M., Haviar Š. *Zlatá kniha Matice slovenskej.* Martin : Matica slovenská, 2008.
2. Eliáš M. *Z dejín matic slovanských národov.* Martin : Matica slovenská, 2010.

3. Kodajová D. Národné oslavy – demonštrácia slovacity. *Pekarovičová J., Vojtech M., Španová E. (eds). Studia Academica Slovaca. Roč. 40.* Bratislava : Filozofická fakulta, 2011, S. 165–180.
4. Mannová E. Dobročinné spolky a konštruovanie kolektívnych identít. *Csáky Moritz, Mannová E. (zost.). Kolektívne identity v strednej Európe v období moderny.* Bratislava : Academic Electronic Press, 1999.
5. Maťovčík P. Symboly Matice slovenskej. *Biografické štúdie.* 16, 1990, S. 129–152.
6. Mráz A. Matica slovenská v rokoch 1863–1875. Ľudová knižnica. Zv. I. Turčiansky Sv. Martin : Matica slovenská, 1935.
7. Pargač J. Lidové slavnosti jako faktor etnické, regionální a lokální identity a integrity. *Pargač J. (zost.). Kulturní symboly a etnické vědomí.* Praha : Bohemia, 1995.
8. Rosenbaum K. Matica slovenská v dejinách nášho národa. *Biografické štúdie.* 16. Martin : Matica slovenská, 1990.
9. Škvarna D. Začiatky moderných slovenských symbolov. K vytváraniu národnej identity od konca 18. do polovice 19. storočia. Banská Bystrica : Univerzita Mateja Bela, 2004.
10. Vanovič J. Druhá kniha o starom Martine (1863–1875). Martin : Vydavateľstvo Matice slovenskej, 1993.
11. Vajanský S. H. Knižnica slovenskej literatúry. Bratislava : Kalligram a Ústav slovenskej literatúry SAV, 2008.
12. Vetráková A. Cesta zmierenia: návšteva Františka Jozefa v Uhorsku roku 1852. *Kušniráková I. a kol. „Vyjdeme v noci vo fackovom sprievode a rozsvietime svet“. Integrovaný a mobilizačný význam slávností v živote spoločnosti.* Bratislava : Historický ústav SAV, 2012, S. 137–151.
13. Winkler T. Vrastanie do času. (Rozprávanie o Matici slovenskej), Martin : Matica slovenská, 1992.
14. Winkler T., Eliáš M. a kol. Matica slovenská. Dejiny a prítomnosť. Martin : Matica slovenská, 2003.

Статья поступила в редакцию 16.08.2020;
одобрена после рецензирования 18.09.2020; принята к публикации 14.10.2020.

The article was submitted 06.08.2020;
approved after reviewing 18.09.2020; accepted for publication 14.10.2020.

Об авторе

Кодайова Даниела

PhD, научный сотрудник, Исторический институт Словацкой академии наук, Словацкая Республика, г. Братислава, daniela.kodajova@gmail.com

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

About the author

Daniela Kodajova

PhD, Research Fellow, Institute of History of the Slovak Academy of Sciences, Bratislava, Slovak Republic, daniela.kodajova@gmail.com

The author has read and approved the final manuscript.

УДК 94(367)»18/19»

DOI 10.30914/2227-6874-2020-13-56-69

Москва как один из центров чехов и словаков в России (конец XIX – начало XX в.)

Е. П. Серапионова

Аннотация. В статье на основе изучения и анализа опубликованных воспоминаний и переписки, а также материалов российских, чешских и словацких архивов делается попытка реконструировать жизнь чехов и словаков в Москве в конце XIX – начале XX веков. Основным источником являются воспоминания чеха Федора Коваржика, долгие годы прожившего в России. Любой историк подтвердит, что мемуары – весьма субъективная вещь и к ним надо относиться очень осторожно, сравнивая их с другими источниками. Тем более что воспоминания Коваржика, опубликованные в 1930-е годы, вызвали весьма неоднозначную реакцию чешского политического истеблишмента. И хотя в рецензиях утверждалось, что автор нередко грешит искажением фактической действительности, причина критических отзывов о книге заключалась в однозначно пророссийских взглядах автора, утверждавшего, что в дореволюционной России жизнь чехов и словаков, как правило, складывалась успешно. Это не отвечало официальной концепции внешней политики Чехословакии. Президент республики Т. Г. Масарик, а вместе с ним и вся правящая группировка Града, одинаково отрицательно рассматривали как российский царизм, так и большевизм, надеясь на эволюцию большевистского режима и пытаясь делать ставку на российские «демократические силы», которые они в рамках «русской акции помощи русской эмиграции» целенаправленно собирали и поддерживали в Чехословакии. Коваржик был объявлен правым, консервативным, про-царистски настроенным автором. Книга больше не переиздавалась, хотя содержит массу интереснейших подробностей о жизни чехов и словаков в России и достойна перевода на русский язык. Отдельные главы и пассажи книги посвящены колонии чехов и словаков в Москве.

Ключевые слова: чехи и словаки в России, чешское и словацкое землячество в Москве, профессиональный, социальный состав колонии, деятельность чешско-словацких обществ и союзов

Для цитирования: *Серапионова Е.П.* Москва как один из центров чехов и словаков в России (конец XIX – начало XX в.) // Запад – Восток. 2020. № 13. С. 56–69. DOI: <https://doi.org/10.30914/2227-6874-2020-13-56-69>

Moscow as one of the centers of the Czechs and Slovaks in Russia (late 19th – early 20th century)

E. P. Serapionova

Abstract. Based on the study and analysis of published memoirs and correspondence, as well as materials from Russian, Czech and Slovak archives, an attempt is made to reconstruct the life of the Czechs and Slovaks in Moscow in the late 19th – early 20th centuries. The main source is the memoirs of the Czech Fyodor Kovarzhik, who lived in Russia for many years. Any historian will confirm that memoirs are a very subjective thing, and they must be treated very carefully, comparing them with other sources. Moreover, Kovarzhik's memoirs, published in the 1930s, caused a very controversial reaction of the Czech political establishment. Although the reviews claimed that the author often sinned by distorting the actual reality, the reason for the critical reviews of the book was clearly pro-Russian views of the author, who claimed that in pre-revolutionary Russia, the life of the Czechs and Slovaks, as a rule, developed successfully. This did not correspond to the official concept of Czechoslovakia's foreign policy. Russian czarism and Bolshevism were viewed equally negatively by the President of the Republic, T. G. Masaryk, and the entire ruling group of Grad, hoping for the evolution of the Bolshevik regime and trying to rely on the Russian "democratic forces" that they purposefully gathered and supported in Czechoslovakia as part of the "Russian action to help Russian emigration". Kovarzhik was declared a right-wing, conservative, pro-czarist author. The book has not been reprinted, although it contains a lot of interesting details about the life of the Czechs and Slovaks in Russia and is worthy of translation into Russian. Separate chapters and passages of the book are devoted to the colony of the Czechs and Slovaks in Moscow.

Keywords: Czechs and Slovaks in Russia, Czech and Slovak community in Moscow, professional and social composition of the colony, activities of Czech-Slovak societies and unions

For citation: *Serapionova E.P.* Moscow as one of the centers of Czechs and Slovaks in Russia (late 19th – early 20th century). *West – East*. 2020, no. 13, pp. 56–69. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30914/2227-6874-2020-13-56-69>

Как известно, прилив иностранцев, а среди них чехов и словаков, в Россию значительно увеличился со второй половины XIX в., что было связано с общим увеличением миграционных потоков. После этнографической выставки в Москве 1867 г. число чехов и словаков, желавших

отправиться в «белокаменную», значительно возросло. Кроме сохранившейся переписки одним из основных источников о том, кто, как, когда и почему переселялся в Россию, а также о том, как жили и работала чехи и словаки в Москве, являются мемуары. Их изучение крайне важно для разработки данной темы.

При посредничестве русского священника при российском посольстве в Вене Михаила Федоровича Раевского в 1868 г. в Москву с семьей уехал преподаватель Банско-Быстрицкой гимназии и член комитета Матицы Словацкой Эмил Черны. Через год он сообщал своему благодетелю из Москвы: «Приехавши 5 октября прошлого года в Санкт-Петербург, а 8 в «белокаменную» Москву, я был принят с радушным славянским приветом особенно Г. П. Георгиевским¹ и Н. А. Поповым² и, представивши себя Павлу Михайловичу Леонтьеву³, профессору Московского университета, я вскоре приобрел его влиятельное покровительство». Вскоре Леонтьев устроил Черного в основанный им вместе с М. Катковым⁴ Лицей Цесаревича Николая (на Большой Дмитровке, дом Цыплякова) на должность старшего надзирателя в пансионе воспитанников старшего возраста, наставника и учителя греческого и немецкого языков (8 уроков в неделю) с жалованием 800 руб., семейной квартирой, дровами и с выдачей за каждого из состоящих под его надзором «12 пансионеров 52 рублей за надзор и мелкие расходы». Черны писал Раевскому: «Таким образом, я уже в третий месяц после моего приезда в Москву стал преподавать на русском языке. Присутствовавший при испытаниях моих учеников III класса 21 марта товарищ Министра народного просвещения И. Д. Делянов выразил свое полное удовлетворение с успехом класса». А когда Э. Черны выдержал экзамен по русскому языку, при посредничестве того же Леонтьева он был назначен учителем древних языков 3-й Московской гимназии на Лубянке, где стал преподавать греческий язык в 5 и 6-м классах «(12 уроков в неделю) с жалованием 900 руб. в год». В письме он рассказывал: «Исправляя таким образом двумя учительскими должностями в гимназии и в Лицее, я, конечно,

¹ Георгиевский Г. П. (1866–1948) – археограф, библиограф, историк церкви.

² Попов Н. А. (1833–1891) – русский историк, славист, архивист.

³ Леонтьев П. М. (1822–1874) – известный филолог, доктор римской словесности, член-корреспондент Санкт-Петербургской АН, ординарный профессор Московского университета, основатель и директор лицея цесаревича Николая.

⁴ Катков М. Н. (1818–1887) – влиятельный русский публицист, издатель, литературный критик, редактор газеты «Московские ведомости», основоположник русской политической журналистики, сторонник контрреформ Александра III. Тайный советник.

весьма занят, но получая за то и двойное жалование, кроме квартиры и дров, я должен сознаться, что никогда не надеялся в так скором времени достичь здесь так выгодного состояния» [4, s. 95–96]. В письме он также информировал Михаила Федоровича о том, что в Москву в его гимназию из Тулы переведен их общий знакомый бывший учитель Левочской гимназии Карпаторусский Ходобай, с которым они теперь живут в одном доме. Рассказывал он и еще об одном словаке-земляке, который тоже надеялся получить должность учителя и заезжал к нему по пути из Воронежа от Стовика в Санкт-Петербург. В письме говорилось о том, что путешествие в Москву Э. Черны подробно описал в словацкой газете «Pešťbudínske Vedomosti», посмеиваясь над словацкими «мадьяронами», распространявшими «лживые выдумки о русском варварстве». Но, справедливости ради, он указывал Раевскому, что именно ему не нравится в Москве: «Моему полному удовольствию в Москве мешают, кроме отсутствия любезных моих знакомых, словацких патриотов, особенно три обстоятельства: еще слишком недостаточно развитое чувство славянской взаимности у русских, громадное множество немцев и французов в должностях и других кругах общественной жизни и ложное направление воспитания женского пола, удивительно как нелюбящего труда, неопытного в самых нужнейших делах хозяйства, ужасно щеголивого, а при том все-таки неопрятного в доме; с другой же стороны, из тщетной хвастливости увлекающегося каким-то умственным, не природным ему – «высшим» образованием, сопровождаемым у него обыкновенно пренебрежением семейных добродетелей¹. Вот в чем, по-моему, значительная опасность для благополучного преуспевания русского народа! – в недостатке хороших добросовестных матерей» [4, s. 97]. Подобные рассуждения о роли женщины в семье свидетельствовали о достаточно консервативных взглядах словацкого преподавателя. Неправильное, с его точки зрения, воспитание особ женского пола в России, вероятно, особо его волновало, так как у него было три дочери. Но в том же письме он сообщал Раевскому и о рождении сына-москвича – Владимира.

Впервые посетивший Москву в 1879 году чех Ф. Коваржик писал в своих воспоминаниях, что уже тогда застал там достаточно большую колонию чехов и словаков различных социальных слоев и групп, профессий, возраста и достатка. Среди них были профессора и преподаватели, инженеры, архитекторы и скульпторы, строители, торговцы, портные, аптекари, пивовары, музыканты и певцы.

---

¹ Такого рода заявления свидетельствовали о достаточно патриархальных взглядах словацкого преподавателя на семью и роль женщины в обществе.

По его словам, чешская колония в Москве к концу 1870-х годов была весьма многочисленной и собиралась в ресторанах «Моравия» и «Прага»¹, а также в ресторане немца Ваелда, где управляющим был чех. В Москве работал ряд чешских профессоров: Яреш с бородой до колен, красавец Вегр, родом из Табора, Квичала – брат профессора пражского университета, уже упоминавшийся словак Черны и многие другие. Из ремесленников и торговцев он называл первоклассного портного Загоржанского, владельца великолепного мехового магазина Пеликана. Все московские оркестрионы чинил Старек, ученик Грубеша из Поржичи. Отличное пиво варил Миклаш, в его пивоварне на Шаболовке работало много чехов. Управляющим самого крупного косметического магазина был вечно веселый Краупнер, сын пражского аптекаря. Солистами Большого театра были тенор Баркал и бас Фюхрер, последний был сыном регента пражского церковного хора. Половина оркестра Большого театра состояла из чехов, среди них выделялся Бенда.

Из строителей Коваржик знал Станька, Антонина Индру и старшего десятника Антонина Кафку. Индра и Кафка работали у архитектора Вебра, пражского немца, который любил работать с чехами, так как они хорошо знали свое дело, и, если надо, могли работать в праздники, даже на Рождество.

Интересной личностью был Корналик, зять Старка. Раньше он был шляпником у малостранских ворот в Праге и ревностным соколом, а в 1863 г. участвовал в польском восстании, попал в плен, но, как писал Коваржик, «добрый казак» отпустил его. Затем он был пленен повторно и теперь уже официально препровожден домой, к своим шляпам. Корналик был среди заговорщиков, попытавшихся петардой уничтожить

---

¹ В 1872 году открылся трактир «Прага» с невысокими ценами; его постоянными посетителями были московские извозчики со стоянки на Арбатской площади, которые переименовали название в «Брага». В 1896 году новым хозяином трактира стал купец С. П. Тарарыкин, выигравший его на билльярде у бывшего хозяина. Воспользовавшись выгодным местоположением, новый хозяин превратил трактир в первоклассный ресторан. В 1902 году здание было перестроено по проекту Л. Н. Кекушева, в 1914–1915 гг. вновь перестроено А. Э. Эрихсоном с изменением фасадов в классическом стиле. По воспоминаниям современников, «Прага» был одним из лучших московских ресторанов. В 1898 году в «Праге» А. П. Чехов праздновал с мхатовцами премьеру «Чайки». Там же в 1913 году И. Е. Репиным был устроен банкет по случаю восстановления его картины «Иван Грозный и сын его Иван», изрезанной старообрядцем-иконописцем Абрамом Балашовым, а Лев Толстой устраивал публичные чтения «Воскресения». После революции это была и просто столовая, и образцово-показательная столовая Моссельпрома (куда Ипполит Матвеевич из «Двенадцати стульев» повез Лизу обедать). URL: <http://moscow.drugiegoroda.ru/attractions/27706-restoran-praga/> (дата обращения: 5.03.2017).

статую Франца Иосифа в полицейском управлении, поэтому ему надо было срочно уехать из страны. Его соратник поэт Святоплук Чех¹ пообещал выправить фальшивый паспорт, но, не дождавшись паспорта, Корналик бежал в Россию. Там он выучился на телеграфиста, стал начальником небольшой станции, а затем получил место управляющего большого кирпичного завода, да и сам стал строить заводы по производству кирпича.

В Москве жил скульптор Вацлав Кафка, брат Антонина. Подготовка общероссийской выставки на Ходынском поле² была по большей части делом рук чехов. Особенно все работы по устройству царского павильона были поручены Веберу, который передал их близкому другу Коваржика Индре, а все скульптурные украшения должен был делать В. Кафка. Здесь же в Москве Коваржик познакомился с инженером Херингом, который позднее стал главным управляющим на заводе Рингхоффера, лично приезжавшего сдавать готовые заказы и получать новые.

В Москве практически не существовало области, в которой бы не трудились чехи и словаки, поэтому неудивительно, что с течением времени московская колония лишь богатели и становилась более влиятельной³.

К сожалению, трудно установить количественный состав чешской и словацкой колоний в Москве на рубеже XIX–XX вв., но число проживавших в России в конце XIX в. чехов и словаков известно точно – всероссийская перепись 1897 г. зафиксировала 50 385 чехов и словаков (они учитывались вместе) [цит. по: 1, с. 38].

---

¹ Святоплук Чех (1846–1908) – один из крупнейших чешских писателей и поэтов, участник революционных событий 1848 г., полулегальных патриотических организаций, национальных волнений 1860-х годов. В 1874 году Святоплук в качестве журналиста побывал в России, посетив Кавказ, Одессу, Севастополь, Ялту, Новороссийск, Владикавказ. В период нахождения в России Чех изучил русский язык, и многие русские реалии впоследствии нашли отражение в его творчестве. URL: <http://www.litpedia.ru> (дата обращения: 1.12.2017).

² 15-я Всероссийская промышленно-художественная выставка 1882 г. стала наиболее крупной выставкой России XIX – начала XX веков. Она собрала четыре тысячи участников и миллион посетителей, представила изделия народов Российской империи, включая самые отдаленные провинции. На ее устройство было затрачено два миллиона рублей. На Ходынском поле на площади в 30 гектаров возникло 80 павильонов с центральным зданием в форме звезды. Оно простояло на Ходынке до 1895 года. В нем устраивались и другие экспозиции, такие как Всероссийская ремесленная выставка 1885 г. и Французская торгово-промышленная выставка 1891 года. Кроме центрального здания было возведено еще девять главных павильонов. К главным выставочным постройкам относился и Императорский павильон, построенный для отдыха высочайших особ и выполненный в русском стиле с исключительно роскошной отделкой. Это здание сохранилось до сих пор. URL: http://tushinec.ru/?news_read=3116 (дата обращения: 23.11.2017).

³ Kovářik F. *Zažitky a dojmy ruského Čecha za carství*. Praha, 1932. S. 88–89.

Несмотря на пестрый состав московской колонии чехов и словаков, они активно общались между собой, собирались в определенных местах, обсуждали новости в России и на родине, читали газеты на родном языке.

С конца XIX века стали возникать различные союзы, кружки и общества. В США, где чешские и словацкие колонии были весьма многочисленны, объединения чехов и словаков существовали отдельно друг от друга, никогда не объединяясь, хотя и сотрудничали. В Чикаго, например, существовал Чешский национальный союз и Словацкий центральный комитет [1, с. 47]. В Америке создавались чешские и словацкие страховые общества с довольно большим оборотным капиталом, спортивные, сокольские организации.

Уже после образования Чехословацкой республики, дискутируя с приверженцем идеи «чехословакизма» (единой чехословацкой нации) первым полномочным министром по делам Словакии Вавро Шробаром и отстаивая словацкую национальную самобытность (инакость), редактор газеты «Единство» («Jednota») Йозеф Гусек писал из Мидлтауна 7 апреля 1923 г.: «Вы соглашаетесь с Юригой¹, что нас от чехов не отделяет ни язык, ни религия, а речь идет о хлебе (имелись ввиду экономические противоречия – Е. С.). Я не согласен. В Америке словаки и чехи годами живут вместе, работают вместе. Словаки читают чешские журналы (чехи словацкие нет). Но до сих пор у нас нет с чехами ни одного общего союза, общей торговли, вообще никакого ни национального, ни культурного, ни экономического института (учреждения). Редки случаи браков между чехами и словаками. В Америке хлеб не делит. От католиков чехов не отделяет и религия, не отделяет язык, а мы разделены!»².

Интересно, что в России картина была противоположная, там и до Первой мировой войны и во время нее возникали общие чешско-словацкие союзы и объединения. Возможно, это было связано с тем, что в России словаков было намного меньше, чем чехов.

В 1890-е годы в Москве уже действовало австро-венгерское общество взаимопомощи, куда наряду с немцами входили чехи и словаки. Правда, между представителями этих национальностей часто возникали разногласия, о чем сообщало генеральное консульство в Москве в министерство иностранных дел в Вену.

В 1902 году в Москве возник Чешский кружок, с 1904 г. он располагался на Ирининской улице в доме предпринимателя и председателя кружка Й. Гумгалья. Управлял им комитет, секретарем которого состоял фабрикант Й. Йизбера, проживавший в Улановском переулке в доме Красковского

¹ Юрига Фердинанд (1874–1950) – словацкий политик.

² Slovensky Narodny archiv (SNA). F. Šrobár Vavro... Šk. 2. Inv. č. 139.

(кв. 14). Члены кружка собирались у Гумгалья либо в гостинице «Богемия» в Неглинном проезде, в ресторане «Малый Эрмитаж», неподалеку от Большого театра, а иногда в кафе на Тверском бульваре¹. Членов Чешского кружка часто можно было встретить в знаменитой на всю Москву кофейне Д. И. Филлипова на Тверской улице, где были огромные окна с зеркальными стеклами, мраморные столики с удобными сиденьями и вышколенные лакеи в смокингах [2, с. 184].

Чешский кружок помогал соотечественникам получить хорошее место в России. Обязательными условиями для этого было владение русским, немецким или каким-нибудь другим иностранным языком, какой-либо специальностью, а также наличие рекомендаций. При Чешском кружке имелось бюро для консультаций, поиска рабочих мест и предоставления информации русским, заинтересованным в установлении торговых и производственных контактов с чехами.

Накануне Первой мировой войны под руководством Й. Павлика Чешский кружок превратился в своеобразный центр, который не только находил работу молодым способным чехам, приехавшим из Чехии и переезжавшим из других российских мест в Москву, но также приобретал и обменивал чешские книги и журналы, занимался благотворительностью, поддерживал контакты с чешскими корпорациями, осуществлял посредничество в отношениях с российскими партнерами в различных областях – искусстве, науке, спорте, экономических и торговых предприятиях.

Чешский кружок поддерживал связь с физкультурным обществом «Сокол», выделившимся в самостоятельную организацию и обосновавшимся в здании Промышленного училища на Минской площади. Первый гимнастический кружок в Москве появился еще в 1883 г., а затем он преобразовался в сокольское объединение. Среди старожиллов кружка были писатели Антон Павлович Чехов и Владимир Алексеевич Гиляровский, последний в 1892–1895 гг. даже являлся его председателем. В число основателей кружка входили представители знатных купеческих родов и предпринимательских кланов: Николай Шустов (коньячное производство), Сергей и Савва Морозовы (текстильные мануфактуры, химическое производство красителей).

Члены чешских и словацких организаций в России участвовали в неославянском движении, активизировавшемся в начале XX века. Так, председатель московского Чешского кружка Гумгаль 18 мая 1909 г. приветствовал на чешском языке славянских гостей, захвативших в Москву после подготовительного совещания неославистов в Санкт-Петербурге. Среди них находились чешские депутаты австрийского рейхсрата Карел Крамарж,

¹ Národní archiv. F. Národní Rada Česká. Kart. 332/1.

Вацлав Клофач, Йозеф Дюрих, староста чешских соколов Йозеф Шейнер и глава Живнотенского банка Ярослав Прейс¹.

На Б. Никитской улице в доме княгини Шаховской одно время находился Чешский физкультурный кружок. Информационный кружок располагался на Садово-Кудринской и возглавлял его профессор Ф. К. Шнепп.

По данным на 1909 год, секретарем Славянского благотворительного общества в Москве являлся чех С. О. Коничек, а само общество размещалось в доме № 167 по Большой Садовой².

В отеле «Villo» в помещении австро-венгерского союза собирались члены Свободного объединения чехов.

Чехи и словаки входили в Славянский вспомогательный союз, находившийся на Кузнецком мосту в доме барона Джангарова³.

В 1909 году в Москве было основано Всеславянское общество «Славия» под председательством того же С.О. Коничека. В общеславянское объединение входила чешская секция, насчитывавшая около 100 членов. Его участники собирались ежемесячно в доме Шипулиной в Ивановском проезде Петровско-Разумовского района. Чешско-славянский вспомоществовательный и информационный союз организовал А. Грабе в доме Милешина на Большой Тверской.

Пивная А. Калабиса одно время располагалась в Газетном переулке, а затем на Селезневской улице открылся Чешский трактир при пивоварне А. Калабиса. Местом встреч и посиделок для чехов и словаков являлся также «Новый Петергоф», где к их услугам всегда были свежие газеты и журналы.

24 февраля 1914 года в Москве образовалось Русско-чешское вспомогательное общество памяти Яна Гуса, которое стремилось содействовать сближению русских с чехами и словаками. Согласно утвержденному 3 марта того же года уставу, Общество ставило своими целями: всесторонне изучать жизнь Яна Гуса и гуситское движение, способствовать сближению русских с «чехославянами» «на почве общих интересов», оказывать русским поддержку в их сношениях с чешско-славянами, а также помогать приезжающим в Россию чехославянам. Кроме того, в задачи Общества входило распространение русского языка и правильных сведений о России на Западе. Для достижения этих целей Общество предполагало: устраивать собрания, беседы, языковые и литературные курсы, лекции, вечера, спектакли, концерты, выставки и благотворительные базары.

¹ Речь. 1909.29.05.

² Adressář zahraničních Čechů. III. Doplněné vydání. Praha, 1909. S. 45.

³ Národní archiv. F. Národní Rada Česká. Kart. 332/1. Inv. č. 168.

Оно выдвигало задачи: уделять внимание духовным нуждам чешских православных прихожан в России и русских, живущих в чешских и угорских землях, способствовать обучению русских детей в чешских школах, а детей чехославян – в русских школах, исследовать нужды и быт русских подданных-чехославян, оказывать им содействие в трудоустройстве и консультациями о русском законодательстве. Общество брало на себя обязательства организовывать съезды по культурно-экономическому сближению, заботиться о больных и престарелых заслуженных деятелях славянского движения. Оно собиралось учредить свой печатный орган, библиотеку-читальню с общежитием для приезжающих в Москву чехов и словаков, залом для чтения лекций и гимнастических упражнений, комнатой с образцами произведений чешских и словацких кустарей, произведений литературы и искусства, видами дачных и водолечебных местностей, интересных для развития туризма¹.

Именно здесь, в Москве уже после начала Первой мировой войны на призыв архитектора Родионова откликнулись чехи с идеей создать Чешскую дружину, а скульптор Аморт записался первым добровольцем. В Москве чешская депутация обратилась к императору Николаю II с просьбой об освобождении земель короны св. Вацлава².

В августе 1914 года, когда уже началась война, Сватоплук Коничек-Горский с целью оказания помощи нуждающимся чехам и словакам и участия в формировании чешско-словацкого войска создал Чешский комитет в Москве, имевший русофильскую направленность³.

Позднее, 20 августа (1 сентября) 1915 г. в Москве возникло Словацко-русское общество памяти Л. Штура [6, с. 152–168], ставившее своей целью всестороннее изучение словацкого вопроса. Оно должно было способствовать словацко-русскому сближению и политическому возрождению Словакии. Как писал В. А. Духай на страницах журнала «Славянское объединение», организаторы Общества видели в словаках не часть чешской нации, а самостоятельный славянский народ⁴. Общество стремилось стать средоточием для всех словаков, живущих в России, выбрав Москву как центр словацкой колонии. Редактор «Славянского объединения» Ф. Ф. Аристов призвал начать сбор пожертвований на Словацкую академию наук и подготовку словацкого съезда в Москве.

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 541. Д.Н. Вергун. Оп. 1. Д. 30. Л. 98.

² Kovářík F. Zažitky a dojmy ruského Čecha za carství. Praha, 1932. S. 89.

³ Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус 1914–1920. Документы и материалы. Т. 1. М., 2014. С. 928.

⁴ Славянское объединение. 1915. № 3–4. URL: http://sinsam.kirsoft.com.ru/KSNews_767.htm (дата обращения: 23.11.2017).

Для ознакомления русского общества со словацким вопросом каждую субботу в 20 часов в ресторане «Метрополь» устраивались словацко-русские беседы. Собрания имели следующую программу: после ужина читался доклад по словацкому вопросу, присутствовавшие обменивались мнениями по поводу высказанных в докладе положений, а затем начиналось литературно-музыкальное отделение, состоявшее из декламации и пения на словацком и русском языках.

Делами общества заведовало Правление (из словаков и русских), состоявшее из 12 лиц: председателя – камергера Леонида Михайловича Савелова, товарищей председателя: камер-юнкера Федора Ивановича Тютчева (внука знаменитого поэта), словака Густава Ивановича Паулини, секретарей: Федора Федоровича Аристова, словака Владимира Андреевича Духайя, казначея – словака Степана Степановича Гунчика. Членами правления состояли: князь Сергей Борисович Мещерский, Николай Александрович Осетров, Вениамин Александрович Монастырев, Георгий Георгиевич Грашко (словак), Осип Степанович Гунчик (словак), Эдуард Степанович Краличек (словак).

В официальном программном заявлении правления Общества в конце 1915 г. сообщалось, что оно основано по инициативе московских словаков и признано словацкой колонией в России. Словацкая Лига в Америке, а также варшавские словаки по телеграфу выразили свое признание инициативе основателей Общества. По случаю торжественного заседания 19 декабря 1915 г. Общество получило приветственную телеграмму российского императора.

В задачи Общества Штура входила всесторонняя помощь всем словакам, проживающим на территории России, содействие освобождению военнопленных словаков, а также предоставление свободного; перемещения словацким коммерсантам и всем другим словакам по всей России. В программном документе отмечалось, что Общество должно изучать жизненные потребности словацкого народа, словацкую историю, литературу, искусство и язык, организовывать съезды национальных деятелей; создать словацкую библиотеку, устраивать литературные вечера, а также выдавать всем благонадежным словакам удостоверения за подписью председателя Общества.

Общество подчеркивало необходимость укрепления связей с американской колонией словаков и Словацкой Лигой в Америке, координации совместных усилий. Общество постановило издавать независимый словацкий журнал, который бы освещал нужды и чаяния угнетенного словацкого народа.

В конце программного заявления утверждалось, что Общество Штура – первая и единственная организация словаков на всей территории России. Руководство Общества Л. Штура ориентировалось на присоединение

Словакии к России и не разделяло стремление Союза чешско-словацких обществ в России¹ к созданию единого государства чехов и словаков.

19 декабря 1915 года в гостинице «Метрополь» в Москве состоялось общее собрание Русско-словацкого общества памяти Штура, посвященное 100-летию со дня рождения знаменитого словацкого писателя-слависта и патриота, идеи которого близки идеям русских славянофилов. Помимо всех проживавших в Москве словаков, на собрании присутствовали многочисленные представители других славянских организаций – русские, поляки, сербы, черногорцы, хорваты и чехи. В числе присутствовавших находились: сербский архимандрит Михаил, камергеры Л. М. Савелов и Ф. И. Тютчев, профессор Линниченко и другие. Славянские мероприятия традиционно проводились в России с размахом. Торжество началось обедом, сервированным на 60 человек. После трапезы собрание открыл приветственной речью Л. М. Савелов. Словаки выразили желание послать от имени Общества телеграмму Государю императору и поручили составить ее правлению. По предложению председателя Общества в почетные члены были избраны: профессора К. Я. Грот, Т. Д. Флоринский, В. А. Францев, И. И. Квачала (Ян Родомил), А. Д. Самарин, Д. А. Хомяков, Л. М. Савелов и Е. И. Де-Витте. Согласно отчету секретаря, с момента открытия Общества (осенью 1915 г.) в него вступило 114 человек. На собрании прозвучали доклады словаков: В.А. Духая «Прошлое и настоящее словаков», Д. В. Маковицкого «Славянство вообще и сходство словацкого языка с русским в частности» и Э. С. Краличека «Наши надежды». В. И. Баргар прочитал на русском языке поэму Гурбана Ваянского «Ирод», а г-жа Збаниовская продекларировала по-словацки «Привет краям» (землякам). Несколько существенных поправок к докладу Маковицкого, в том числе относительно происхождения слова «славянин», сделал профессор Линниченко. Затем последовали приветствия: от правления «Общеславянских трапез» говорил С. К. Родионов, от «Славянских бесед» – М. И. Гарапич, от сербо-хорватов – К. Ю. Герунц, от черногорцев – М. С. Пламенац, от чехов – С. О. Конишек. Торжественное собрание закончилось исполнением некоторых произведений славянских композиторов на виолончели и рояле².

Обществу не удалось в полной степени развернуть свою деятельность, но традиции российско-словацкого культурного сотрудничества живы

---

¹ Союз чешско-словацких обществ в России был создан в мае 1915 г. на основе возникшего на I съезде земляческих организаций в Москве в феврале того же года Союза чешских обществ в России.

² Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 541. Д.Н. Вергун. Оп. 1. Д. 6. Л. 19.

и сегодня, свидетельством чему явилось открытие в Москве через столетие – 4 июня 2015 г. – Общества Людовита Штура, которое регулярно проводит заседания в Словацком институте и издает альманах «Девин». Его председателем является профессор МГУ им. М. В. Ломоносова А. Г. Машкова.

Итак, со второй половины XIX века в Москве уже сложилась достаточно многочисленная и организованная колония чехов и словаков. Несмотря на пестрый состав колонии, ее члены входили в различные союзы, кружки и объединения, занимавшиеся благотворительной, информационной, культурно-просветительной, спортивной деятельностью и поддерживавшие связь с родиной. К началу Первой мировой войны Москва (наряду с Варшавой, Киевом и Санкт-Петербургом) стала одним из четырех основных политических центров чехов и словаков в России. Словаки ввиду их меньшего числа по сравнению с чехами часто входили в совместные организации. Первое словацкое общество появилось в Москве только в 1915 г., что было, вероятно, связано с ростом словацкого национального самосознания, разработкой концепций послевоенного устройства Центральной Европы и решения словацкого вопроса. Как известно, в национально-освободительном движении победили сторонники совместного чехословацкого государства, но в годы войны далеко не все словаки в России разделяли эти планы.

Список литературы

1. Пукиш В. Чехи Северного Кавказа: годы и судьбы 1868–2010. Ростов-на-Дону, 2010.
2. Рогатко С.А. Выдающиеся продовольственные предприниматели России. М., 1999.
3. Фирсов Е.Ф. Словацко-русское общество памяти Людовита Штура в России и идея славянского единства // Славянский вопрос: Вехи истории. Светлой памяти В.А. Дьякова посвящается. М., 1997. URL: <http://www.inslav.ru/resursy/elektronnaya-biblioteka/1563-1997-slavjanskij-vopros> (дата обращения: 23.11.2017).
4. M. F. Raevskij a Slováci v 19. storočí / M. Daniš, V. Matula. Bratislava, 2014.

Статья поступила в редакцию 12.09.2020;
одобрена после рецензирования 08.10.2020; принята к публикации 25.10.2020.

Об авторе

Серापionoва Елена Павловна

доктор исторических наук, доцент, заведующая отделом истории славянских народов периода мировых войн, Институт славяноведения РАН, Российская Федерация, г. Москва, serapionova@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

References

1. Pukish V. Chekhi Severnogo Kavkaza: gody I sud'by 1868-2010 [Czechs of the North Caucasus: years and destinies 1868–2010]. Rostov-on-Don, 2010. (In Russ.).
2. Rogatko S.A. Vydayushchiesya prodovol'stvennye predprinimateli Rossii [Outstanding food entrepreneurs in Russia]. Moscow, 1999. (In Russ.).
3. Firsov E.F. Slovatsko-russkoe obshchestvo pamyati Lyudovita Shtura v Rossii I ideya slavyanskogo edinstva [The Slovak-Russian society for the memory of Ludovit Stuhr in Russia and the idea of Slavic unity]. *Slavyanskii vopros: Vekhi istorii. Svetloi pamyati V.A. Dyakova posvyashchaetsya = Slavic question: Milestones in history. To the blessed memory of V.A. Dyakov is dedicated*, Moscow, 1997. Available at: <http://www.inslav.ru/resursy/elektronnaya-biblioteka/1563-1997-slavjanskij-vopros> (accessed 23.11.2017). (In Russ.).
4. Daniš M., Matula V. M. F. Raevskij a Slováci v 19. storočí. Bratislava, 2014.

The article was submitted 12.09.2020;
approved after reviewing 08.10.2020; accepted for publication 25.10.2020.

About the author

Elena P. Serapionova

Dr. Sci. (History), Associate Professor, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, serapionova@mail.ru

The author has read and approved the final manuscript.

УДК 327(437.6)

DOI 10.30914/2227-6874-2020-13-70-84

Образ Вишеградской группы в словацких научных исследованиях

В. В. Никитин

В статье анализируются и критически оцениваются подходы словацких исследователей к деятельности четырех вишеградских стран, три из которых до 1918 г. входили в состав Австро-Венгрии. В первой части данной работы автор рассматривает, как оценивается роль Словакии в Вишеградской группе в работах словацких исследователей. На этой основе автор приходит к заключению, что данное региональное сообщество преподносится в качестве платформы для защиты словацких интересов в Европейском Союзе. При этом словацкие эксперты, утверждает автор статьи, несомненно, завышают реальное значение данной группы для западноевропейских политиков. Во второй части исследуется несколько направлений в представленном в словацкой историографии образе вишеградского сотрудничества: изучение инициатив в ходе председательства тех или иных стран, анализ общих подходов и расхождений, рассмотрение влияния миграционного кризиса, постановка вопроса о перспективах институционализации сотрудничества. Показан также словацкий разбор отраслевого сотрудничества в рамках Вишеграда, в частности, в сфере обороны и безопасности, а также в энергетике. Автор анализирует словацкие подходы к расширенному вишеградскому сотрудничеству, охватывающему другие регионы, в особенности Западные Балканы и Восточное партнерство. Помимо анализируемых в словацкой историографии направлений деятельности Вишеградской группы, в статье рассматривается документальная база, на которой построены словацкие работы. Автор приходит к выводу о том, что значительный массив интернет-ресурсов (в особенности, документы правительства Словакии) учеными не используются. Это дает возможность в дальнейшем более детально исследовать и оценить деятельность Вишеградской четверки.

Ключевые слова: Вишеградская группа, Словацкая Республика, Чешская Республика, Польша, Венгрия, историография, ЕС

Благодарность: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-00279.

Для цитирования: *Никитин В.В.* Образ Вишеградской группы в словацких научных исследованиях // Запад – Восток. 2020. № 13. С. 70–84. DOI: <https://doi.org/10.30914/2227-6874-2020-13-70-84>

The image of the Visegrad Group in Slovak scientific research

V. V. Nikitin

The article analyzes and critically evaluates the approaches of Slovak researchers to the activities of four Visegrad countries, three of which until 1918 were part of Austria-Hungary. In the first part of this work, the author examines the assessments of Slovak researchers of the Slovak role in the Visegrad Group. On this basis, the author comes to the conclusion, that this regional community is presented as a platform for protecting Slovak interests in the European Union. At the same time, Slovak experts, as the author of the article claims, undoubtedly overestimate the real significance of this group for Western European politicians. The second part of the article examines the image of Visegrad cooperation in several directions: the study of initiatives during the chairmanships of certain countries, analysis of common approaches and differences, consideration of the impact of the migration crisis and raising the question of the prospects for institutionalizing cooperation. The readers may also get acquainted with the Slovak analysis of sectoral cooperation within the framework of Visegrad, especially in the field of defense and security, as well as in the energy sector. The author analyzes the Slovak approaches to the expanded Visegrad cooperation (Visegrad+) covering other regions, in particular the Western Balkans and the Eastern Partnership. In addition to the activities of the Visegrad Group analyzed in Slovak historiography, the article examines the documentary base on which the Slovak works are based. The author concludes that there is a whole array of Internet resources (in particular, documents of the Slovak government) that are currently not used by scientists. This makes it possible to further study and evaluate the activities of the Visegrad Four in more detail.

Keywords: the Visegrad Group, Slovak Republic, Czech Republic, Poland, Hungary, historiography, the European Union

Acknowledgments: The reported study was funded by the RFBR, project number 20-09-00279.

For citation: Nikitin V.V. The image of the Visegrad Group in Slovak scientific research. *West – East*. 2020, no. 13, pp. 70–84. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30914/2227-6874-2020-13-70-84>

Одним из основных направлений в научных исследованиях в области исторической политики Словакии, затрагивающих регион Центральной Европы (ЦЕ), является изучение места Словакии в Вишеградской группе (Венгрия, Польша, Словакия, Чешская Республика) и внешней политики Словакии на этом интеграционном пространстве.

Изучение места Словакии в Вишеградской группе

15 февраля 1991 года в венгерском городе Вишеград президентами Венгрии Й. Анталлом, Польши – Л. Валенсой и Чехословакии – В. Гавелом

была подписана Декларация о сотрудничестве Чешской и Словацкой Федеративной Республики, Республики Польша и Венгерской Республики на пути в европейской интеграции. В Декларации были провозглашены пять основных целей: во-первых, полная реституция государственной независимости, демократии и свободы; во-вторых, устранение всех существующих социальных, экономических и духовных аспектов тоталитарной системы; в-третьих, построение парламентской демократии, современного правового государства, уважение прав и свобод человека; в-четвертых, создание современной рыночной экономики, и, в-пятых, полное вовлечение в европейскую политическую и экономическую систему, а также систему безопасности и законодательства [1, с. 51–52].

Таким образом, изначально перед данной группой ставилась основная задача: сотрудничество в различных областях для достижения заветной цели – вступления этих стран в ЕС и НАТО. Из этого можно сделать заключение, что членство Словакии в данной интеграционной группе сразу переводило ее в разряд «цивилизационной принадлежности» к западным евроатлантическим структурам.

Именно поэтому Словакия в рядах Вишеградской группы изначально воспринималась словацкими экспертами в качестве страны, обязанной вступить в ЕС и НАТО в первой волне их расширения. Стоит отметить, что в Словакии в то время практически никем не ставился вопрос о реальной необходимости ее участия в рядах Североатлантического альянса. Единственный аналитик, который выступал за нейтралитет Словакии, как ни странно, был чешский историк Ян Тесарж, взявший гражданство СР после распада Чехословакии. Он считал, что вступление этой страны в НАТО приведет к ее «вечной сателлизации, зависимости и даже оспариванию ее государственности»¹.

Называя словацкую политику по вступлению в Североатлантический альянс «лакейством» и «коллаборационизмом», он усматривал в этом процессе явную взаимосвязь с чешской историей. «Чешское государство никогда не знало другого суверенитета, кроме ограниченного; однако в специфической чешской атмосфере сам по себе этот основополагающий факт не мог быть констатирован, и поэтому чехи не только научились считать свое тысячелетнее лакейство (оправданно) своей подлинной, наиболее типичной для себя государственной традицией, но и называть ее (неоправданно) суверенитетом. Этим самым они не смогли хотя бы осознать, что такое реальный суверенитет. Последствия очевидны. Все это оказало влияние и на словаков»².

¹ Tesář J. Geopolitika samostatného Slovenska // Literárny týždenník. Č. 22. 1994. S. 1.

² Ibid. S. 12.

Это была, однако, единственная открытая попытка постановки вопроса о независимых роли и месте Словакии в Европе. Все остальные словацкие эксперты, как в 1990-е гг., так и сегодня, исходили из простого постулата о несуществовании другой альтернативы, кроме евроатлантизма. Особенно показательны в этом смысле исследования таких словацких авторов, как А. Дулеба или М. Влаховский [18, s. 27–44; 19, s. 71–100; 4; 1, с. 52].

В этом направлении, однако, словацких экспертов в 1990-е гг. ждал неприятный сюрприз. Словакию постепенно, начиная с 1995 г., западные страны начали исключать из процесса расширения НАТО и ЕС. Этот процесс начался с получения Словакией трех демаршей ЕС и США (один в ноябре 1994 г., два в октябре 1995 года). Словацкий политолог А. Дулеба даже делит историю Словакии 1990-х годов на три эпохи: «додемаршевая» (январь 1993 – ноябрь 1994 г.), «демаршевая» (ноябрь 1994 – октябрь 1995 г.) и «постдемаршевая» (октябрь 1995 – сентябрь 1998 г.) [5, s. 39].

Другой словацкий исследователь И. Гопта в настоящее время отмечает, что в 1990-е гг. в Словакии правительство В. Мечьяра «уделяло гораздо больше внимания внутренней политике, прежде всего построению политической и экономической власти. Это негативно отразилось не только на восприятии Словакии международными партнерами, но и на качестве ее сотрудничества с государствами-членами В4, которое реализовывалось на протяжении 1993–1997 гг. в минимальной степени» [1, с. 52]. На основе весьма сложных отношений между ЕС/США и Словакии была выдвинута концепция выпадания Словакии из Вишеградской четверки, нейтралистских, даже панславянских тенденций в Словакии, что приводило к опасениям о будущем данной региональной организации [10, s. 262].

С этой точки зрения интерес представляет и тот факт, что сегодня словацкие либеральные политики (Прогрессивная Словакия / Вместе, За людей) также относятся уже к Венгрии и Польше, настаивая на том, чтобы «Словакия дистанцировалась от своих “проблемных” соседей по Вишеграду, а именно Венгрии и Польши, которых институты ЕС критиковали за недостатки в обеспечении верховенства закона» [15, p. 74].

Словацкие эксперты рисуют другой образ Вишеградской группы. Для Словакии она, по их мнению, представляет «жизненно важное пространство, и в то же время инструмент для успешного продвижения собственных интересов на более широком региональном и европейском уровне» [12, s. 79]. Словацкие авторы отмечают важнейшую взаимосвязь данного регионального объединения и ЕС. «Основой, определяющей долгосрочное функционирование В4, несомненно, является Европейский Союз. После присоединения к нему Вишеградская четверка стала одной из важнейших региональных платформ, а с точки зрения отдельных аспектов она превзойдет даже такую известную региональную инициативу, как Бенилюкс». Словацкий политолог

Т. Стражай сравнивает площадь территории и количество населения в этих двух региональных группах, ссылаясь на высказывание министра иностранных дел Польши Радослава Сикорски в Будапеште в 2013 году [13, s. 85].

В этом направлении, однако, вырисовывается явное преувеличенное восприятие Вишеградской группы. По мнению словацких авторов, важность данного регионального сообщества все больше осознают представители Евросоюза. В качестве аргумента используется «присутствие высших представителей Еврокомиссии на встречах лидеров стран В4 перед заседаниями Совета ЕС или их присутствие на различных Вишеградских саммитах непосредственно в регионе» [13, s. 85]. Скорее всего, такое пристальное наблюдение за деятельностью центрально-европейских стран со стороны лидеров ЕС говорит об их желании заранее предупредить возможную попытку неповиновения этих государств общеевропейским решениям, принятым в Брюсселе, как и заблаговременно ознакомиться с вишеградскими подходами, которые затем будут предлагаться этими странами на заседаниях Совета ЕС. Обращает на себя внимание тот факт, что словацкий исследователь Т. Стражай не приводит в качестве примера ни одного решения на уровне ЕС, принятию которого способствовало бы осознание еврочиновниками важности Вишеградской четверки.

В виду серьезной взаимосвязи между Вишеградом и Евросоюзом, словацкие авторы выделяют координацию между этими двумя интеграционными группами, которая, с их точки зрения, привела к принятию на уровне ЕС тех бюджетных условий на 2014–2020 гг., которые удовлетворили представителей центрально-европейских стран. При этом на первое место словацкими аналитиками ставится проблема различного отношения стран Вишеграда к европейской интеграции. Словакия ими оценивается как «наиболее интегрированная страна» в виду перехода этой страны на евро, а Чешская Республика времен премьер-министра Петера Нечаса характеризуется как страна, отношение которой к евроинтеграции было «сдержанным или даже негативным» [16, s. 70].

Важность Евросоюза для Вишеградских стран рисуется словацкими экспертами в следующих тонах: «Европейский Союз является приоритетной областью для В4 для его собственного развития и реализации региональных интересов. Несмотря на тенденции к дезинтеграции, которые достигли высшей точки в ЕС из-за последствий долгового и экономического кризиса в 2012 году, В4 сохранила свою целостность и четко проявила себя как региональная инициатива с перспективой дальнейшего развития. Не является препятствием и то, что страны Вишеградской группы находятся на разных орбитах европейской интеграции» [13, s. 93].

Таким образом, для словацких исследователей понятия «Евросоюз» и «Вишеградская группа», по сути дела, являются синонимами. Вишеград

для Словакии, по их мнению, представляет интерес, главным образом, в качестве плацдарма для защиты словацких интересов на уровне ЕС. Отсюда возникает весьма завышенная оценка значения данной интеграционной группы в словацких исследованиях.

Изучение деятельности Вишеградской группы в словацкой историографии

В словацких трудах вырисовывается несколько аспектов изучения функционирования Вишеградской группы. Прежде всего, необходимо выделить анализ словацкими экспертами деятельности данного регионального объединения в ходе председательства тех или иных стран. Так, например, словацкий политолог Т. Стражай сопоставил итоги чешского и польского председательства в Вишеградской группе. «Чешское председательство сосредоточилось не только на новаторских стратегиях, которые могли бы привести к спорным результатам во время продолжающегося кризиса, но и на нескольких небольших, но более конкретных инициативах, которые значительно укрепили В4».

Речь шла о такой инструментарии, как создание совершенно нового механизма предоставления грантов для стран Восточного партнерства в рамках Международного вишеградского фонда, формировании Западно-балканского фонда в регионе Юго-Восточной Европы, а также возникновении «новой платформы Вишеградского аналитического центра под названием “Think Visegrad”, направленной в первую очередь на разработку краткосрочных и долгосрочных анализов для министерств иностранных дел В4 и укрепление сотрудничества между правительственным и неправительственным секторами» во всех вишеградских странах. Польское председательство, по мнению словацкого эксперта, «приятно удивило своей динамичностью». Позиция Польши «подтверждает тезис о растущей важности роли самого президентства, в то время как отдельные страны Вишеградской группы все чаще используют возможность внести дополнительную ценность для региональной инициативы в виде новаторских идей» [13, s. 86–87].

Пристальное внимание словацкими исследователями уделяется как совместной позиции, так и расхождению государств на данном интеграционном пространстве. Однако возникающие расхождения (реформа ЕС, выборы генерального секретаря ООН, отношение к углублению европейской интеграции) менее существенны, чем те подходы, в которых страны В4 проявляют солидарность. Среди прочего, речь идет о таких важнейших направлениях внешней и экономической политики центрально-европейских правительств, как формирование бюджета ЕС и расходование финансовых средств из европейских фондов, реализация политики сплочения, интерес к предотвращению фрагментации ЕС, минимизация влияния Брекзита

на страны ЦЕ. В некоторых случаях совместным подходам вишеградских правительств оказывается поддержка со стороны как других европейских государств (Болгария, Хорватия, Румыния и Словения), так и Еврокомиссии (двойные стандарты по качеству продуктов питания) [11, р. 61–62].

Т. Стражай рисует следующую палитру Вишегдарской группы: Венгрия считает ее «наиболее важным форматом регионального сотрудничества. В4 – это основа для создания коалиции и важный инструмент для достижения целей ее внешней и европейской политики». Польша является «крупнейшей страной В4, поэтому принцип “равные права, равный вклад” иногда не отражает амбиции Варшавы, ставя ее на один уровень с ее более мелкими вишеградскими партнерами». Отношения со Словакией и Польшей имеют «стратегическое значение для Чешской Республики, поэтому формат В4 используется как инструмент для поддержания регулярного диалога с ними и для двусторонних отношений». Словакия находится «в положении, когда она пытается сбалансировать существующие партнерские отношения со своими центрально-европейскими соседями, с одной стороны, и придерживаться активного подхода к углублению интеграции с ЕС, с другой». Данное региональное сообщество «рассматривается как наиболее важная региональная инициатива. Однако членство в еврозоне и интеграционный подход правительства выделяют Словакию из трех других вишеградских стран. По этой причине самой важной задачей Словакии было – и остается – установление баланса между этими двумя позициями» [17, s. 68].

Учитывая влияние миграционного кризиса как на внешнюю, так и на внутреннюю политику этих стран, в словацких работах анализируется отрицательный подход вишеградских правительств к механизму автоматического переселения беженцев. С другой стороны, отмечается и то, что премьер-министры государств ЦЕ поддержали меры, принятые на уровне ЕС с целью защиты внешних границ Евросоюза, призвав к безотлагательному созданию Европейской пограничной и береговой охраны, а также к осуществлению плана действий между ЕС и Турцией. «Позиция стран Вишеградской группы в том, что система, предложенная Еврокомиссией, не доказала свою эффективность, оставалась неизменной на протяжении всего 2016 года, – пишет Т. Стражай. – Однако, хотя в течение первого полугодия страны В4 критиковали в основном предлагаемые решения, вторая половина была более продуктивной с точки зрения выработки конкретных предложений. Хотя концепция гибкой солидарности, представленная на саммите ЕС в Братиславе, была непонятна большинству партнеров стран В4 в ЕС, по крайней мере, ее можно было рассматривать как попытку положить что-то более конкретное на стол переговоров» [14, р. 78].

В Словакии в области деятельности вишеградских стран в рамках данного интеграционного пространства особенно часто обсуждается вопрос

об его институционализации. «Углубляя европейскую интеграцию и создавая новые институты, постоянно возникает вопрос, сможет ли слабо институционализированный Вишеград адекватно ответить на предстоящие европейские вызовы. Обсуждение возможного укрепления институциональной базы является полезным с учетом обстоятельств, но ни одна из вишеградских стран не занимает позицию явного сторонника дальнейшей институционализации В4». Словацкий эксперт особо подчеркивает проблему существования многоскоростного Вишеграда, в связи с которой центрально-европейские страны «находятся на разном уровне европейской интеграции. Высокая степень гибкости, которая напрямую связана со слабой степенью институционализации, является скорее преимуществом, чем недостатком. Тем не менее более тесная координация в рамках В4 будет по-прежнему возможна за счет укрепления существующих и создания новых инструментов сотрудничества с упором на регулярное общение между экспертами и ведущими сотрудниками государственных органов управления, являющееся необходимой составной частью саммитов, проводимых на политическом уровне. Международный Вишеградский фонд остается единственным “каменным” учреждением В4, но именно регулярные встречи политических представителей, глав министерств и экспертов, которые можно в некотором смысле рассматривать как неформальные институты, имеют решающее значение для функционирования В4» [13, s. 93–94].

Проблема, однако, заключается в том, что словацкий эксперт не объяснил, что конкретно он подразумевает под «институционализацией» Вишеграда, и по какой причине она привела бы к отрицательным последствиям. Обращает на себя внимание и тот факт, что, к примеру, в словацко-российских отношениях действует Межправительственная комиссия по торгово-экономическому, научно-техническому и культурному сотрудничеству между Словацкой Республикой и Российской Федерацией. Получается, что словацко-российские отношения больше институционализированы, чем вся Вишеградская группа. Этот вопрос, несомненно, требует дальнейшей конкретной проработки. Стоит отметить и то обстоятельство, что, несмотря на неспособность автора объяснить конкретные подходы к вопросу об институционализации Вишеграда, эту тему он в одном-двух предложениях продолжал поднимать и в других работах [11, s. 68; 17, s. 74; 15, s. 80].

Так, например Т. Стражай в 2017 г. пришел к тому же заключению, что и раньше: «Только низкий уровень институционализации позволит странам В4 продолжить более чем 25-летнее сотрудничество в тех областях, где у них действительно есть общие интересы. Эта слабая институционализация также позволит каждой из них занимать разные позиции в некоторых направлениях, без того, чтобы подвергать опасности весь механизм сотрудничества. Больше институционализации, безусловно, принесет больше

твердости, но не больше влияния в ЕС» [14, s. 84]. При этом данный анализ в 2020 г. привел его к выводу о том, что Вишеградская группа – это «неформальная коалиция стран, заинтересованных в сотрудничестве в отдельных областях, а не единый блок» [15, s. 79].

Это, несомненно, правильный и весьма приближенный к истине вывод, однако не совсем понятно, как его можно согласовать с теорией того же автора о важности этой «неформальной коалиции» для представителей Евросоюза. Скорее всего, в связи с ее «неформальностью» придется переосмыслить отношение к данному интеграционному сообществу со стороны ЕС. Как уже отмечалось ранее, вполне возможно, что «вишеградская платформа» все-таки используется чиновниками и политиками ЕС для выяснения изначальных подходов по европейской повестке дня со стороны центрально-европейских стран, что дает им представление, как выстроить свою политику на заседаниях органов ЕС, т. е. какие позиции Вишеград поддержит, а по каким вопросам в этой группе имеются серьезные разногласия.

Если согласиться с таким подходом, тогда возникает другой, причем более существенный вопрос: является ли Вишеградская группа платформой для продвижения своих интересов в ЕС, или, наоборот, платформой убеждения представителями ЕС центрально-европейских стран в необходимости занять «правильную» позицию по европейской повестке дня, или, по крайней мере, сферой наблюдения за принимаемыми на уровне Вишеграда решениями, важными для брюссельских органов. Эти вопросы также требуют более тщательной проработки в дальнейшем.

Следующим направлением, которое анализируется в Словакии, является расширенное вишеградское сотрудничество, или «Вишеград+». Речь идет о таких сферах «вневишеградских» инициатив, как отношения с регионом Западных Балкан или Восточной Европы (в рамках «Восточного партнерства»), работа в сфере «Славковского треугольника» (Словакия, Франция, Чешская Республика). Отмечаются авторами также и инициативы «трех» морей, поэтому вполне ожидаемо было то, что с 2014 года в словацких работах центральное место стал занимать конфликт на территории Украины. В нем словацкие авторы полностью встали на украинские позиции. Так, например, без должного анализа и даже ссылок на какую-нибудь историографию или источники, Т. Стражай обвинил Россию в нарушении международного права [12, s. 72–74]. Весьма субъективно подходит к рассмотрению российско-украинского конфликта и другой словацкий эксперт – А. Дулеба. Ссылаясь на позицию британской вещательной корпорации «ВВС», он рисует образ оккупации и аннексии Крыма Россией, как и «российского следа» в военном конфликте на Донбассе: «Как раньше в Крыму, так и на Донбассе появились прекрасно вооруженные “зеленые человечки” в камуфляже без военных знаков отличия, которые заняли город Славянск

и начали оккупировать другие города Донецкой и Луганской областей. Украина решила защищать свою территорию, и с тех пор на Донбассе происходит военный конфликт между вооруженными силами Украины и сепаратистами, поддерживаемыми Россией» [8, s. 82]. Похожими оценками изобилуют и документы словацкого правительства [2, с. 116–117], с которыми, однако, А. Дулеба не работал. Возникает серьезный вопрос, насколько можно решать проблемы мировой политики, или хотя бы их анализировать, перенимая чужие подходы и занимая позицию одной из сторон конфликта.

Еще одним направлением, анализируемым словацкими авторами, является отраслевое сотрудничество вишеградских стран. Речь идет о таких сферах деятельности, как оборона и безопасность, энергетика, транспорт и цифровые технологии, климатическая политика, электрификация, инфраструктура и пространственное планирование. Т. Стражай особое внимание обращает на первые две области. Он отмечает, что в сфере обороны и безопасности анонсировано создание в 2012 г. совместной военной группы [13, s. 91], находящейся «в режиме ожидания» с середины 2016 по конец 2019 года. Последующее ее развертывание запланировано на первую половину 2023 года. [15, s. 79]. Также экспертами упоминаются обмен информацией и вклад В4 в меры НАТО по обеспечению безопасности стран Балтии [14, p. 82–83; 11, p. 65].

В области энергетики словацкие авторы обращают внимание на три аспекта. Во-первых, речь идет о проекте создания совместного регионального рынка газа, который, кроме прочего, «укрепил бы переговорные позиции вишеградских партнеров с поставщиками». Здесь имеется в виду, главным образом, Российская Федерация [13, s. 92]. Во-вторых, отмечается важность объединения «существующих или создание новых транспортных маршрутов, особенно строительство соединительных линий на оси север – юг (Польша – Словакия – Венгрия. – В. Н.). Словакия играет ключевую роль в этом контексте, поскольку это единственная страна, граничащая со всеми странами Вишеградской группы» [13, s. 92]. Подчеркивается в этой связи готовность центрально-европейских стран расширить региональный масштаб проекта на другие государства (Молдова, страны Балтии, Румыния, Украина и Хорватия) [16, s. 71].

Особенно перспективной Т. Стражайю представляется политика вишеградских правительств, направленная, с одной стороны, на борьбу с Северным потоком – 2, а с другой – на диверсификацию поставок энергоресурсов в эти страны из России. Она преподносится им как «повышение энергетической безопасности» этих стран. Причем в 2015 году этим же автором отмечалась «конкретная и весьма значительная помощь» Украине со стороны Словакии в данной области в связи с экспортом газа в эту страну благодаря

реверсу. Т. Стражай акцентировал также тот факт, что его объемы из Словакии значительно выше, чем из Польши или Венгрии [12, s. 77].

При этом необходимо отметить, что в глаза бросается явное несоответствие в этих подходах. Пока Россия не диверсифицировала свои поставки газа в Западную Европу в 1990-х – первой половине 2000-х годов, Словакия использовала свою территорию для его экспорта, а Польша строила газопровод Ямал – Западная Европа из России в Германию. Необходимо отметить, что Словакия в рамках транзитной скидки получала 2/3 российского газа бесплатно¹. Как только «Газпром» начал реализацию диверсификации поставок энергоресурсов в Западную Европу в обход Украины и стран Центральной Европы, словацкие политики и эксперты пришли к выводу о необходимости повышения «энергетической безопасности», как будто на протяжении 20 лет такой проблемы не существовало. На самом деле за такой политикой просачивается исключительный экономический, а на самом деле финансовый интерес этих стран.

Таким образом, можно сделать несколько выводов о складываемом в Словакии образе Вишеградской группы. Во-первых, налицо перечисление общедоступных фактов с весьма абстрактной фразеологией, выдаваемое за анализ итогов председательства той или иной страны в вишеградском формате. За редким исключением не анализируются реальные достижения в центрально-европейском сотрудничестве.

Во-вторых, поднимается весьма общий и не связанный с реальной деятельностью этих стран вопрос об институционализации данной интеграционной группы. Причем отсутствуют конкретные примеры того, какой именно процесс имеется в виду и какие возможные итоги он принесет для этих государств.

В-третьих, несмотря на достаточно большое внимание, которое уделяется как анализу развития отношений Вишеграда с другими регионами, так и отраслевому сотрудничеству центрально-европейских стран, отсутствуют конкретные итоги данной политики, за исключением разве что создания совместной военной группы В4, развертывание которой, впрочем, запланировано только на первую половину 2023 года.

Однако самая серьезная отрицательная черта в словацкой историографии связана с другой, куда более сложной проблемой. Словацкие эксперты не используют в своих работах документы своего правительства по встречам в рамках Вишеградской группы, исключение представляет исследование

---

¹ Rabayová Z. Slovenský plynárenský priemysel má záujem o uzavretie dlhodobých zmlúv s ruským Gazpromom // Trend. 1996. 16. XII. S. 3B; Tokárová L. Inkasujeme za tranzit a export // Hospodárske noviny. 1996. 30. XII. S. 1, 4; Rusko-slovenský obchodný dom sa môže zmeniť na vzdušný zámok // Trend. 1995. 22. II. S. 3A; Podľa Dzurindu je pre SR možnosť platiť za ruský plyn aj tovarom inšpirujúca // Sme. 1997. 6. II. S. 2.

И. Гопты [1]. Однако его работа носит более общий характер и не претендует по объективным причинам на анализ конкретных явлений в данном интеграционном сообществе. Т. Стражай, к сожалению, использует либо интервью вишеградских политиков, либо экспертную литературу и журналистику. В качестве основополагающего источника в его работах выступает «Вишеградский бюллетень». В одном абзаце в весьма сжатой форме в нем описаны итоги встреч и форумов в рамках В4 за несколько месяцев. Так, например, в первом номере за 2018 г. значится 50 событий, произошедших с апреля по июнь 2018 года¹.

Таким образом, обращает на себя внимание тот факт, что в словацкой историографии используется весьма скудная документальная база. Стоит отметить, что в российской историографии есть примеры введения впервые в мировой историографии в научный оборот словацких правительственных документов [2; 3]. Эти пробелы, несомненно, в дальнейшем будут заполняться как словацкими, так и российскими историками.

Несмотря на вышеперечисленные методологические сложности, очевиден тот факт, что в Словакии создается положительный образ сотрудничества четырех центрально-европейских стран, имеющий глубокие исторические корни. Для заключения договора в 1991 г. не случайно был подобран венгерский город Вишеград. В 1335 году здесь встретились венгерский, польский и чешский короли и договорились о тесном сотрудничестве в области политики и торговли. К тому же три страны Вишеграда еще в 1918 г. были частью двуединой монархии Габсбургов. Таким образом, современные отношения вишеградских государств продолжают развитие исторических контактов трех народов Австро-Венгрии и их положительные связи с Польшей. В дальнейшем они, несомненно, будут только развиваться, что станет предметом новых исследований, которые еще больше усилят интерес к данной интеграционной группе.

---

¹ Visegrad bulletin 8 (№ 1/2018). URL: <http://www.visegradgroup.eu/visegrad-bulletin-8-1> (дата обращения: 28.11.2020).

Список литературы

1. Гопта И. Роль Вишеградской группы во внешней политике Словакии на современном этапе // Отношения стран Вишеградской четверки и России в новых европейских реальностях. М. : ИЕ РАН, 2018. С. 51–62.
2. Никитин В.В. Роль миграционного кризиса в современной словацкой политике (2016–2018 гг.) // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2019. № 1–2. С. 110–124. DOI: <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2019.14.1-2.7>
3. Никитин В.В. Словакия и Вишеградская группа: европейское измерение // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2020. № 5. С. 38–44. URL: <http://vestnikieran.instituteofeurope.ru/images/Nikitin52020.pdf> (дата обращения: 28.11.2020).

4. Duleba A. Slepý pragmatizmus slovenskej východnej politiky. Aktuálna agenda slovensko-ruských bilaterálnych vzťahov. Bratislava : Výskumné centrum Slovenskej spoločnosti pre zahraničnú politiku, 1996.
5. Duleba A. Slovenská zahraničná politika. Bilancia šiestich rokov a perspektívy zmeny // Mezinárodní vztahy. Vol. 34. No. 1. 1999. S. 36–54.
6. Duleba A. Slovensko-ruská spolupráca vo vojenskej a vojensko-priemyselnej oblasti alebo Kde sa končí obchod a začína politika // Mezinárodní vztahy, 1999, č. 1, s. 38–56.
7. Duleba A. Slovensko-ruské hospodárske vzťahy – viac otázok ako odpovedí (obchodné problémy, vízie, suroviny a záujmy) // Mezinárodní vztahy. 1997. Vol. 32. No. 2. S. 31–50.
8. Duleba A. Východná politika SR v roku 2014 v znamení rusko-ukrajinskej krízy // Ročenka zahraničnej politiky Slovenskej republiky 2014. Bratislava : Výskumné centrum Slovenskej spoločnosti pre zahraničnú politiku, 2015. S. 81–99. URL: <http://www.sfpa.sk/wp-content/uploads/2014/02/R2014.pdf> (дата обращения: 28.11.2020).
9. Hirman K. Faktor ropy a plynu v ruskej domácej a zahraničnej politike. Bratislava : Výskumné centrum Slovenskej spoločnosti pre zahraničnú politiku, 1998.
10. Marušiak J. Slovensko-poľská dvojstranná spolupráca v 90. rokoch ako jeden z pilierov visegrádskej spolupráce // Slovensko-české vzťahy v kontexte strednej Európy. Bratislava : VEDA, 2005. S. 262–315.
11. Strážay T. Jewel or thorn? V4 in 2017 from Slovakia's perspective // Yearbook of Slovakia's Foreign Policy 2017. Bratislava : Research Center of the Slovak Foreign Policy Association, 2018. P. 59–68. URL: http://www.sfpa.sk/wp-content/uploads/2018/04/Rocenka_2017_web985.pdf (дата обращения: 28.11.2020).
12. Strážay T. Ukrajina ako spúšťač existenciálnej krízy V4? Ďalšiu otázku, prosím! // Ročenka zahraničnej politiky Slovenskej republiky 2014. Bratislava : Výskumné centrum Slovenskej spoločnosti pre zahraničnú politiku, 2015. S. 71–80. URL: <http://www.sfpa.sk/wp-content/uploads/2014/02/R2014.pdf> (дата обращения: 28.11.2020).
13. Strážay T. V4 2012 – viacrýchlostný Vyšehrad na plný plyn // Ročenka zahraničnej politiky Slovenskej republiky 2012. Bratislava : Výskumné centrum Slovenskej spoločnosti pre zahraničnú politiku, 2013. S. 85–94. URL: <http://www.sfpa.sk/wp-content/uploads/2014/02/R2012.pdf> (дата обращения: 2.12.2012).
14. Strážay T. Visegrad 2016: more challenges than opportunities // Yearbook of Slovakia's Foreign Policy 2016. Bratislava : Research Center of the Slovak Foreign Policy Association, 2017. P. 77–84. URL: http://www.sfpa.sk/wp-content/uploads/2017/05/Rocenka_2016_web-1.pdf (дата обращения: 28.11.2020).
15. Strážay T. Visegrad menu in a Slovak restaurant // Yearbook of Slovakia's Foreign Policy 2019. Bratislava : Research Center of the Slovak Foreign Policy Association, 2020. P. 73–80. URL: http://www.sfpa.sk/wp-content/uploads/2020/04/Rocenka_2019_web.pdf (дата обращения: 28.11.2020).
16. Strážay T. Vyšehradská skupina v roku 2013: úspechy v tieni Vilniuskeho samitu // Ročenka zahraničnej politiky Slovenskej republiky 2013. Bratislava : Výskumné centrum Slovenskej spoločnosti pre zahraničnú politiku, 2014. S. 67–74. URL: <http://www.sfpa.sk/wp-content/uploads/2014/02/R2013.pdf> (дата обращения: 14.11.2020).
17. Strážay T. When pragmatism wins: Slovakia in the Visegrad Group // Yearbook of Slovakia's Foreign Policy 2018. Bratislava : Research Center of the Slovak Foreign Policy Association, 2019. P. 67–74. URL: http://www.sfpa.sk/wp-content/uploads/2019/04/Rocenka_2018_web.pdf (дата обращения: 28.11.2020).

18. Wlachovský M. Zahraničná politika // Slovensko 1995. Súhrnná správa o stave spoločnosti. Bratislava : Nadácia Sándora Máraiho, 1996. S. 27–44.
19. Wlachovský M., Duleba A., Lukáč P. Zahraničná politika Slovenskej republiky // Slovensko 1996. Súhrnná správa o stave spoločnosti a trendoch na rok 1997. Bratislava : Inštitút pre verejné otázky, 1997. S. 71–100.
20. Žiak M. Slovensko: od komunizmu – kam? Bratislava : ARCHA, 1996.

Статья поступила в редакцию 29.11.2020;
одобрена после рецензирования 10.12.2020; принята к публикации 12.12.2020.

Об авторе

Никитин Виктор Викторович

младший научный сотрудник, Институт славяноведения РАН, Российская Федерация, г. Москва, viktor.nikitin.inslav@gmail.com

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

References

1. Gupta I. Rol' Vishegradskoi grupy vo vneshnei politike Slovakii na sovremennom etape [The role of the Visegrad Group in the foreign policy of Slovakia at the present stage]. *Otnosheniya stran Vishegradskoi chetverki i Rossii v novykh evropeiskikh real'nostyakh* = Relations between the Visegrad4 countries and Russia in the new European realities, Moscow, IE RAS Publ. House, 2018, pp. 51–62. (In Russ.).
2. Nikitin V.V. Rol' migratsionnogo krizisa v sovremennoi slovatskoi politike (2016–2018 gg.) [The role of the migration crisis in contemporary Slovak politics (2016–2018)]. *Slavyanskii mir v tret'yem tysyacheletii* = Slavic World in the Third Millennium, 2019, no. 1–2, pp. 110–124. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2019.14.1-2.7>
3. Nikitin V.V. Slovakiya i Vishegradskaya grupa: evropeiskoe izmerenie [Slovakia and V4: European Dimension]. *Nauchno-analiticheskiy vestnik IYe RAN* = Scientific and Analytical Herald of the Institute of Europe RAS (Herald of IE RAS), 2020, no. 5, pp. 38–44. Available at: <http://vestnikieran.instituteofeurope.ru/images/Nikitin52020.pdf> (accessed 28.11.2020). (In Russ.).
4. Duleba A. Slepý pragmatizmus slovenskej východnej politiky. Aktuálna agenda slovensko-ruských bilaterálnych vzťahov. Bratislava, Výskumné centrum Slovenskej spoločnosti pre zahraničnú politiku, 1996. (In Slovak.).
5. Duleba A. Slovenská zahraničná politika. Bilancia šiestich rokov a perspektívy zmeny. *Mezinárodní vztahy*, vol. 34, no. 1, 1999, S. 36–54. (In Slovak.).
6. Duleba A. Slovensko-ruská spolupráca vo vojenskej a vojensko-priemyselnej oblasti alebo Kde sa končí obchod a začína politika. *Mezinárodní vztahy*, 1999, č. 1, s. 38–56. (In Slovak.).
7. Duleba A. Slovensko-ruské hospodárske vzťahy – viac otázok ako odpovedí (obchodné problémy, vízie, suroviny a záujmy). *Mezinárodní vztahy*, 1997, vol. 32, no. 2, S. 31–50. (In Slovak.).
8. Duleba A. Východná politika SR v roku 2014 v znamení rusko-ukrajinskej krízy. *Ročenka zahraničnej politiky Slovenskej republiky 2014*, Bratislava, Výskumné centrum Slovenskej spoločnosti pre zahraničnú politiku, 2015, S. 81–99. Available at: <http://www.sfpa.sk/wp-content/uploads/2014/02/R2014.pdf> (accessed 28.11.2020). (In Slovak.).
9. Hirman K. Faktor ropy a plynu v ruskej domácej a zahraničnej politike. Bratislava, Výskumné centrum Slovenskej spoločnosti pre zahraničnú politiku, 1998. (In Slovak.).

10. Marušiak J. Slovensko-poľská dvojstranná spolupráca v 90. rokoch ako jeden z pilierov visegrádskej spolupráce. *Slovensko-české vzťahy v kontexte strednej Európy*, Bratislava, VEDA, 2005, S. 262–315. (In Slovak.).
11. Strážay T. Jewel or thorn? V4 in 2017 from Slovakia's perspective. *Yearbook of Slovakia's Foreign Policy 2017*, Bratislava, Research Center of the Slovak Foreign Policy Association, 2018, pp. 59–68. Available at: http://www.sfpa.sk/wp-content/uploads/2018/04/Rocenka_2017_web985.pdf (accessed 28.11.2020). (In Eng.).
12. Strážay T. Ukrajina ako spúšťač existenciálnej krízy V4? Ďalšiu otázku, prosím! *Ročenka zahraničnej politiky Slovenskej republiky 2014*, Bratislava, Výskumné centrum Slovenskej spoločnosti pre zahraničnú politiku, 2015, S. 71–80. Available at: <http://www.sfpa.sk/wp-content/uploads/2014/02/R2014.pdf> (accessed 28.11.2020). (In Slovak.).
13. Strážay T. V4 2012 – viacrychlostný Vyšehrad na plný plyn. *Ročenka zahraničnej politiky Slovenskej republiky 2012*, Bratislava, Výskumné centrum Slovenskej spoločnosti pre zahraničnú politiku, 2013, S. 85–94. Available at: <http://www.sfpa.sk/wp-content/uploads/2014/02/R2012.pdf> (accessed 2.12.2012). (In Slovak.).
14. Strážay T. Visegrad 2016: more challenges than opportunities. *Yearbook of Slovakia's Foreign Policy 2016*, Bratislava, Research Center of the Slovak Foreign Policy Association, 2017, pp. 77–84. Available at: http://www.sfpa.sk/wp-content/uploads/2017/05/Rocenka_2016_web-1.pdf (accessed 28.11.2020). (In Eng.).
15. Strážay T. Visegrad menu in a Slovak restaurant. *Yearbook of Slovakia's Foreign Policy 2019*, Bratislava, Research Center of the Slovak Foreign Policy Association, 2020, pp. 73–80. Available at: http://www.sfpa.sk/wp-content/uploads/2020/04/Rocenka_2019_web.pdf (accessed 28.11.2020). (In Eng.).
16. Strážay T. Vyšehradská skupina v roku 2013: úspechy v tieni Vilniuskeho samitu. *Ročenka zahraničnej politiky Slovenskej republiky 2013*, Bratislava, Výskumné centrum Slovenskej spoločnosti pre zahraničnú politiku, 2014, S. 67–74. Available at: <http://www.sfpa.sk/wp-content/uploads/2014/02/R2013.pdf> (accessed 14.11.2020). (In Slovak.).
17. Strážay T. When pragmatism wins: Slovakia in the Visegrad Group. *Yearbook of Slovakia's Foreign Policy 2018*, Bratislava, Research Center of the Slovak Foreign Policy Association, 2019, pp. 67–74. Available at: http://www.sfpa.sk/wp-content/uploads/2019/04/Rocenka_2018_web.pdf (accessed 28.11.2020). (In Eng.).
18. Wlachovský M. Zahraničná politika. *Slovensko 1995. Súhrnná správa o stave spoločnosti*, Bratislava, Nadácia Sándora Máraiho, 1996, S. 27–44. (In Slovak.).
19. Wlachovský M., Duleba A., Lukáč P. Zahraničná politika Slovenskej republiky. *Slovensko 1996. Súhrnná správa o stave spoločnosti a trendoch na rok 1997*, Bratislava, Inštitút pre verejné otázky, 1997, S. 71–100. (In Slovak.).
20. Žiak M. Slovensko: od komunizmu – kam? Bratislava, ARCHA, 1996. (In Slovak.).

The article was submitted 29.11.2020;
approved after reviewing 10.12.2020; accepted for publication 12.12.2020.

About the author

Viktor V. Nikitin

Junior Researcher, Institute of Slavic Studies RAS, Moscow, Russian Federation,
viktor.nikitin.inslav@gmail.com

The author has read and approved the final manuscript.

УЧЕБНИКИ ИСТОРИИ КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

HISTORY TEXTBOOKS AS A TOOL FOR THE FORMATION OF NATIONAL IDENTITY

УДК 93/94

DOI 10.30914/2227-6874-2020-13-85-98

Проблема создания Русского государства в учебниках истории конца 1930-х – начала 1950-х гг.

Н. В. Тихомиров

Аннотация. В статье исследуется проблема представления процесса формирования Русского государства в учебниках по истории СССР конца 1930-х – начала 1950-х годов. Целью работы является рассмотрение особенностей отражения данного процесса в учебниках по истории сталинского периода; выявить факторы, определявшие выводы и оценки историков; проследить изменения в подходах к решению ключевых проблем в рамках указанной тематики. В качестве ключевого источника использованы учебники для начальной и средней школы, а также вузовские учебники в различных редакциях. Также при подготовке статьи были привлечены архивные документы, в частности дела, содержащиеся в личных фондах архива Российской академии наук. Помимо этого использовались опубликованные официальные документы, сочинения И. В. Сталина, статьи крупных отечественных историков рассматриваемого времени. Школьные учебники по истории служат высокоинформативным источником для изучения процесса формирования советской моноконцепции отечественной истории в конце 1930-х – начале 1950-х годов. Складывание целостного комплекса теоретических представлений об образовании государства великороссов в XV–XVI вв. явилось одной из важнейших проблем в рамках создания марксистской концепции отечественной истории. Ряд ключевых положений был предопределен указаниями И. В. Сталина. Создание концепции централизации проходило в русле критики исторической концепции М. Н. Покровского, преодоления ее коренных теоретико-методологических положений. Некоторые тезисы, предложенные в первых редакциях учебников, были пересмотрены в дальнейшем под воздействием как сугубо академических, так и политико-идеологических факторов. Изучение

заявленной проблематики способствует лучшему пониманию развития научной мысли в СССР. Анализ принципов и подходов к решению конкретных историографических проблем способствует обогащению арсенала теоретико-методологических представлений современного исследователя.

Ключевые слова: школьный учебник, Русское государство, марксизм, историческая концепция

Для цитирования: *Тихомиров Н.В.* Проблема создания Русского государства в учебниках истории конца 1930-х – начала 1950-х гг.// Запад – Восток. 2020. № 13. С. 85–98. DOI: <https://doi.org/10.30914/2227-6874-2020-13-85-98>

The problem of creating the Russian state in the history textbooks of the late 1930s – early 1950s

N. V. Tikhomirov

Abstract. The article examines the problem of representing the process of the formation of the Russian state in textbooks on the history of the USSR of the late 1930s – early 1950s. The aim of the work is to consider the features of the reflection of this process in textbooks on the history of the Stalin's period; to identify the factors that determined the conclusions and assessments of historians; to trace changes in approaches to solving key problems within the framework of this topic. Primary and secondary school textbooks and university textbooks in various editions were used as a key source. Also, when preparing the article, archival documents were involved, in particular, cases contained in the personal funds of the Archive of the Russian Academy of Sciences. In addition, published official documents, the works of I.V. Stalin, articles by major Russian historians of the period under review were used. School history textbooks serve as a highly informative source for studying the process of the formation of the Soviet mono-concept of Russian history in the late 1930s – early 1950s. The formation of a holistic set of theoretical ideas about the formation of the state of the Great Russians in the 15th–16th centuries was one of the most important problems in the creation of the Marxist concept of Russian history. A number of key provisions were predetermined by the instructions of I. V. Stalin. The creation of the centralization concept took place in line with the criticism of M.N. Pokrovsky's historical concept, overcoming its fundamental theoretical and methodological provisions. Some theses proposed in the first editions of textbooks were later revised under the influence of both purely academic and political-ideological factors. The study of the stated problems contributes to a better understanding of the development of scientific thought in the USSR. An analysis of the principles and approaches to solving specific historiographic problems contributes to the enrichment of the arsenal of theoretical and methodological concepts of the modern researcher.

Keywords: school textbook, Russian state, Marxism, historical concept

---

For citation: *Tikhomirov N.V.* The problem of creating the Russian state in the history textbooks of the late 1930s – early 1950s. *West – East*. 2020, no. 13, pp. 85–98. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30914/2227-6874-2020-13-85-98>

Учебники по истории представляют собой интересное историко-культурное явление. В них отражается не только актуальное состояние научного знания в конкретный период времени, но и присущее данному периоду идейное содержание. Школьные учебники зачастую являются «первоисточниками по изучению процесса появления новых подходов к оценке прошлого, формирования новых концепций» [8, с. 4]. Историческое знание в виде структурированных представлений о прошлом неизбежно связано с идейно-нравственными установками своей эпохи, в немалой степени является их формальным воплощением. Потому учебная литература служит высокоинформативным источником, позволяющим установить логическую взаимосвязь между представленной в ней концепцией исторического процесса и господствующими социально-политическими теориями.

Применительно к советской эпохе 1930-х – начала 1950-х гг. это проявляется с особой яркостью. На указанное время приходится процесс активного выстраивания новой системы теоретических воззрений на прошлое или, по выражению А. Н. Фукса, «советской моноконцепции отечественной истории» [9, с. 104]. Историографическую ситуацию названного времени отличает резко возросшая теоретико-методологическая догматичность, связанная с утверждением монополии марксистско-ленинской теории как единственно научной базы исторического исследования. Другой характерной чертой является определяющее влияние на научную мысль И. В. Сталина, к началу 1930-х гг. приобретшего статус видного теоретика и наставника. Его выступления и сочинения с содержащимися в них указаниями обрели неоспоримый авторитет среди историков, предопределив основные контуры концепции отечественной истории.

Примечательно, что, невзирая на повышенную политизированность [1, с. 9–13] и фактический диктат положений исторического материализма, научная мысль не пребывала в стагнации. Будучи помещена в жесткие идеологические рамки, она продолжала свое прогрессивное развитие, являя при этом любопытные примеры преемственности дореволюционной эпохи. Таким образом, анализ учебников по истории, изданных в данное время, позволяет, с одной стороны, обнаружить влияние политико-идеологических факторов на содержание научного творчества, с другой стороны, проследить путь теоретических исканий отечественных историков.

Первым советским учебником по истории может считаться «История России в самом сжатом очерке» М. Н. Покровского. После Октябрьской

революции ученый обрел огромное влияние на историческую науку, став одним из ее организаторов на посту заместителя наркома просвещения РСФСР. На протяжении 1920-х годов его идеи являлись орудием борьбы за насаждение марксистского понимания исторического процесса. М. Н. Покровским была создана по сути первая марксистская концепция отечественной истории.

После смерти ученого в 1932 г. наблюдается ширящееся наступление на эту концепцию со стороны научного сообщества и, что примечательно, со стороны партийно-правительственных структур. Как указывает В. В. Тихонов, после кончины М. Н. Покровского академическое сообщество не смогло выдвинуть из своей среды безоговорочного лидера исторической мысли, потому в скором времени «пустующую нишу главного специалиста по истории занял сам Сталин» [6, с. 33]. Вышедшее 15 мая 1934 г. постановление о преподавании гражданской истории в школах СССР отмечало неудовлетворительное состояние процесса, указывало на подмену изложения гражданской истории «отвлеченными социологическими схемами»¹. Документ предписывал подготовить к июню 1935 г. комплект учебников, в числе которых назывался учебник по истории СССР. Данная задача была возложена на группу ученых под руководством профессора Н. Н. Ванага, которая к лету того же года представила готовый конспект учебника на рецензию. 8 августа появился отзыв на работу со стороны высших советских руководителей в виде «Замечаний»², подписанных И. В. Сталиным, А. А. Ждановым и С. М. Кировым. Рецензия носила разгромный характер: «Группа Ванага, – утверждали высокопоставленные цензоры, – не выполнила задания и даже не поняла самого задания»³.

Таким образом, первая попытка написать новый стабильный учебник по отечественной истории после М. Н. Покровского не увенчалась успехом. В этой связи 3 марта 1936 г. постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) был объявлен конкурс на лучший учебник для начальной школы по элементарному курсу истории СССР с краткими сведениями по всеобщей истории⁴. По решению жюри правительственной комиссии из почти пяти десятков представленных на конкурс проектов лучшим был признан конспект учебника, составленный коллективом сотрудников МГПИ им. А. С. Бубнова

¹ Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства Союза Советских Социалистических Республик за 1934 г. М., 1948. С. 368.

² Сталин И., Жданов А., Киров С. Замечания по поводу конспекта учебника по истории СССР // К изучению истории. М., 1937. С. 22–24.

³ Там же. С. 22.

⁴ Об организации конкурса на лучший учебник для начальной школы по элементарному курсу истории СССР с краткими сведениями по всеобщей истории // Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. Сборник документов. 1917–1973 гг. М., 1974. С. 172.

под руководством профессора А. В. Шестакова. Бригада историков приступила к работе 20 марта 1936 г. и завершила ее через три месяца¹.

Новое требование к преподаванию истории, озвученное свыше, «воспринималось и как новое требование к науке» [10, с. 680]. Одной из ключевых проблем, решавшихся авторами учебника, стала проблема «развития русского национального государства и начала самодержавия», как определял ее сам А. В. Шестаков². Именно он совместно с Ю. В. Готье выступил автором соответствующих тематических разделов³. Основные вопросы, стоявшие перед историками в ходе разработки концепции образования Русского государства, можно коротко сформулировать следующим образом: 1) разработка периодизации складывания и укрепления государства; 2) установление причин этого процесса; 3) определение характера сложившейся общественно-политической системы; 4) выяснение содержания межнациональных отношений в России XV–XVI вв.; 5) оценка роли личности в государственном строительстве на Руси.

Определенное влияние на постановку данных вопросов оказали упомянутые ранее «Замечания» 1934 года. В них, в частности, указывалось на необходимость: во-первых, написать историю Великороссии, которая не отрывалась бы от истории других народов СССР; во-вторых, раскрыть положение о царизме как «тюрьме народов»; в-третьих, произвести строгое стадийное разграничение между состоянием раздробленности и установлением самодержавного строя в русских землях⁴. Вопрос о роли личности в истории был «подсказан» постановлением Совнаркома и ЦК от 15 мая 1934 г., которое в качестве «решающего условия прочного усвоения учащимися курса истории» называло закрепление в их памяти исторических деятелей⁵. Значимость этого положения была подтверждена постановлением об объявлении конкурса на лучший учебник⁶.

Данные указания в известной мере проистекали из критики исторической концепции М. Н. Покровского. Полемика с его воззрениями в середине – конце 1930-х гг. велась не только в формате академических дискуссий, но также выплескивалась в содержание вузовских учебных программ⁷.

¹ АРАН. Ф. 638. Оп. 2. Д. 106. Л. 2.

² АРАН. Ф. 638. Оп. 1. Д. 43. Л. 12.

³ АРАН. Ф. 638. Оп. 2. Д. 110. Л. 3.

⁴ К изучению истории. М., 1937. С. 22.

⁵ Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства Союза Советских Социалистических Республик за 1934 г. М., 1948. С. 368.

⁶ Об организации конкурса на лучший учебник для начальной школы по элементарному курсу истории СССР с краткими сведениями по всеобщей истории // Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. Сборник документов. 1917–1973 гг. М., 1974. С. 172.

⁷ АРАН. Ф. 1577. Оп. 5. Д. 174. Л. 6–9.

На страницы школьных учебников критика М. Н. Покровского не попала, однако именно через нее происходило формирование новой концепции отечественной истории, в частности – концепции образования Русского государства. «Разгром школы Покровского имел решающее значение для выправления линии исторического фронта», – утверждал А. В. Шестаков в одном из докладов, сделанных по поводу нового учебника истории СССР¹. В сложившихся условиях обсуждение научной проблематики зачастую оказывалось вынесено «из поля сугубо научного дискурса в поле дискурса политического» [4, с. 67]. Неудивительно, что в риторике выступлений 1937 г. и последующих лет сторонники М. Н. Покровского все чаще именовались врагами, вредителями и «агентами бандита Троцкого»².

В трактовке М. Н. Покровского главнейшей движущей силой истории был торговый капитал. Данная теория служила «стержнем в построении “Русской истории в самом сжатом очерке”, как и в других работах М. Н. Покровского» [7, с. 17]. Именно его действием объяснялось, в частности, объединение русских земель и появление Русского государства. С начала 1930-х гг. наметился постепенный отказ от идей, связанных с теорией торгового капитализма, хотя в остаточном виде они еще проявлялись в суждениях учеников М. Н. Покровского, в том числе А. В. Шестакова. В одной из многочисленных публичных лекций, прочитанных в исходе 1934 г., он отмечал, что «говорить о том, что торговый капитал в колониальной политике царского правительства-метрополии не играл никакой роли, это было бы неверно»³. Рубежной точкой стало издание в 1937 г. учебника по истории СССР для начальной школы. С этого момента отсылки к трудам и идеям М. Н. Покровского происходят в основном в связи с необходимостью подчеркнуть их ошибочность и несостоятельность.

Как же новый учебник решал одну из коренных проблем отечественной истории, связанную с выстраиванием концепции единого Русского государства? Как отмечалось выше, первейшей задачей было построение новой периодизации процесса государственного строительства. Важным аспектом периодизации исторического процесса вообще являлась необходимость ее согласования с классической марксистской схемой формационных переходов. Того требовали теоретические постулаты исторического материализма, объявленные единственно верным основанием научных выводов о прошлом. Согласно М. Н. Покровскому, к исходу XV в. после покорения Москвой Новгорода было создано феодальное Московское царство, а уже в следующем, XVI столетии, началось постепенное разложение феодализма.

¹ АРАН. Ф. 638. Оп. 1. Д. 43. Л. 10.

² АРАН. Ф. 638. Оп. 1. Д. 43. Л. 11.

³ АРАН. Ф. 638. Оп. 1. Д. 139. Л. 14.

Четких границ этого процесса «Русская история в самом сжатом очерке» не давала, как не давала внятной периодизации складывания Русского государства. По содержанию текста выходило, что процесс объединения земель вокруг Москвы был тождественен процессу государственного строительства.

Эта структурная и понятийная невнятность была устранена авторами учебника для начальной школы. В книге 1937 года были особо выделены разделы «Создание русского национального государства»¹ и «Расширение русского государства»². Процесс окончания государственного строительства был отодвинут во вторую половину XVI в. и увязывался с опричниной Ивана Грозного. «Этим, – гласил текст, – он как бы заканчивал начатое Калитой собирание разрозненных удельных княжеств в одно сильное государство»³. При этом указанная схема периодизации не была подчинена одной идее стягивания русских земель к Москве. Главными обстоятельствами оформления Русской державы были названы освобождение от татаро-монгольского ига, складывание поместной системы, учреждение опричнины.

Наконец, еще одним значимым критерием предложенной двухчастной периодизации стала идея о преобразовании национального государства великороссов в многонациональное государство. Источником данной идеи стали указания И. В. Сталина, а именно положения, озвученные им в 1921 г. в ходе выступления на X съезде ВКП(б). В докладе, посвященном национальному вопросу, тогда еще нарком по делам национальностей коснулся исторической специфики формирования государств на востоке Европе (в том числе в России) и указал следующие его особенности. Во-первых, складывание государствообразующих наций ранее разложения феодальных отношений; во-вторых, мощное воздействие фактора внешней угрозы на внутренний политический процесс; в-третьих, складывание в данном регионе государств как изначально многонациональных⁴. По мере роста политического влияния И. В. Сталина его суждения и указания обретали значение руководящих догм, не стали исключением и приведенные выше тезисы. Влияние их на концепцию Русского государства бесспорно – к исходу 1930-х гг. отсылки к докладу 1921 г. стали обязательной частью научных публикаций по теме государственного строительства в XV–XVI веках.

Указанные рассуждения заметно повлияли на авторов школьного учебника 1937 г. как в части периодизации процесса создания государства, так

¹ Краткий курс истории СССР: учебник для 3-го и 4-го классов / под ред. А.В. Шестакова. М., 1937. С. 32.

² Там же. С. 37.

³ Там же. С. 41.

⁴ Сталин И.В. Сочинения. Т. 5. М., 1947. С. 34.

и в части объяснения причин данного процесса. Сталинская идея о факторе внешней угрозы нашла отражение в тексте 15-го урока. Согласно тексту, расширение княжеских владений и укрепление власти происходило «для борьбы с татарами и литовско-польскими панами»¹.

О характере сложившейся в итоге общественно-политической системы авторы учебника прямо не говорили, что объясняется нежеланием перегружать учебник для младших возрастов специальной терминологией. По словам А. В. Шестакова, авторскому коллективу пришлось отказаться от первой версии учебника, созданной в 1936 г., в силу его непригодности для детской аудитории, в частности из-за обилия «ненужных» понятий².

Большое внимание в учебнике было уделено истории народов СССР и взаимоотношению их с русским народом. В этой части изложения авторы заметно отошли от воззрений М. Н. Покровского, который склонен был изображать русских кровожадными угнетателями малых народностей³. В одном из публичных выступлений А. В. Шестаков призывал отказаться от односторонне негативистской трактовки территориальной экспансии Русского государства⁴. В итоге риторика в отношении великороссов была смягчена, однако рассказ о межэтнических отношениях в учебнике был выстроен преимущественно вокруг идеи о национальном угнетении нерусских народностей. Показательно изложение авторами казанского взятия: татарский люд, от мала до велика, выписан самоотверженными защитниками родного города, в то время как русские войска изображены грабителями. Их жестокость особо подчеркивается подвижническими характеристиками, приписанными обороняющимся татарам⁵. Таким образом, тезис о царизме как тюрьме народов, на котором настаивал И. В. Сталин в «Замечаниях» 1934 г., получил в учебнике свое необходимое воплощение.

В короткое время после выхода в свет «Краткого курса истории СССР» на имя А. В. Шестакова были направлены сотни писем со всей страны⁶. Среди них были послания от коллег-историков, содержавшие критические замечания и указания по улучшению текста. А. И. Казаченко предложил ряд сокращений и добавлений для глав, касающихся образования Русского государства. Характер предложенных изменений ясно указывал их направленность к усилению идеи русского патриотизма. Так, например, автор

¹ Краткий курс истории СССР: учебник для 3-го и 4-го классов / под ред. А.В. Шестакова. М., 1937. С. 32.

² АРАН. Ф. 638. Оп. 1. Д. 43. Л. 16.

³ Покровский М.Н. Возникновение Московского государства // Историк-марксист. Т. 18-19. М., 1930. С. 28.

⁴ АРАН. Ф. 1577. Оп. 6. Д. 162. Л. 34.

⁵ Краткий курс истории СССР / под ред. А.В. Шестакова. М., 1937. С. 38.

⁶ АРАН. Ф. 638. Оп. 1. Д. 46. Л. 4.

письма считал нужным изъять из текста сообщение о героической обороне Казани татарами¹. Предлагалось также связать присоединение к России народов Кавказа с их спасением от угрозы со стороны турок и персов².

Данные замечания были сообразны духу времени. К исходу 1930-х годов в СССР постепенно сходит на нет неистовое бичевание русского «великодержавного шовинизма» и сворачивается во многом основанная на нем политика бездумной коренизации [2, с. 526–527]. Набирает силу идеология советского патриотизма, имеющая в основе концепцию первенства русского народа в единой семье братских народов СССР³. Впрочем, существенных правок в учебник А. В. Шестакова в этой связи внесено не было, хотя из последующих редакций были убраны нарочито драматические описания борьбы казанцев с завоевателями, общий уклон в части оценок межнациональных отношений сохранил обличительный пафос.

Учебник 1937 года не единожды переиздавался в период до начала 1950-х гг., сохранив заметный консерватизм по части трактовки процесса образования Русского государства. Преемственность труду группы А. В. Шестакова обнаруживают учебники для средней и высшей школы, увидевшие свет вскоре после его появления. В 1939 году был закончен первый том учебника для вузов (до конца XVIII в.) за авторством В. И. Лебедева, Б. Д. Грекова, С. В. Бахрушина. А в 1940 году появился учебник для средней школы (8 класс) под редакцией А. М. Панкратовой. Стоит отметить идейно-теоретическую близость двух авторских коллективов: С. В. Бахрушин принимал участие в написании обоих учебников, а в группе А. М. Панкратовой работал его ученик К. В. Базилевич. Оба историка специализировались на периоде образования Русского государства.

Схема периодизации, предложенная бригадой А. В. Шестакова, была сохранена в обоих изданиях и получила свое дальнейшее развитие. В книге А. М. Панкратовой она приобрела следующий вид, отраженный в заголовках двух разделов: «Создание русского национального государства» и «Расширение русского государства и превращение его в многонациональное государство»⁴. Данное изменение, а именно вынесение в заглавие раздела понятия «многонациональное», свидетельствует о стремлении авторов приблизить периодизацию к идее И. В. Сталина о многонациональном характере государств Восточной Европы. Разделы включали по одной главе, посвященные соответственно правлению Ивана III и Василия III

¹ АРАН. Ф. 638. Оп. 1. Д. 47. Л. 75.

² Там же.

³ Правда. 1936. № 31. 1 февраля. С. 1.

⁴ История СССР. Учебник для VIII класса средней школы / под ред. А.М. Панкратовой. М., 1940. С. 236.

(глава XIII) и Ивана IV (глава XIV). Таким образом, авторы учебника для среднего возраста развили положения, высказанные в «Замечаниях» относительно характеристики исторических личностей. Субъективный фактор, начисто отвергавшийся М. Н. Покровским, стал обретать все большее влияние в учебной литературе к началу 1940-х годов. Та же тенденция видна в учебнике для вузов (1939). В нем периодизация также построена на основании двойного критерия, учитывающего как переход к многонациональности, так и нахождение у власти конкретных правителей: «Образование Русского государства при Иване III», «Усиление Русского государства при Василии III (1505–1533 гг.)» и «Начало превращения Русского государства в многонациональное централизованное государство в XVI в.»¹. Надо добавить, что обе названные книги четко соотносили рассматриваемые события с формационной шкалой марксистского учения. Авторы были единодушны в определении характера Русского государства XV–XVI столетий как феодального. То же положение находим в учебнике В. И. Пичета, М. Н. Тихомирова и А. В. Шестакова для неисторических факультетов (1941)².

Примечательно, что учебник А. М. Панкратовой, в отличие от учебника А. В. Шестакова, оказался более восприимчив к структурным и содержательным изменениям. В этой связи необходимо отметить большую научную дискуссию конца 1949 – начала 1951 гг., посвященную периодизации истории СССР. В ней были подняты «важные вопросы о методах и принципах периодизации истории СССР и, в частности, процесса политической централизации на Руси» [3, с. 70]. Одним из ее итогов стало утверждение в научном сообществе тезиса об отсутствии принципиальной разницы между национальным и многонациональным государством в России. А. М. Панкратова в докладе, посвященном итогам дискуссии, отметила признанную «всеми» ошибочность подобного разделения³. Как результат, новая редакция учебника для 8 класса вышла с обновленной периодизацией складывания Русского государства. Теперь она имела следующую структуру: «Образование централизованного многонационального государства» и «Расширение Русского государства при Иване IV»⁴.

В освещении межнациональных отношений учебник А. М. Панкратовой также показал большую подверженность изменениям, нежели книга для 3–4 классов. Это хорошо видно на примере все той же казанской войны Ивана IV. Если в первых редакциях авторы живописали зверства московских

¹ История СССР. Т. I. С древнейших времен до конца XVIII в. М., 1939. С. 786.

² История СССР. Т. 1 / под ред.: В.И. Пичета, М.Н. Тихомирова, А.В. Шестакова. М., 1941. С. 110.

³ АРАН. Ф. 697. Оп. 1. Д. 85. Л. 16.

⁴ История СССР. Учебник для 8 класса средней школы. Ч. 1 / под ред. А.М. Панкратовой. Изд. 12-е. М., 1953. С. 239.

завоевателей¹, то в дальнейшем ограничивались простой констатацией взятия города². Избыточная жестокость, приписывавшаяся ранее русским завоевателям, очевидно, вредила насаждению идей об исторических корнях дружбы народов СССР. При этом тезисы о феодальном порабощении народов отнюдь не затушевывались и продолжали переходить из одного издания в другое. Это свидетельствует о том, в историографии Русского государства и ее преломлении в учебной литературе произошло принципиальное смысловое отграничение великорусского народа от великорусского феодального государства. Подобное различие сущностей было определено чуждо концепции М. Н. Покровского и еще слабо отражалось в труде бригады А. В. Шестакова. В свою очередь авторы учебников, написанных тремя годами позже, отразили соответствующие положения в достаточной мере.

Особое место в литературе для средней и высшей школы занимает вопрос о личности в истории. Помимо увязки периодизации образования Русского государства с именами его правителей, в учебниках содержатся оценки их деятельности, причем в основном комплементарного содержания. Наибольшее внимания авторов удостоился Иван IV. Учебник А. М. Панкратовой характеризует его как умного и талантливого человека³. Авторы даже посвятили особый раздел внутри параграфа характеристике личности первого русского царя. В учебнике М. Н. Тихомирова и С. С. Дмитриева для неисторических факультетов Иван Грозный был назван дальновидным государственным деятелем⁴. Такое внимание неслучайно: к началу 1940-х гг. в отечественной науке и массовой культуре сложился подлинный культ Ивана IV. За следующее десятилетие свет увидели статьи и монографии Р. Ю. Виппера, С. В. Бахрушина и ряда других историков, наполненные хвалебными оценками деятельности этого правителя. На экраны вышел художественный фильм С. М. Эйзенштейна «Иван Грозный», особое внимание к которому проявил сам И. В. Сталин, в личной беседе наставлявший режиссера на правильный подход к изображению русского правителя⁵.

Стоит заметить, что учебная литература конца 1930-х – начала 1950-х гг. отличается существенно большей сдержанностью в оценках и суждениях

---

¹ История СССР. Учебник для VIII класса средней школы. Ч. 1 / под ред. А.М. Панкратовой. Изд. 3-е. М., 1943. С. 131.

² История СССР. Учебник для 8 класса средней школы. Ч. 1 / под ред. А.М. Панкратовой. Изд. 12-е. М., 1953. С. 141.

³ История СССР. Учебник для VIII класса средней школы / под ред. А.М. Панкратовой. Изд. 3-е. М., 1943. Ч. 1. С. 139.

⁴ Тихомиров М.Н. Дмитриев С.С. История СССР. Т. I: С древнейших времен до 1861 г. М., 1948. С. 132.

⁵ Беседа Сталина, Жданова и Молотова с С. М. Эйзенштейном и Н. К. Черкасовым // Вожь и культура. Переписка И. Сталина с деятелями литературы и искусства. 1924–1952. 1953–1956. С. 227.

касаемо исторических личностей, нежели периодическая печать и монографии того же периода. В контексте темы образования Русского государства воспитательные и пропагандистские начала проявлялись в большей мере через изобличение феодально-крепостнических порядков и колониальной эксплуатации.

В целом опыт авторов учебников 1930-х – начала 1950-х годов в деле создания концепции русского централизованного государства надо признать успешным. Новое (в сравнении с концепцией М. Н. Покровского) марксистское понимание данного процесса отличали структурная целостность, понятийная четкость и ясная внутренняя логика. На смену расплывчатым социологическим конструкциям пришла четкая периодизация, основанная на строгой теоретической схеме формационного учения марксизма-ленинизма.

Примечательно, что, несмотря на утвердившийся в исторической науке догматизм, авторы учебной литературы не стали пассивными эпигонами идейно-политических клише, но сумели творчески подойти к адаптации постулатов марксизма-ленинизма и указаний И. В. Сталина к нуждам исторической науки и образования. Живая мысль не затухала в академическом сообществе. Свидетельством тому являются изменения, вносившиеся в учебники по истории на протяжении 1940-х и начала 1950-х годов. Обращает на себя внимание отчетливая преемственность учебников названного периода идеям дореволюционной историографии. Связь с прошлым «была существенно большей, нежели о том заявляли сами историки-марксисты» [5, с. 83], привычно декларировавшие неукоснительное следование «единственно верным» принципам исторического монизма. Особенно это заметно в приверженности историков-марксистов выстраивать периодизацию Русского государства в тесной привязке к именам выдающихся московских правителей.

Подчеркнем еще раз, что учебник представляет собой интересный и высокоинформативный источник, позволяющий точнее и глубже понять содержание процессов, характеризующих развитие научного знания в конкретный период времени. В данной статье был рассмотрен и проанализирован лишь небольшой срез учебной литературы сталинской эпохи, касающийся отражения в ней процесса образования Русского государства в XV–XVI веках. Бесспорно, исследование в аналогичном ключе других сюжетов отечественной и мировой истории способно существенно обогатить историческую науку, расширить современные представления об особенностях становления отечественной историографии.

Список литературы

1. Дубровский А.М. Власть и историческая мысль в СССР (1930–1950-е гг.). М. : РОССПЭН, 2017. 622 с.

2. Мартин Т. Империя «Положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М. : РОССПЭН, 2011. 855 с.
3. Тихомиров Н.В. Дискуссии о периодизации процесса централизации русского государства в отечественной историографии конца 1930-х – начала 1950-х гг. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: история и политические науки. 2020. № 3. С. 67–74. DOI: <https://doi.org/10.18384/2310-676X-2020-3-67-74>
4. Тихомиров Н.В. Идеино-политический аспект полемики вокруг исторической концепции М.Н. Покровского в 1930-е гг. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: история и политические науки. 2020. № 1. С. 64–72. DOI: <https://doi.org/10.18384/2310-676X-2020-1-64-72>
5. Тихомиров Н.В. Проблема возникновения централизованного русского государства в работах отечественных историков конца 1930-х – начала 1950-х гг. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 1. С. 78–87. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-1-78-87>
6. Тихонов В.В. Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука (середина 1940-х – 1953 г.). М. ; СПб. : Нестор-История, 2016. 424 с.
7. Фукс А.Н. «Русская история в самом сжатом очерке» М. Н. Покровского как историографический источник // Вестник МГОУ. Серия «История и политические науки». 2010. № 3. С. 13–21.
8. Фукс А.Н. Формирование советской моноконцепции отечественной истории и ее отражение в школьном учебнике А.В. Шестакова // Вестник МГОУ. Серия «История и политические науки». 2009. № 2. С. 104–113.
9. Фукс А.Н. Школьные учебники по отечественной истории как историографический феномен (конец XVIII в. – вторая половина 1930-х гг.). М. : МГОУ, 2017. 420 с.
10. Юрганов А.Л. Русское национальное государство. Жизненный мир историков эпохи сталинизма. М. : РГГУ, 2011. 765 с.

Статья поступила в редакцию 06.09.2020;
одобрена после рецензирования 04.10.2020; принята к публикации 14.10.2020.

Об авторе

Тихомиров Никита Вадимович

ст. преподаватель кафедры философии и социально-гуманитарных наук, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии – МВА им. К.И. Скрябина (МГАВМиБ-МВА им. К.И. Скрябина), Российская Федерация, г. Москва, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2808-3763>, tihomirov_n@rambler.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

References

1. Dubrovsky A.M. Vlast' i istoricheskaya mysl' v SSSR (1930–1950-e gg) [Power and Historical Thought in the USSR (1930s – 1950s)]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2017, 622 p. (In Russ.).
2. Martin T. Imperiya «Polozhitel'noi deyatel'nosti». Natsii i natsionalizm v SSSR, 1923–1939 [The Empire of Positive Action. Nations and Nationalism in the USSR, 1923–1939]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2011, 855 p. (In Russ.).
3. Tikhomirov N.V. Diskussii o periodizatsii protsessa tsentralizatsii russkogo gosudarstva v otechestvennoi istoriografii kontsa 1930-kh – nachala 1950-kh gg [Discussions about the periodization of the process of centralization of the Russian state in Russian historiography]

of the late 1930s – early 1950s.]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: istoriya i politicheskie nauki* = Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: History and Political Science, 2020, no. 3, pp. 67–74. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.18384/2310-676X-2020-3-67-74>

4. Tikhomirov N.V. Ideino-politicheskii aspekt polemiki vokrug istoricheskoi kontseptsii M.N. Pokrovskogo v 1930-e gg. [The ideological and political aspect of the polemic around the historical concept of M.N. Pokrovsky in the 1930s.]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: istoriya i politicheskie nauki* = Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: History and Political Science, 2020, no. 1, pp. 64–72. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.18384/2310-676X-2020-1-64-72>

5. Tikhomirov N.V. Problema vznikeniya tsentralizovannogo russkogo gosudarstva v rabotakh otechestvennykh istorikov kontsa 1930-kh – nachala 1950-kh gg. [The problem of the emergence of a centralized Russian state in the works of Russian historians of the late 1930s – early 1950s.]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* = Bulletin of the Kemerovo State University, 2020, vol. 22, no. 1, pp. 78–87. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-1-78-87>

6. Tikhonov V.V. Ideologicheskie kampanii “pozdnego stalinizma” i sovetskaya istoricheskaya nauka (seredina 1940-kh – 1953 g.) [Ideological campaigns of “late Stalinism” and Soviet historical science (mid-1940s – 1953)]. Moscow; Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2016, 424 p. (In Russ.).

7. Fuks A.N. “Russkaya istoriya v samom szhatom ocherke” M.N. Pokrovskogo kak istoriograficheskii istochnik [“Russian history in the most concise sketch” by M.N. Pokrovsky as a historiographic source]. *Vestnik MGOU. Seriya “Istoriya i politicheskie nauki”* = Bulletin of MGOU. Series “History and Political Science”, 2010, no. 3, pp. 13–21. (In Russ.).

8. Fuks A.N. Formirovanie sovetskoi monokontseptsii otechestvennoi istorii i ee otrazhenie v shkol'nom uchebnike A.V. Shestakova [Formation of the Soviet mono-concept of Russian history and its reflection in the school textbook of A.V. Shestakov]. *Vestnik MGOU. Seriya “Istoriya i politicheskie nauki”* = Bulletin of MGOU. Series “History and Political Science”, 2009, no. 2, pp. 104–113. (In Russ.).

9. Fuks A.N. Shkol'nye uchebniki po otechestvennoi istorii kak istoriograficheskii fenomen (konets XVIII v. – vtoraia polovina 1930-kh gg.) [School textbooks on Russian history as a historiographic phenomenon (late 18th century – second half of the 1930s)]. Moscow, MGOU Publ., 2017, 420 p. (In Russ.).

10. Yurganov A.L. Russkoe natsional'noe gosudarstvo. Zhiznennyi mir istorikov epokhi stalinizma [Russian national state. The life world of historians of the era of Stalinism]. Moscow, RGGU Publ., 2011, 765 p. (In Russ.).

The article was submitted 06.09.2020;
approved after reviewing 04.10.2020; accepted for publication 14.10.2020.

About the author

Nikita V. Tikhomirov

Senior Lecturer of the Department of Philosophy and Social Sciences and Humanities, Moscow State Academy of Veterinary Medicine and Biotechnology – MVA named after K.I. Skryabin (Moscow SAVMB), Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2808-3763>, tikhomirov_n@rambler.ru

The author has read and approved the final manuscript.

УДК 371.671.11(47+57)»19»:94

DOI 10.30914/2227-6874-2020-13-99-114

**Школьный учебник и историческая память:
анализ отечественной учебной литературы
по истории в XX веке**

Т. Н. Иванова

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы изучения исторической памяти, которая подвержена быстрым изменениям во времена социальных потрясений. Структуру исторической памяти составляют исторические образы, мифы, символы, культурные стереотипы, которые способствуют самоидентификации индивида и общества. Память и историческая наука активно взаимодействуют между собой. Коммеморативные практики являются механизмом формирования исторической памяти. Государство использует коммеморативные практики в политических целях. Весьма действенное воздействие на формирование исторической памяти оказывает школьный учебник по истории. На содержание учебника особое влияние имеет государственная образовательная политика, уровень исторической и педагогической наук, социально-политическая конъюнктура, научные и идеологические взгляды автора и другие факторы. В качестве критериев сравнения учебных изданий выделяются следующие параметры: инициатор/заказчик учебника; степень контроля/цензуры содержания; научные концепции, лежащие в основе учебного материала; синхронизация фактов всемирной и отечественной истории; соотношение политической, социально-экономической и культурно-антропологической истории; методологические приемы и педагогические концепции, лежащие в основе учебника. В статье выделяются следующие периоды развития отечественной учебной литературы по истории в XX веке: 1900–1917 гг.; 1918–1931 гг.; 1931–1958 гг.; 1959–1989 гг.; 1990–2000 годы. Каждому периоду дается характеристика и рассматривается влияние учебной литературы на историческую память того или иного времени.

Ключевые слова: историческая память, коммеморация, отечественная учебная литература по истории в XX веке

Для цитирования: *Иванова Т.Н.* Школьный учебник и историческая память: анализ отечественной учебной литературы по истории в XX веке // Запад – Восток. 2020. № 13. С. 99–114. DOI: <https://doi.org/10.30914/2227-6874-2020-13-99-114>

School textbook and historical memory: analysis of Russian educational literature on history in the XX century

T. N. Ivanova

Abstract. The article deals with the problems of studying historical memory, which is subject to rapid changes in times of social upheaval. The structure of historical memory consists of historical images, myths, symbols, and cultural stereotypes that contribute to the self-identification of individuals and society. Memory and historical science actively interact with each other. Commemorative practices are a mechanism for forming historical memory. The state uses commemorative practices for political purposes. A school history textbook has a very effective influence on the formation of historical memory. The content of the textbook is primarily influenced by the state educational policy, the level of historical and pedagogical sciences, the socio-political situation, the author's scientific and ideological views, and other factors. The following parameters are selected as criteria for comparing educational publications: the initiator/customer of the textbook; the degree of control/censorship of content; scientific concepts underlying the educational material; synchronization of the facts of world and national history; correlation of political, socio-economic and cultural-anthropological history; methodological techniques and pedagogical concepts underlying the textbook. The article highlights the following periods of development of Russian educational literature on history in the XX century: 1900–1917; 1918–1931; 1931–1958; 1959–1989; 1990–2000. Each period is characterized and the influence of educational literature on historical memory of a particular period is considered.

Keywords: historical memory, commemoration, Russian educational literature on history in the XX century

For citation: *Ivanova T.N.* School textbook and historical memory: analysis of Russian educational literature on history in the XX century. *West – East*. 2020, no. 13, pp. 99–114. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30914/2227-6874-2020-13-99-114>

Проблемы изучения исторической памяти находятся в фокусе внимания социально-гуманитарных наук несколько десятилетий и связаны, по мнению Л. П. Репиной, «с соотношением истории и памяти, памяти и идентичности, с изучением форм сохранения и трансляции социально значимой информации и способов обращения с прошлым, типов исторического сознания, феномена “мест памяти”, ритуалов коммеморации, “политики памяти”, “исторической памяти”» [10, с. 5]. Основы теории изучения исторической памяти заложены в трудах М. Хальбвакса, П. Нора, Я. Ассмана, П. Хаттона и других [12; 13; 18]. Анализируя «мемориальный поворот» в современной российской исторической науке, О. Б. Леонтьева отмечает, что в числе

причин его породивших, – «неоднократные “ревизии прошлого”, которые предпринимались на протяжении исторического пути нашей страны от 1917 г. до 2000-х гг., а также усилия современных политиков и политтехнологов по формированию новой непротиворечивой версии “общего прошлого”» [6, с. 60].

Историческая память как комплекс общепринятых представлений о прошлом, господствующих в обществе, подвержена изменениям, особенно быстрым в эпоху социальных потрясений. М. Хальбвакс считал память социально обусловленным элементом общественного сознания и коллективной идентичности [12, с. 8]. Изменчивость исторической памяти сопоставима с изменчивостью памяти индивидуальной. Исследования психологов доказали, что память меняется таким образом, что с течением времени индивид вспоминает не само событие, а то, что он вспоминал о нем последний раз. В черед «перевоспоминаний», схожей с перезаписью файлов, могут происходить определенные искажения как намеренные, так и случайные. Индивид начинает ощущать свою сопричастность к чему-то эпизодическому в его реальном прошлом, испытывая как бы акт коммеморации, или, напротив, у него происходит забвение (как бы рекоммеморация) определенных событий.

Как указывает Л. П. Репина, историческая память, – «одно из применений индивидуальной и коллективной/социальной памяти». Это «символическая репрезентация исторического прошлого». «Зафиксированные образы событий» выступают «как интерпретации модели, позволяющие индивиду и социальной группе ориентироваться в мире и в конкретных ситуациях» [11, с. 414].

Память о любом историческом событии может сохраниться только при условии фиксации в виде устного или письменного индивидуального воспоминания, а также его отражении в различных исторических источниках. Проблемы интерпретации источников заключаются в возможном субъективизме исследователя/интерпретатора. С определенной точки зрения, историческая наука есть совокупность общепринятых интерпретаций событий прошлого, отраженных в источнике, это некое «упорядоченное историческое знание». П. Нора утверждал, что «история убивает память» или «память убивает историю». Л. П. Репина в связи с этим уточняет, что «история и память сколь неслиянны, столь и нераздельны», «они существуют в режиме сообщающихся сосудов» [19, с. 7].

Источниками и одновременно формами бытования исторической памяти являются не только научные исследования, но и художественная литература, фильмы, изобразительное искусство, устные предания и так далее. «Повседневное знание» у широких слоев общества функционирует в виде образов, исторических мифов и стереотипов. При этом научные исторические

труды редко становятся широко известными и в силу этого не могут существенно влиять на сложившиеся стереотипы.

Существуют механизмы формирования исторической памяти в виде коммеморативных практик (нарративных, визуальных, монументальных, церемониальных) [4, с. 281]. П. Хаттон называет коммеморацию формой мнемоники, «сознательно созданную лидерами государства, нации для того, чтобы пробудить желанное воспоминание». Таким образом, по его мнению, идет «процесс манипуляции коммеморативными практиками с целью служения политическим целям» [13, с. 13].

Заметим, что коммеморативные практики могут создаваться и определенными группами (например, празднование годовщины смерти В. О. Ключевского его учениками) и даже отдельными личностями (например, огромное влияние на историческую память российского общества романа Л. Н. Толстого «Война и мир»). Однако наибольшей силой воздействия на массы обладает государство, имеющее сегодня монопольное право на определение национальных стандартов школьного образования и влияющее на содержание школьного учебника по истории.

Учебник по истории, и, в более широком смысле, учебная литература (хрестоматии, книги для чтения, пособия и т. п.) является самым массовым видом исторической литературы, воздействие которой на национальное самосознание, на историческую память общества невозможно переоценить. В данной статье для краткости все виды учебной литературы мы будем называть учебником. Вспомним знаменитое выражение исследователя национальных программ школьного преподавания истории М. Ферро: «... образ других народов или собственный образ <...> зависит от того, как в детстве нас учили истории <...> То, что удовлетворяло нашу первую любознательность, пробуждало наши первые эмоции, остается неизгладимым» [16, с. 8]. В своих исследованиях М. Ферро показал, что одни и те же факты могут по-разному интерпретироваться в учебниках разных стран. Авторы учебника создают некоторую конструкцию «при помощи специально отбираемых «событий» прошлого или посредством риторических объясняющих приемов» [10, с. 201]. Описывая место школьного учебника в системе «общество – учебник – общество», Н. Г. Фёдорова пишет: «Являясь «порождением» общества, он сам, в свою очередь, оказывает своеобразное влияние на его состояние, на формирование исторического сознания вступающего в жизнь поколения» [14, с. 190].

Историческая память базируется на совокупности фактов, понятий, образов, символов и так далее. Определяющий, начальный этап формирования этой совокупности будущий гражданин получает при изучении школьного учебника. В учебнике важно все: перечень тех или иных фактов, имена и биографии «героев» и «антигероев», подбор иллюстраций

и карт, полиграфическое оформление издания и так далее. Немалую роль играют школьные учебники и в формировании образа той или иной страны. Так, Н. И. Ларионова и Г. В. Рокина отмечают: «Стремление исключить Россию из Европы отразилось в новой интерпретации Второй мировой войны, которую можно проследить по учебникам истории и в коммеморативных практиках европейских стран» [5, с. 333]. Любопытное определение предлагает А. Н. Фукс: «Школьный учебник – особый историографический феномен, главная отличительная черта которого – в представлении отобранных, востребованных обществом, участниками образовательного процесса и государством научных концепций» [17, с. 67].

На содержание учебника оказывает воздействие, в первую очередь, государственная образовательная политика и социально-политическая конъюнктура; уровень развития самой исторической науки; «новые данные, теории, концепции, факты педагогики, психологии и частных методик» [14, с. 190]; научные политические и идеологические позиции автора/авторского коллектива и сама личность объекта обучения – школьника.

Попробуем дать краткий обзор развития учебной исторической литературы в нашей стране на протяжении XX века. В качестве критериев развернутого сравнения учебных изданий можно предложить следующие параметры:

- инициатор/заказчик учебника (государство, общественно-просветительские и политические объединения или частное лицо);
- степень контроля/цензуры содержания со стороны государства или иных контролирующих органов;
- научные концепции, лежащие в основе учебника;
- соотношение всемирной и отечественной истории, синхронизация или намеренная асинхронность в преподавании истории России и зарубежных стран;
- пропорциональность в изложении фактов политической, социально-экономической и культурно-антропологической истории;
- конкретный отбор фактов/событий и их оценка;
- персональный перечень «героев» и «антигероев» и их оценка;
- методологические приемы и педагогические концепции, лежащие в основе учебника;
- анализ воспоминаний учителей и учеников (в виде образов, эмоциональных переживаний, оценочных суждений об учебниках).

Провести такой детальный анализ всех отечественных учебников XX века в отдельной статье не представляется возможным, поэтому мы выделим пять периодов XX века, в рамках которых определим характерные черты комплекса учебников того или иного времени.

Первый период (1900–1917 гг.) характеризуется тем, что именно тогда появились плодотворные результаты тех дискуссий об учебной литературе по истории, которые шли в России в XIX веке [14; 15]. В это время появляется огромное количество учебников, хрестоматий, учебных пособий и тому подобного. Так, в 1901 году было 24 подобных издания, а в 1915 – уже 48 изданий. Все эти пособия были отмечены разными грифами: «допущено», «одобрено», «рекомендовано».

Особенностью учебников этого времени является их разнообразие. А. Н. Поздняков отмечает, что историческое образование в рассматриваемый период располагало «достаточно развитой учебно-методической базой, основу которой составлял широкий перечень учебников и учебных пособий». В то же время «это были издания, разные по характеру исторической концепции, степени научного содержания, разработанности методического аппарата» [9, с. 26]. Среди авторов учебников этого периода – книги консерватора Д. И. Иловайского (его учебники выдержали 44 переиздания), учебные пособия известных ученых, профессоров Н. И. Кареева¹, П. Г. Виноградова², Р. Ю. Виппера³, а также учебники простых практикующих учителей.

Контроль за качеством учебной литературы осуществлял Ученый комитет Министерства народного просвещения, членами которого являлись преподаватели университетов, педагоги, практикующие учителя [15, с. 281].

Среди так называемых «профессорских учебников» были книги, отражавшие новейший уровень исторической науки. В этих учебниках уменьшается фактологическое изложение политической истории, больше внимания уделяется культурно-антропологическому аспекту⁴. Прогрессивными являлись взгляды автора нескольких учебников Н. И. Кареева, который писал: «Именно теперь, когда теория исторического процесса пришла к пониманию истории как сложного процесса, состоящего из совокупности многих частных, но длящихся процессов, в которых участвуют постоянно действующие силы», учебник должен стать не «делом памяти» (т. е. простой зубрежки), а «предметом понимания»⁵.

Однако, несмотря на то, что по идеологическим взглядам среди авторов учебников были представители разных направлений, принципиальных расхождений по вопросам российской истории у авторов не было.

¹ Кареев Н.И. Заметки о преподавании истории в средней школе. СПб. : Тип. И.Н. Скороходова, 1900. 78 с.

² Виноградов П.Г. Учебник всеобщей истории: в 3 ч. Ч. 1. М., 186 с., 1904; Ч. 2. М., 1903. 197 с.; Ч. 3. М. : Новое время, 1903. 245 с.

³ Виппер Р.Ю. Учебник истории средних веков. Изд. 4-е. М. : тип А.А. Карцев, 1908. 176 с.

⁴ Там же.

⁵ Кареев Н.И. Заметки о преподавании истории в средней школе. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1900. С. 8–9.

Так, например, в изложении Отечественной войны 1812 года главным героем являлся царь Александр I, который «внял народному голосу и выбрал главнокомандующего из русских генералов, именно престарелого князя Кутузова»¹. Народное ополчение и партизанское движение рассматривались как опора царя.

Важно отметить высокий уровень дискуссий по вопросам преподавания истории в учебных заведениях. Так, Н. И. Кареев настаивал на синхронизации преподавания отечественной и всеобщей истории. При этом учебники всеобщей истории, по мысли ученого, должны были давать, прежде всего, общее представление о всемирно-историческом процессе, а курс русской истории должен излагаться подробнее, но с привлечением сведений из истории других народов².

Как повлияли учебники этого периода на историческую память российского общества? Попытки изучить этот вопрос по анализу воспоминаний бывших учеников предпринимала Н. Г. Фёдорова [14], однако собранный ею материал касается больше XIX века. Между временем изучения школьником учебника и его сознательной деятельностью как полноправного гражданина проходит по меньшей мере десятилетие. Объекты школьных экспериментов начала XX века в 1917 году превратились в субъектов бурных исторических событий.

После 1917 года начинается *второй период* в создании учебной литературы по истории. Старые, «буржуазные» учебники были признаны не пригодными для трудовой школы. Анализируя тенденции изменения сущности исторического образования, мы видим постепенный, но последовательный отход от конкретной истории к абстрактно-социологическому обществоведению. С одной стороны, побеждает принцип синхронизации событий всемирной и отечественной истории, которым зачастую пренебрегали дореволюционные педагоги-методисты. Но история превращается в социологические модели формаций, базировавшиеся на марксизме-ленинизме. В одном из первых подобных школьных учебников Н. А. Рожкова (1918 г.) всемирно-исторический процесс был представлен в виде жестко доминированной смены общественно-экономических формаций (которых автор насчитывал девять). Минимальное количество подобранных фактов лишь иллюстрировало эти обобщения.

В комплексных программах ГУСа на 1923/24 учебный год материал делился на три основных раздела: «Природа», «Труд», «Общество». Новый

---

¹ Иловайский Д.И. Сокращенное руководство всеобщей и русской истории. Изд. 2. М. : тип. И. Грачева и Ко, 1868. С. 234.

² Кареев Н.И. Заметки о преподавании истории в средней школе. СПб. : Тип. И.Н. Скороходова, 1900. С. 30.

учебник Н. А. Рожкова под названием «Учебник истории Труда» и учебник М. Коваленского «Вчера и Завтра. Как и откуда взялась новая красная Россия» в наибольшей степени отвечали абстрактным трактовкам формаций. Таким образом, это были учебники-схемы, иллюстрирующие марксистско-ленинскую концепцию [2, с. 201].

В это время в российском обществе происходит первый в XX веке разрыв исторической памяти поколений. Прежние герои, мифы и символы были ниспровергнуты. Необходимо было создавать новую мифологию. И. Н. Ионов отмечает: «Большевики рассматривали исторический материализм не только как научную, но и как морально оправданную теорию, связанную с революционным движением, а значит с самоотречением и аскезой, а себя, как выразителей интересов бедных и страдающих, заслужившими право быть выразителями Правды – и в смысле истины, и в смысле справедливости» [10, с. 77]. История как бы началась с чистого листа, все, что не касалось революций и народных движений, подавалось в негативном свете. «Поэтому в центре исторической памяти и самоидентификации формационного типа – память о революционерах, о своем трудовом социальном происхождении и классовой идентичности» [там же].

В то же время нельзя не отметить относительный плюрализм, еще существовавший в советской историографии в первой половине 1920-х гг. Старая профессура мучительно пыталась приспособиться к новым условиям. Показателен в этом отношении пример Н. И. Кареева, который печатает целый ряд книг в издательстве «Наука и школа»: «Общие основы социологии» (1919), «История Западной Европы в начале XX века» (1920), «Западная Европа в Новое время: Революция и наполеоновская эпоха» (1922), «Очерки социально-экономической истории Западной Европы в новейшее время» (1923) и так далее. В этих изданиях, вполне пригодных стать учебными книгами, сохранился высокий уровень научности, методической структурированности. Однако нельзя не отметить попытки профессора приспособиться к новым требованиям терминологии и положениям марксистской теории.

Разрыв поколенческой памяти, игнорирование достижений дореволюционной историографии привели к формированию новой социальной памяти, в которой «наша» история началась с 1917 года. *Третий*, выделенный нами, период развития отечественной учебной литературы по истории начинается в 1931 году. В 1931–1934 годах принимаются несколько Постановлений ЦК ВКП(б) о проблемах школьного образования, которые положили конец плюрализму в выборе программ и учебников, а также синхронности в преподавании истории. Устанавливается монополия государства на отбор учебников и строгое цензурирование их содержания. Известно, что многие новые учебники по истории рецензировал сам И. В. Сталин.

В 1936 году были подведены итоги конкурса на лучший учебник по истории СССР, победителем которого стало издание «Краткого курса истории СССР» под редакцией А. В. Шестакова. Этот учебник издавался многомиллионными тиражами 25 раз [10, с.85]. В старших классах преподавание велось по учебнику истории СССР под редакцией А. М. Панкратовой.

Идеи этих учебников соответствовали «Краткому курсу истории ВКП(б)». Идеологически выдержанные, с тщательно подобранными фактами, эти учебники создавали убеждение в неизбежности победы социализма над странами гнивающего капитализма. Советский народ под мудрым руководством И. В. Сталина был авангардом всех прогрессивных сил человечества, его подвиги не имели равных в истории. Характерно, что именно в 1930-е гг. закрепляется асинхронное раздельное преподавание всеобщей и отечественной истории. При этом преподавание определенных периодов отечественной истории предшествовало изучению этих периодов в зарубежной истории, что создавало у школьников ассоциативное ощущение приоритета нашей страны во всем. По косвенному указанию И. В. Сталина (в рецензии на учебник Р. Ю. Виппера по Новой истории) произошло изменение общей периодизации истории. Эпоха нового времени в советской науке теперь начиналась с конца XVIII века.

Этот принцип был также перенесен и на школьное преподавание. К средневековой была отнесена вся эпоха Просвещения, Английская революция и так далее. Строго отобранный канонизированный ряд героев и событий создавал новую мифологию мессианской роли пролетариата и революционных лидеров, ведущих человечество к победе коммунизма. Цитаты из произведений К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина и И. В. Сталина приобрели то же значение, как для средневекового человека цитаты из Библии. И. Н. Ионов замечает: «Сталинский вариант национальной идентичности в основном воспроизводил царистские иллюзии русского крестьянства. Сталин одновременно воплощал в себе образы Петра I и Ивана Грозного» [10, с. 86]. В новых учебниках были реабилитирован ряд прежних героев России, принесших ей славу (Александр Невский, А. В. Суворов, М. И. Кутузов, А. С. Пушкин и др.). В то же время в учебниках сталинской эпохи наглядно применялась тактика умолчания об определенных событиях, процессах, личностях. Это забвение, «культурная амнезия» целых пластов истории не могло не сказаться на исторической памяти нового поколения людей, рожденных уже после Октябрьской революции.

После осуждения культа В. И. Сталина начинается новый, *четвертый период* в истории учебной литературы, который хронологически можно обозначить датами 1959–1989 годы. В 1959 году состоялась широкая дискуссия по проблемам исторического школьного образования. Формационный марксистский подход к историческому процессу оставался концептуальной

базой новых учебников. Однако произошло изменение периодизации истории. Так, датой начала Нового времени теперь считалась Английская революция. Кроме того, произошел переход от линейного преподавания истории к концентрическому. Во втором концентре в IX–XI классах давался систематический курс истории СССР параллельно с историей зарубежных стран¹. В новых учебниках произошла определенная коррекция перечня событий, дат, персоналий. Осуждался культ личности Сталина, массовые репрессии. Приводились факты об ошибках руководства СССР в начале Великой Отечественной войны. В перечень героев революционного движения были добавлены имена репрессированных в 1930-е гг. участников Октябрьской революции. Однако сохранялась высокая оценка революции и всего советского периода. В качестве основного организатора побед называлась КПСС. В противовес развенчиванию культа Сталина происходила мифологизация образа В. И. Ленина.

В 1964 году очередная реформа образования придала программам по истории тот вид, который они сохраняли с небольшими изменениями до конца 1980-х годов. Произошло возвращение к линейному курсу преподавания истории с несинхронизированным изложением событий в нашей стране и в зарубежных странах. Появляются «стабильные» школьные учебники со «стабильным» авторским коллективом, выдержавшие десятки переизданий. При этом и содержание учебников, и состав авторов менялись эволюционно и практически незаметно.

Например, в первой половине 1960-х гг. присутствует развернутая критика И. В. Сталина, подробный анализ причин неудач в начальный период Великой Отечественной войны, особое внимание уделяется партизанскому движению, «открытию» новых имен простых участников войны. В 1970-е годы можно увидеть попытки частичной реабилитации Сталина, происходит мифологизация отдельных событий Великой Отечественной войны (например, на так называемой «Малой земле»). Появляются концепции «развитого социализма», выдвигается тезис о появлении новой исторической общности – «советский народ».

Однако в целом историческая концепция, изложенная в школьных учебниках 1960–1980-х гг., была единой, направленной на воспитание будущих строителей коммунизма. В исторической памяти россиян этого поколения история Отечества воспринималась как вариант прогрессивного развития, поставивший СССР в авангард всего человечества. Это, впрочем, не исключило бытования альтернативной, запретной, а потому привлекательной диссидентской истории.

---

¹ Минц И.И. История СССР: учебное пособие для 8 класса. Изд. 3. М.: Просвещение, 1964. 278 с.

Пятый период развития отечественной учебной литературы по истории в XX веке начинается в начале 1990-х годов. В конце 1980-х годов разгорелись острые дискуссии о необходимости решительного реформирования школьного курса истории. Это обуславливалось необходимостью отхода от односторонних марксистских трактовок исторического процесса, стремлением интеграции России в мировую цивилизацию, структурным изменением в системе школьного исторического образования. 1990-е годы стали десятилетием «гласности» и «перестройки» в школьном преподавании истории. Быстро стали появляться новые авторские учебники, переиздавались дореволюционные учебники русских профессоров, переводились на русский язык учебники истории, созданные в других странах¹.

В начале 1990-х годов учитель мог по своему усмотрению выбирать для преподавания любой учебник, в том числе свой собственный, размноженный на ксероксе. Понятие «авторская программа» несло в себе позитивный смысл, несмотря на то, что зачастую никакого контроля и сертификации эта программа не проходила. Однако во многих школах, в том числе по причине финансовых трудностей, продолжали использоваться учебники советского периода, сохранившиеся в школьных библиотеках.

Педагог А. Ю. Головатенко в 1997 году вводит понятие «учебник старого поколения» и «учебник нового поколения». Старые советские учебники обвиняются в «стереотипах мышления советской историографии». Признаками учебников «нового поколения» А. Ю. Головатенко считал цивилизационный подход, благодаря которому «равноценно раскрываются замалчивавшиеся прежде отношения и грани общественной жизни (морально-бытовые, религиозные и т. д.)» [3, с. 2–3].

В это время впервые в XX веке в школах преподавание истории происходит по учебникам, существенно отличающимся не только методически, структурно, но и концептуально. Так, в одной из школ Чебоксар в классах гуманитарного профиля использовался учебник А. А. Кредера «Новейшая история. XX век», построенный по принципу цивилизационного и антропологического подходов², а в остальных классах – учебник В. К. Фураева³, в котором основные принципы формационного подхода остались незабываемыми. Это приводило к бурным дискуссиям между учениками параллельных классов на переменах, свидетелем которых был автор статьи.

¹ Эриксен Т.Л. Всемирная история с 1850 года до наших дней: для учащихся старших классов школ и гимназий / пер. с норвежского Ф. Золотаревский. СПб. : Изд-во фонда «Всемирная философская библиотека XX век и XXI», 1994. 552 с.

² Кредер А.А. Новейшая история. XX век: учебник для основной школы. М. : ЦГО, 1995. 386 с.

³ Новейшая история (1949–1988): учебник для 11 класса средней школы. М. : Просвещение, 1989. 288 с.

А. А. Кредер вводил в преподавание новые факты, бывшие прежде в «зоне умолчания», его оценки событий, предпосылок и хода Великой Отечественной войны отличалась от сложившихся в советской историографии. Однако следует отметить, что новые трактовки предвоенного положения СССР уже активно обсуждались и на научных конференциях и в публицистической литературе. Так, А. А. Кредер отмечал пагубную роль пакта Молотова – Риббентропа: «Сталин превратил СССР в соучастника очередной перекройки карты Восточной Европы»¹, приводил сведения о Катынской трагедии и так далее. Этот учебник вызвал острую критику со стороны сторонников марксизма.

В этот период вновь происходит переход с линейной на концентрическую структуру преподавания истории. Символом стремления включить российскую историю во всемирно-исторический процесс явились попытки синхронизации преподавания отечественной и зарубежной истории. Периодизация новой истории теперь была согласована с общепринятой в зарубежной историографии. Появляются учебные книги, в которых давалась интегрированная история России и зарубежных стран. Одной из первых подобных попыток стала учебная книга «Россия и мир». Здесь изложение всеобщей истории построено на принципе общей характеристики процессов и особенностей того или иного периода. Однако в этой книге, скорее, показано, какое значение всеобщая история имела для русской, чем то, какое место в мировой истории принадлежит России². Другим примером подобного издания является пособие И. Н. Ионова «Российская цивилизация и истоки ее кризиса. IX – начало XX века». Здесь основной задачей автора является не изложение последовательной истории России и зарубежных стран, а вопрос о месте России между двумя цивилизационными потоками Запада и Востока. В истории России автор заостряет внимание на ключевых моментах, так называемых, «цивилизационных альтернативах» и «цивилизационных вариантах»³.

Ситуация 1990-х годов в области учебной литературы создала предпосылки для некой фрагментации исторической памяти молодого поколения. По мнению А. Н. Фукса и В. В. Ковригина, появилась «мода» на открытую критику советской эпохи [17, с. 66]. Дегероизация некогда символов советской эпохи (например, Зои Космодемьянской, Александра Матросова, Николая Гастелло и др.) вызывала неприятие со стороны определенной

¹ Кредер А.А. Новейшая история. XX век: учебник для основной школы. М. : ЦГО, 1995. С. 156.

² Россия и мир. Учебная книга по истории / под ред. А.А. Данилова. Ч. 1. М. : Владос, 1994. 496 с.

³ Ионов И.Н. Российская цивилизация и истоки ее кризиса. IX – начало XX века: пособие для учащихся 10–11 классов. М. : Интерпракс, 1994. 416 с.

части российского общества. Наличие массы учебников, базировавшихся на разных научных, идеологических и методических принципах, фактическое отстранение государственных органов от контроля за содержанием учебной литературы по истории привело к тому, что среди поколения учащихся 1990-х гг. были те, кто продолжал учиться по марксистским учебникам, и те, кто был убежден в «цивилизационном кризисе» России исходя из идей учебников «нового поколения». Разные «герои» и «антигерои», несовпадающий набор отобранных дат из хронологических таблиц разных учебников, различие оценочных суждений об исторических событиях вело к тому, что даже внутри одного поколения формировались различные исторические образы, мифы, стереотипы. Межпоколенный конфликт сторонников советской идеологии и поколения 1990-х гг. усугублял сложившуюся ситуацию.

По мнению А. С. Маджарова и Е. Л. Пономаревой, оценка Октябрьской революции стала границей, разделившей общество. В учебниках «нового поколения» Октябрьская революция рассматривалась как трагический цивилизационный кризис, заставивший прервать общий со странами Запада путь развития. Здесь всячески подчеркивались преимущества эволюционного пути развития России в сравнении с революционным [7, с. 77–78]. Еще одной точкой раскола стали оценки событий Великой Отечественной войны. А. Н. Фукс и В. В. Ковригин пишут: «Историческая память, прежде всего память о Великой Отечественной войне, – это то, что объединяет и консолидирует все российское общество, независимо от национальной, конфессиональной принадлежности и политических взглядов» [17, с. 67].

Конечно, идейный кризис 1990-х гг. – это не следствие, а причина ситуации в области учебной литературы по истории. Однако плюрализм учебных программ усугублял «войны памяти» в российском обществе. В 1997 году появляется федеральный перечень учебников, рекомендованных к преподаванию в средних учебных заведениях, в котором только по истории России было 20 наименований.

В начале XXI века поиски скрепляющей российское общество «национальной идеи» закономерно сопровождалась стремлением к консолидации исторической памяти. Одно из средств к этому – принятие историко-культурного стандарта, в котором путем широкого обсуждения педагогической общественности закреплены общие трактовки преподавания истории в школе¹. Как это повлияет на консолидацию исторической памяти российского общества, покажет время.

---

¹ Историко-культурный стандарт [Электронный ресурс]. URL: <http://school.historians.ru/wp-content/uploads/2013/08/> (дата обращения: 23.07.2020).

Список литературы

1. Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности М. : Языки славянской культуры, 2004. 363 с.
2. Бущик Л.П. Очерк развития школьного исторического образования в СССР. М. : Изд-во АПН СССР, 1961. 540 с.
3. Головатенко А.Ю. Учебники истории: сегодня и завтра. Обзор проблем и контуры решений // История: Еженедельное приложение к газете «Первое сентября». 1997. № 7. С. 2–6.
4. Дмитриева О.О., Иванова Т.Н., Минеева Е.К. Исторические юбилеи как церемониальная коммеморативная практика (сравнительный анализ празднования 1000-летия Российской государственности, 100-летия Отечественной войны 1812 года и 300-летия царствования дома Романовых в Российской империи) // Диалог со временем. 2020. Вып. 72. С. 280–291. DOI: <https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.72.72.018>
5. Ларионова Н.И., Рокина Г.В. Образ России в странах Европейского Союза: пример стран Вишеградской группы // Гуманитарные чтения «Севастопольская гавань». Севастополь, 2019. С. 330–334.
6. Леонтьева О.Б. «Мемориальный поворот» в современной российской исторической науке // Диалог со временем. 2015. Вып. 50. С. 59–97.
7. Маджаров А.С., Пономарева Е.А. Образ Октябрьской революции в школьных учебниках истории (1930-е гг. – XXI в.) // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». 2017. Т. 22. С. 77–83.
8. Нора П. Эра коммемораций // Нора П., Озуф М., Рюимеж Ж де, Винюк М. Франция – память. СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1999. С. 95–148.
9. Поздняков А.Н. Российские учебники по истории в оценках «Журнала министерства народного просвещения» (конец XIX – начало XX в. // Известия Саратовского университета. Новая сер. Серия История. Международные отношения. 2016. Т. 16. Вып. 1. С. 22–28.
10. Прошлое для настоящего: История – память и нарративы национальной идентичности: коллективная монография / под общ. ред. Л.П. Репиной. М. : Аквилон, 2020. 464 с.
11. Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М. : Круг, 2011. 560 с.
12. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). С. 8–27.
13. Хаттон П. История как искусство памяти. СПб. : Владимир Даль, 2004. 424 с.
14. Федорова Н.Г. Учебник по истории средних веков в дискурсивном пространстве российского общества (вторая четверть XIX – начало XX вв.): монография. Казань : Отечество, 2012. Часть первая. 208 с.
15. Федорова Н.Г. Учебники по истории средних веков конца XIX – начала XX вв.: от «коммерческого издания» к «научной книге». // В.К. Пискорский и развитие науки всеобщей истории в России: сб. науч. статей / сост. и отв. ред. Г.П. Мягков. Казань : Изд-во Казанского ун-та, 2019. С. 280–290.
16. Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира. М. : Высш. шк., 1992. 351 с.
17. Фукс А.Н., Ковригин В.В. Проблемы фальсификации истории Великой Отечественной войны и содержание школьных учебников по отечественной истории // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2017. № 2 (14). С. 66–70.

18. Фукс А.Н. Школьные учебники по отечественной истории как историографический феномен (конец XVII в. – вторая половина 1930-х гг.): монография. 2-е изд., доп. М. : ИИУ МГОУ, 2017. 420 с.

Статья поступила в редакцию 15.08.2020;
одобрена после рецензирования 07.09.2020; принята к публикации 24.09.2020.

Об авторе

Иванова Татьяна Николаевна

доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории и культуры зарубежных стран, Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова, Российская Федерация, г. Чебоксары, tivanovan@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

References

1. Assman Ya. Kul'turnaya pamyat': pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti [Cultural memory: writing, memory of the past and political identity in high cultures of antiquity]. Moscow, Languages of Slavic Culture Publ., 2004, 363 p. (In Russ.).
2. Bushik L.P. Ocherk razvitiya shkol'nogo istoricheskogo obrazovaniya v SSSR [Essay on the development of school history education in the USSR]. Moscow : Publ. house of the APS of the USSR, 1961, 540 p. (In Russ.).
3. Golovatenko A. Yu. Uchebniki istorii: segodnya i zavtra. Obzor problem i kontury reshenii [History Books: today and tomorrow. Problem overview and solution outline]. *Istoriya: Ezhenedel'noe prilozhenie k gazete "Pervoe sentyabrya"* = History: Weekly Supplement to the newspaper "September 1st", 1997, no. 7, pp. 2–6. (In Russ.).
4. Dmitrieva O.O., Ivanova T.N., Mineeva E.K. Istoricheskie yubilei kak tseremonial'naya kommemorativnaya praktika (sravnitel'nyi analiz prazdnovaniya 1000-letiya Rossiiskoi gosudarstvennosti, 100-letiya Otechestvennoi voyny 1812 goda i 300-letiya tsarstvovaniya doma Romanovykh v Rossiiskoi imperii) [Historical anniversaries as ceremonial commemorative practice (a comparative analysis of the celebration of the 1000th anniversary of Russian statehood, the 100th anniversary of the Patriotic War of 1812 and the 300th anniversary of the reign of the Romanovs in the Russian Empire)]. *Dialog so vremenem* = Dialogue with Time, 2020, issue 72, pp. 280–291. (In Russ.).
5. Larionova N.I., Rokina G.V. Obraz Rossii v stranakh Evropeiskogo Soyuzha: primer stran Vishegradskoi gruppy [The Image of Russia in the countries of the European Union: an example of the Visegrad group]. *Gumanitarnye chteniya "Sevastopol'skaya gavan'"* = Humanitarian readings "Sevastopol Harbor", Sevastopol, 2019, pp. 330–334. (In Russ.).
6. Leontieva O.B. "Memorial'nyi povорот" v sovremennoi rossiiskoi istoricheskoi nauke ["Memorial turn" in the contemporary Russian historical studies]. *Dialog so vremenem* = Dialogue with Time, 2015, issue 50, pp. 59–97. (In Russ.).
7. Madzharov A.S., Ponomareva E.A. Obraz Oktyabr'skoi revolyutsii v shkol'nykh uchebnikakh istorii (1930-e gg. – XXI v.) [Image of the October Revolution in school textbooks on history (1930s - early XXI century)]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Politologiya. Religiovedenie"* = The Bulletin of Irkutsk State University. Series "Political Science and Religion Studies", 2017, no. 22, pp. 77–83. (In Russ.).
8. Nora P. Era kommemoratsii [The era of commemorations]. *Frantsiya – pamyat'* = France – memory by Nora P., Ozouf M., Ruimei W de, Winyuk M., Saint Petersburg, Publ. house of Saint Petersburg University, 1999, pp. 95–148. (In Russ.).

9. Pozdnyakov A.N. Rossiiskie uchebniki po istorii v otsenkakh “Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya” (konets XIX – nachalo XX v.) [Russian history textbooks in evaluation of the “Journal of the Ministry of national education” (end of XIX – beginning of XX century)]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya ser. Seriya Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya* = *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: History. International Relations*, 2016, no. 1, pp. 22–28. (In Russ.).

10. Proshloe dlya nastoyashchego: Istoriya – pamyat’ i narrativy natsional’noi identichnosti. [The past for the present: History-memory and narratives of national identity: a collective monograph]. Under the General editorship of L.P. Repina, Moscow, Akvilon Publ., 2020, 464 p. (In Russ.).

11. Repina L.P. Istoricheskaya nauka na rubezhe XX–XXI vv.: sotsial’nye teorii i istoriograficheskaya praktika [Historical science at the turn of the XX–XXI centuries: social theories and historiographic practice]. Moscow, Krug Publ., 2011. 560 p. (In Russ.).

12. Halbwachs M. Kollektivnaya i istoricheskaya pamyat’ [Collective and historical memory]. *Neprikosnovennyi zapas* = *Reserve stock*, 2005, no. 2–3 (40–41), pp. 8–27. (In Russ.).

13. Hatton P. Istoriya kak iskusstvo pamyati. [History as an art of memory]. St. Petersburg, Vladimir Dal Publ., 2004. 424 p. (In Russ.).

14. Fedorova N.G. Uchebnik po istorii srednikh vekov v diskursivnom prostranstve rossiiskogo obshchestva (vtoraya chetvert’ XIX – nachalo XX vv.). Monografiya. Chast’ pervaya. [Textbook on the History of the Middle Ages in the discursive space of Russian society (the second quarter of the XIX – early XX centuries): monograph. Part 1]. Kazan, Otechestvo Publ., 2012, 208 p. (In Russ.).

15. Fedorova N.G. Uchebniki po istorii srednikh vekov kontsa XIX – nachala XX vv.: ot “kommercheskogo izdaniya” k “nauchnoi knige”. [Textbooks on the History of the Middle Ages of the late XIX – early XX centuries: from “commercial publication” to “scientific book”]. *V.K. Piskorskii i razvitiye nauki vseobshchei istorii v Rossii: sbornik nauchnykh statei, sost. i otv. red. G.P.Myagkov* = *V. K. Piskorsky and the development of science of World History in Russia: collection of scientific articles, comp. and resp. editor G. P. Myagkov*. Kazan, Publ. house of Kazan University, 2019, pp. 280–290. (In Russ.).

16. Ferro M. Kak rasskazyvayut istoriyu detyam v raznykh stranakh mira [How history is told to children in different countries of the world]. Moscow, Higher School Publ., 1992, 351 p. (In Russ.).

17. Fuks A.N., Kovrigin V.V. Problemy fal’sifikatsii istorii Velikoi Otechestvennoi voiny i sodержание shkol’nykh uchebnikov po otechestvennoi istorii [Problems of history falsification of the Great Patriotic War and the content of school textbooks on National History]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya “Istoricheskie nauki”* = *Herald of Omsk University. Series “Historical Studies”*, 2017, no. 2 (14), pp. 66–70. (In Russ.).

18. Fuks A.N. Shkol’nye uchebniki po otechestvennoi istorii kak istoriograficheskii fenomen (konets XVII v. – vtoraya polovina 1930-h gg.): monografiya. [School textbooks on Russian History as a historiographical phenomenon (late XVII century – the second half of the 1930s): monograph]. Moscow, Publ. house of Moscow State Regional University, 2017, 420 p. (In Russ.).

The article was submitted 15.08.2020;
approved after reviewing 07.09.2020; accepted for publication 24.10.2020.

About the author

Tatyana N. Ivanova

Dr. Sci. (History), Associate Professor, Professor of the Department of History and Culture of Foreign Countries, Chuvash State University, Cheboksary, Russian Federation, tivanovan@mail.ru

The author has read and approved the final manuscript.

УДК 94(100)»1914/19»(437):371.671

DOI 10.30914/2227-6874-2020-13-115-126

Действия Чехословацкого корпуса в постсоветских учебниках истории

А. В. Лямзин

Аннотация. В статье рассматривается эволюция исторических оценок историков государств постсоветского пространства. Анализ проводится на основе изучения учебников для школ и университетов, вышедших в 1990-е и 2000-е годы в России и новых независимых государствах (ННГ), возникших после распада СССР. По мнению автора статьи, по учебникам можно проследить не только текущие идеологические установки, бытующие в России и ННГ, но и процесс переосмысления обществом политических взглядов прошлого. Для анализа автором были привлечены две группы учебников: книги, опубликованные в России, и учебные издания, напечатанные в ННГ постсоветского пространства. Тема «белочехов», и в целом деятельность Чехословацкого корпуса, в советской историографии, и, соответственно, в советских учебниках истории, преподносилась негативно, как ударная сила контрреволюции. Анализ постсоветских учебников истории, изданных в ближнем зарубежье, в Казахстане, Киргизии, Белоруссии и Украине, показал, что для этих государств характерен приоритет к собственной истории, и в них нет прямой оценки действия Чехословацкого корпуса в годы Гражданской войны. Исключением является белорусский учебник 2005 года, в котором содержатся оценки действий «белочехов» на стороне Антанты и подробное изложение действий Чехословацкого корпуса. В украинском учебнике по всемирной истории 2003 года деятельность корпуса оценивается в антибольшевистском ключе. В учебниках, изданных в Центральной Азии, во многом сохраняется советская терминология при оценке действий Чехословацкого корпуса. Наиболее объективно, по мнению автора статьи, события изложены в киргизском учебнике для высшей школы 2009 года. Заметную эволюцию претерпела оценка действия чехословацкого корпуса в российских учебниках 1990–2000-х годов, что автор подробно показывает на анализе конкретных примеров из текстов вузовских и школьных учебников. В заключение автор статьи приходит к выводу, что изменилось отношение к фактам, и в каждой стране смотрят на события времен Гражданской войны с точки зрения текущих национальных приоритетов, теперь этой проблеме уделяется внимание лишь в той степени, в какой она затронула территориальные границы новых независимых государств.

Ключевые слова: Чехословацкий корпус, историография, учебники по истории, историческая память, постсоветское пространство

Для цитирования: Лямзин А.В. Действия Чехословацкого корпуса в постсоветских учебниках истории // Запад – Восток. 2020. № 13. С. 115–126. DOI: <https://doi.org/10.30914/2227-6874-2020-13-115-126>

Czechoslovak Corps actions in post-Soviet history textbooks

A. V. Lyamzin

Abstract. The article examines the evolution of historical assessments of historians of the post-Soviet states. The analysis is carried out on the basis of a study of textbooks for schools and universities that were published in the 1990s and 2000s in Russia and the newly independent states (NIS) that arose after the collapse of the USSR. According to the author of the article, textbooks can be used to trace not only the current ideological attitudes prevailing in Russia and the NIS, but also the process of society's rethinking of the political views of the past. For the analysis, the author involved two groups of textbooks: books published in Russia and educational publications printed in the NIS of the post-Soviet space. The topic of the "White Czechs" and, in general, the activities of the Czechoslovak Corps in Soviet historiography and accordingly in Soviet history textbooks, was presented negatively, as a striking force of the counter-revolution. An analysis of post-Soviet history textbooks published in the near abroad, in Kazakhstan, Kyrgyzstan, Belarus and Ukraine, showed that these states are characterized by priority to their own history, and they do not directly assess the actions of the Czechoslovak Corps during the Civil War. An exception is the 2005 Belarusian textbook, which contains assessments of the actions of the "White Czechs" on the side of the Entente and a detailed description of the actions of the Czechoslovak Corps. In the Ukrainian textbook on World History of 2003, the activities of the corps are assessed in an anti-Bolshevik vein. In textbooks published in Central Asia, Soviet terminology is largely preserved when assessing the actions of the Czechoslovak Corps. Most objectively, in the opinion of the author of the article, the events are described in the Kyrgyz textbook for higher education of 2009. The assessment of the actions of the Czechoslovak Corps has undergone a noticeable evolution in Russian textbooks of the 1990s–2000s, which the author shows in detail by analyzing specific examples from the texts of university and school textbooks. Concluding the analysis, the author of the article comes to the conclusion that the attitude towards facts has changed, and in each country they look at the events of the Civil War from the point of view of current national priorities, now this problem is paid attention only to the extent that it affected the territorial boundaries of the newly independent states.

Keywords: Czechoslovak Corps, historiography, history textbooks, historical memory, post-Soviet space

For citation: Lyamzin A.V. Czechoslovak Corps actions in post-Soviet history textbooks. *West – East*. 2020, no. 13, pp. 115–126. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30914/2227-6874-2020-13-115-126>

Возникновение и деятельность такого сравнительно немногочисленного (40–50 тыс. чел.) воинского подразделения, как Чехословацкий корпус, неожиданно появившегося из хаоса Первой мировой войны, оказалось важнейшим фактором, повлиявшим на судьбы России и Чехословакии. Корпус, подобно Тунгусскому метеориту, пролетел над Сибирью и остался для российской историографии до конца не понятным и недоисследованным явлением. Своеобразной «вещью в себе», которая произвела мощный взрыв на бескрайних просторах Русской Смуты.

В этом событии, по видению советских историков, соединилось стремление эксплуататорских классов, вопреки чаянию народных масс (поддержавших «триумфальное шествие советской власти»), навязать реставрацию старого режима, а также злокозненные планы Антанты, которая руками бойцов Чехословацкого корпуса стремилась задушить молодую Советскую республику. Таким образом, «белочехи» оказались на острие интервенции стран Антанты, вонзивших «дюжину ножей в спину революции».

Для советской историографии Гражданской войны в России восстание Чехословацкого корпуса считалось одним из важнейших эпизодов, можно даже сказать, краеугольным камнем, от которого выстраивалась система координат, согласно ей вина за начало Гражданской войны, кстати, писавшейся с маленькой буквы, возлагалась на «белый» лагерь.

Таким образом, Чехословацкий корпус не воспринимался красными историками как самостоятельная сила, а лишь как оружие в руках Антанты. Параллельно с этим с чехословаками связывались две важнейшие поворотные точки советской истории – начало Гражданской войны и убийство бывшего императора Николая II с семьей и слугами. Впрочем, на втором сюжете в советские годы старались внимание не заострять, а вслед за Лениным просто «принять к сведению». Тогда это было идеологически неуместно. Теперь, как и в 1918 г., мы понимаем, что это была поворотная точка, после которой стало совершенно ясно, что пощады врагам Революции не будет.

Борьба на историческом фронте продолжилась со сравнимой беспощадностью. Выработка большевистской концепции Гражданской войны была явлением планомерным и целенаправленным. В 1920 году в Москве была сформирована специальная комиссия по изучению Октябрьской революции и истории партии большевиков (Истпарт). Огромное количество документов белых частей было утрачено, а многие документы красных были упрятаны в спецхранах архивов. Основным источником изучения Гражданской войны становятся воспоминания, которые активно собирались в 1920-е гг., но под строгим государственным контролем, тщательной редактурой и последующей цензурой, проводившейся органами Главлита.

Уральское бюро Истпарта даже выработало и опубликовало специальный конспект-минимум для воспоминаний¹.

В период хрущевской «оттепели» последовал новый всплеск интереса к воспоминаниям о Гражданской войне, но большинство участников не смогли пережить годы репрессий и Великую Отечественную войну. Существовавший 80 лет Советской власти интеллектуальный железный занавес не позволял в полном объеме и непредвзято изучать чешские источники по истории корпуса, поэтому идеологические представления законсервировались в умах историков и общественном мнении на десятилетия. Они были весьма скудны и не выходили за пределы народной песни «На нас напали злые чехи» и распространенного термина «белочехи».

Но почти 30 лет назад эпоха коммунизма в нашей стране закончилась, начало меняться отношение к деятельности Чехословацкого корпуса. Хотя подлинного переосмысления деятельности корпуса не произошло, как не случилось осмысления опыта Гражданской войны, несмотря на замену Дня Великой Октябрьской социалистической революции на День согласия и примирения, в настоящее время уже упраздненный. Нет в обществе консенсуса относительно подлинности останков царской семьи, расстрелянной в Екатеринбурге при подходе Чехословацкого корпуса в 1918 г. и найденных в 1991 г. в Поросёнковом Логе недалеко от Екатеринбурга. Русская православная церковь не признает их подлинность, хотя захоронены они по воле светской власти в Петропавловском соборе, старинной усыпальнице Романовых.

Нет консенсуса и среди историков относительно роли Чехословацкого корпуса в Гражданской войне. Часть из них после 1991 г. выступает с антибольшевистских позиций², а часть по-прежнему придерживается советских подходов [1].

С начала 1990-х годов парадигма осмысления проблемы меняется. Если в советские годы исследователи шли от общего к частному, пытаясь подогнать местный материал под давящую сверху общую большевистскую концепцию Гражданской войны, то теперь началось движение в противоположном направлении. Появились возможности (открылись архивы и границы, включая интеллектуальные), назрели потребности в реконструкции событий от частного к общему. По этой причине основное внимание к изучению истории Чехословацкого корпуса начали проявлять местные историки

¹ Кручинин А.М. Шадринск в гражданской войне. 1918–1919 гг. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2020. С. 194.

² Костокрызов П. И. Антибольшевистское движение на Урале в 1917–1918 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2013; Кручинин А.М. Падение красного Екатеринбурга. Военно-исторический очерк о событиях на Среднем Урале и в Зауралье с 13 июля по 12 августа 1918 года. Екатеринбург : УМЦ УПИ, 2005.

Сибири, Урала и Поволжья. На уровне микроистории они пытаются воссоздать события тех лет, фактически продолжая дело «Школы Анналов», но на новом материале. Можно сказать, что мощный толчок получают антропологические исследования на основе архивов и воспоминаний, в том числе зарубежных. Неслучайно среди историков, увлеченно занимающихся этой темой, много людей, имеющих отношение к военно-исторической реконструкции (Каревский А. А., Кручинин А. М., Лобанов Д. А. и др.), методом которой является погружение в материальный мир людей минувших эпох. Важным элементом попытки понять «значимого другого», которым в данном случае можно обозначить чехословаков, является знание языка. Историки, которые стремятся разобраться в роли и позиции корпуса, активно изучают воспоминания и архивные документы на чешском языке. На данном этапе значительная часть отечественных историков отошла от крайних постулатов советской историографии, признавая, что: «Чехословацкий корпус следует рассматривать не как объект для воздействия со стороны большевиков или стран Антанты, а как субъект, который руководствовался собственными целями и идеалами»¹. На рубеже XX–XXI веков позиции российских и чехословацких историков сблизились.

Чехословацкая историография проблемы прошла сходные с российской этапы, с той лишь разницей, что имела двадцать лет передышки на развитие, в ходе межвоенного периода (1918–1938 гг.). Подготовка и публикация исторических сочинений и материалов были лишены иссушающего влияния государственных цензурных органов и осуществлялась достаточно широко. В основном, можно говорить, скорее, о самоцензуре авторов.

История Чехословацкого корпуса исключительно важна для формирования современной государственности чехов и словаков. Они называют ее важной частью национально-освободительного движения, которое началось еще в Австро-Венгрии, а потом продолжилось в России. И российский этап важен тем, что именно здесь в 1914 г. в составе Русской императорской армии (РИА) была сформирована Чешская дружина, а в 1916 г. Чешская бригада, которая успешно действовала в битве у Зборова (в 1917 г.), где одержала свою первую победу над австро-венгерскими войсками. Таким образом, чехословаки, еще не имея своего государства, уже обрели свою армию. В 1917 году бригада стала корпусом, и в связи с распадом Российской империи корпус перешел в подчинение вооруженным силам Франции.

Несмотря на то, что Бархатной революции 1989 г. предшествовало 50 лет ограниченного суверенитета страны, исследования истории корпуса возобновились. В настоящее время они ведутся достаточно активно,

---

¹ Валиахметов А.Н. Чехословацкий корпус в России (1917–1920): Историография: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2005. С. 134–135.

выходят исследования, публикуются мемуары, проводятся выставки, создаются музеи. Большую роль в этом играет деятельность Чешского общества легионеров, которое включает в себя, чтит память и историю всех причастных к боевым действиям за всю историю Чехословакии, включая бойцов Чехословацкого корпуса в России, чешских легионеров в странах Антанты и антигитлеровской коалиции, ветеранов армии ЧССР и современной чешской армии. Каждый год чешской общественностью отмечается годовщина битвы у Зборова. В довоенной Чехословакии этот день даже был государственным праздником. По идеологической наполненности это событие можно сравнить с советским пониманием 23 февраля – момент, когда о себе заявила армия молодой республики.

Для многих чешских семей история корпуса – часть личной истории, а не просто строки из учебника истории, поэтому вполне логичной выглядит работа чешской стороны по установке памятников погибшим чехам и словакам в российской Гражданской войне. Такие монументы устанавливались и в ходе движения корпуса с запада страны до Владивостока. В советский период почти все они были уничтожены. До наших дней сохранились всего два: стелла из желтого известняка на Троицком кладбище в Красноярске и небольшой памятник во Владивостоке.

Эту историческую несправедливость государственные власти России и Чехии решили устранить, заключив межправительственное Соглашение о взаимном содержании военных захоронений от 15 апреля 1999 года¹. В ходе реализации этого соглашения, на территории России установлено, или находятся в процессе изготовления 22 памятника погибшим бойцам Чехословацкого корпуса. В 2008 году на Михайловском кладбище Екатеринбурга также был открыт монумент в память погибших. Здесь самое большое место упокоения погибших бойцов чехословаков, всего около 360 фамилий [2, S. 18–35]. На территории Чехии также советские и российские военные захоронения содержатся в надлежащем виде. На Ольшанском кладбище в Праге бережно сохраняются российские захоронения еще со времени наполеоновских войн.

К сожалению, несмотря на то, что историки и государственные деятели смогли прийти к определенному консенсусу, в общественном мнении нет единодушия. У среднестатистических россиян продолжает сохраняться образ врага, который 80 лет вращивался советской пропагандой и исторической наукой. Неудивительно, что негативное восприятие «белочехов», как их до сих пор называет большинство россиян, приводит к частым случаям осквернения чешских военных памятников. Следует отметить, что началось это задолго

---

¹ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Чешской Республики о взаимном содержании военных захоронений (Заключено в г. Москве 15.04.1999) // Сейчас.py. URL: <https://www.lawmix.ru/abrolaw/9010> (дата обращения: 25.09.2020).

до сноса памятника И. С. Коневу в Праге, который в свою очередь, также многократно до своего сноса в 2020 г., подвергался нападениям вандалов. Это прискорбное событие дало толчок новым акциям уже на территории России¹.

К сожалению, образ врага с обеих сторон пока не удалось изжить на уровне общественных представлений. Для этого требуется планомерная многолетняя работа. Не только советские полководцы теперь предаются забвению. В Чехии акцент памятных мероприятий смещается от Зборовской битвы, которая состоялась на территории Российской империи к образованию Чешского национального совета, которое произошло в Париже. Новые союзники в лице объединенной Европы ближе современным чехам. Важно, чтобы не обрел более четкие очертания новый образ врага, ведь в годы Гражданской войны его не было. Вернее, так. Те, кто изучает работы чешских художников Чехословацкого корпуса, знают, что в многочисленных рисунках, даже плакатах и агитационных материалах практически невозможно найти изображения русского (даже большевика) в образе врага чехословаков. Немцы и австрийцы есть, а русских нет.

Бои на историческом фронте не утихают и «медленно мелют мельницы богов», особенно богини Клио. Учебники истории способны дать об этих процессах довольно яркое представление. Насколько изменились оценки историков событий столетней давности, демонстрирует настоящее исследование. В центре нашего внимания будут школьные и университетские учебники по истории, опубликованные в разное время и в разных государствах постсоветского пространства за последние тридцать лет.

Дело в том, что восприятие истории большей частью населения страны формируется во многом благодаря школьному и вузовскому курсам истории, поскольку они равномерно охватывают всех юных граждан. СМИ же, при кажущейся влиятельности, не производят сопоставимо большого количества исторических программ. Более того, в последние годы они сильно уступают аудитории, прежде всего молодежную, интернет-каналам, в которых царит плюрализм мнений. Но самое главное, что интернет-аудитория, да и молодежь вообще, очень сильно сегментирована по своим увлечениям и интересам, что существенно углубляет *generation gap* и затрудняет понимание событий Гражданской войны столетней давности.

В учебниках мы можем проследить не только текущие идеологические установки, бытующие в России и соседних новых независимых государствах (ННГ), но и наблюдаем определенное переосмысление обществом политических взглядов прошлого.

---

¹ В Челябинске осквернен памятник чехословацким legionерам. URL: https://news.rambler.ru/other/44127999/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 25.09.2020).

Для анализа были привлечены две группы учебников. К первой можно отнести книги, опубликованные в России, ко второй – учебные издания, напечатанные в новых независимых государствах постсоветского пространства. Количество изученных источников обусловлено естественной выборкой книг из собрания автора. Среди российских учебников присутствуют самые основные и наиболее распространенные в нашей стране.

Для того чтобы обозначить точку отсчета, следует привести несколько цитат старого советского учебника по истории Урала, изданного в Перми¹. В. С. Скробов и В. Н. Устюгов воспроизводят схему достаточно четко: «...империалисты США и Антанты решили превратить чехословацкий корпус в ударную силу контрреволюции... буржуазно-националистическое командование корпуса 25 мая 1918 г. подняло мятеж против Советской республики»². Подчеркивается, что хотя численность корпуса составляла около 50 тыс., но 12 тыс. чехов и словаков сражались в рядах советских войск. Естественно, широко используется термин «белочехи». «На руку контрреволюции сыграли также колебания среднего крестьянства». С действиями «мятежного корпуса и белоказаков» традиционно связывается расстрел царской семьи в Екатеринбурге, тем самым часть ответственности перекладывается на плечи чехов и словаков: «Приближение фронта к Екатеринбургу вызвало опасение, что белогвардейцы сделают попытку освободить бывшего царя Николая II, поэтому Уральский областной Совет вынес постановление о его расстреле за преступления, совершенные перед народом»³. Заметим, что об убийстве жены, детей, слуг и собак в советском учебнике ничего не говорится.

О дальнейшей деятельности чехов и их корпуса практически не упоминается. Таким образом, корпус предстает силой, которая по инициативе Антанты развязала гражданскую войну в России, следствием чего стала казнь Николая II.

Следующую группу книг составляют учебники, изданные в ближнем зарубежье, в Казахстане, Киргизии, Белоруссии и Украине. Для учебников соседей России по постсоветскому пространству характерен приоритет интереса к собственной истории, поэтому деятельность корпуса совсем не упоминается в учебнике по истории Белоруссии, что логично, ведь там чехословаки не вели боевых действий⁴.

Однако белорусский учебник по истории России описывает ситуацию относительно подробно и достаточно объективно. Здесь Восточный фронт

---

¹ История Урала. Том II. Пермь, 1977.

² Там же. С. 68.

³ Там же. С. 75.

⁴ Новик Е.К. История Беларуси. С древнейших времен до 2013 г. Минск, 2013.

называется еще одним фронтом Гражданской войны, далеко не первым, но отмечается, что «действительно влиятельные правительственные формирования, ставившие своей целью свержение власти СНК, возникли... как следствие мятежа Чехословацкого корпуса. ... По мере движения... возникали конфликты с местными властями, а после попытки конфисковать у него часть оружия начались настоящие сражения»¹. Далее говорится о взятии ряда городов, в том числе Екатеринбурга, но расстрел Николая и семьи с чехословаками уже не связывается. Численность корпуса определяется в 40 тыс. человек. Упоминается о поддержке КОМУЧа и о том, что Чехословацкий национальный совет не поддержал переворот Колчака.

Авторы белорусского учебника много пишут о поддержке странами Антанты белых правительств, при этом они пытаются объяснить логику их действий заключением Брест-Литовского договора. Отмечается также, что чехословаки – единственные из Антанты, кто участвовал напрямую в боевых действиях против большевиков. Относясь к действиям Антанты без прямого осуждения, пытаясь объяснить их, авторы в то же время осторожно замечают: «Но присутствие на территории России иностранных войск позволяло большевикам представить себя защитниками национальных интересов страны»².

В украинском учебнике по всемирной истории присутствует небольшое упоминание о деятельности корпуса, можно даже сказать, в антибольшевистском ключе. Численность корпуса обозначается еще меньшей цифрой – 30 тысяч. Про Антанту и ее козни здесь не говорится: «Пленные восстали, возвращаясь из России на родину. Причиной выступления стало требование СНК сдать оружие. При поддержке крестьян восставшие ликвидировали советскую власть... под предлогом возможного освобождения, в Екатеринбурге большевиками были убиты бывший русский царь Николай Романов, его семья и прислуга»³.

Учебники, изданные в современной Центральной Азии, частично следуют устоявшейся терминологии советских учебников, говоря о большой численности корпуса (50 тыс.) и без стеснения употребляя термин «интервенция». Можно даже сказать, что белые называются виновниками начала Гражданской войны: «Объединенные силы белых начали Гражданскую войну против большевиков... Антанта спровоцировала мятеж Чехословацкого корпуса», говорится в казахстанском учебнике для подготовки к ЕНТ – единому национальному тестированию, аналогу российского ЕГЭ⁴.

¹ История России. XX век. Учеб. пособие. Минск, 2005. С. 83.

² Там же. С. 87.

³ Полянский П.Б. Всемирная история. 1914–1939. Учеб. для 10-го кл. общеобразов. учебн. завед. Киев, 2003. С. 104.

⁴ Нурхаева А.Е. История Казахстана: учебник-тест для подготовки к ЕНТ. Алматы, 2012. С. 215.

Но не следует считать, что авторы бездумно воспроизводят старые советские схемы. К политике большевиков они настроены в достаточной степени негативно. В данном случае они проводят параллели между репрессивной политикой царского самодержавия и жестокостями белых и «белоказаков»: «Особой жестокостью отличались казаки атаманов Дутова и Анненкова», говорит казахский учебник и приводит конкретные примеры¹. Белое движение ослабляли противоречия с Антантой и национальными окраинами: «Лозунг сохранения единой и неделимой России противоречил надеждам окраинных народов на независимость»².

Интересный подход к событиям Гражданской войны отличает учебники самой демократичной страны Центральной Азии – Киргизии. Находясь в обстановке методологического и политического плюрализма, авторы учебника пытаются увидеть логику в действиях как красных, так и белых. С одной стороны, они говорят об ответственности большевиков: «Актом гражданской войны было уже само Октябрьское вооруженное восстание»³. С другой стороны, они отмечают: «Мятеж чехословацкого корпуса, вспыхнувший в мае 1918 г., за которым стояли антисоветские силы Антанты, был искрой в пороховую бочку гражданской войны, унесшей около 3,5 млн жизней»⁴.

У авторов киргизского учебника получилось приподняться над схваткой и дать достаточно объективное определение событий тех лет: «...коренные народы Туркестана разделились на тех, кто будущее благополучие своего народа видел в отделении от советской России, и на тех, кто боролся за установление и упрочение власти трудового народа. Каждая сторона, по-своему понимая патриотизм, вела разрушительную и изнурительную войну в течение пяти лет»⁵.

В российских учебниках отношение к чехословацкому корпусу тоже претерпело определенную эволюцию. Одним из первых достаточно массовых российских учебников 1990-х годов стала книга французского историка Н. Верта, многократно переиздававшаяся на русском после распада СССР. Здесь автор, с одной стороны, идет за советской традицией, используя термин «белочехи», с другой стороны, никак не увязывает деятельность корпуса с интервенцией, которой отведен отдельный параграф, посвященный исключительно действиям Германии, Японии, Англии, Франции

¹ Нурхаева А.Е. История Казахстана: учебник-тест для подготовки к ЕНТ. Алматы, 2012. С. 217.

² Аяган Б.Г., Шаймерденова М.Д. Новейшая история Казахстана: учебник для 9 класса общеобразовательной школы. Алматы, 2005. С. 69.

³ Плоских В.М., Джунушалиев Д.Д. История кыргызов и Кыргызстана: учебник для вузов. Бишкек, 2009. С. 187.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 188.

и США. Про чехов там не говорится ни слова¹. Чехи не являются инициаторами Гражданской войны, дата ее начала, по мнению Верта – ноябрь 1917 года. О чехословаках автор пишет наиболее дружелюбно, говоря о том, что они «...объявили себя военнопленными у «русских братьев» и получили разрешение добраться до Владивостока»².

В более поздних учебниках, опубликованных в девяностые и нулевые годы, уже не говорится о братьях, но акценты смещаются от отрицательных к нейтральным. Во-первых, в той или иной степени разводится интервенция и деятельность корпуса. Хотя в учебнике под редакцией В. В. Керова³ о корпусе говорится в небольшом абзаце под заголовком «Расширение интервенции», а чехословаки упрекаются в захвате золотого запаса России, в других, более массовых изданиях подход более мягкий.

В учебнике под редакцией В. П. Дмитренко напрямую не называют их интервентами, хотя и пишут, что «...страны Антанты в качестве ударной силы внутри России использовали чехословацкий корпус»⁴. Здесь также указывается, что помимо пленных в состав корпуса вошли эмигранты чехи и словаки, что можно трактовать не только дополнительное уточнение, но и попытку подчеркнуть укорененность корпуса в российской жизни. Ведь это не просто пришельцы, но и те, кто годами жил бок о бок с россиянами, деля с ними все радости и невзгоды.

В распространенном «синем» учебнике под редакцией А. С. Орлова и В. А. Георгиева эта информация дается в двух соседних абзацах. Сначала об интервенции со стороны представителей стран Антанты, а во втором – достаточно нейтральная информация о восстании, которое привело к свержению советской власти. Во всех изученных учебниках постсоветского периода авторы стараются не связывать наступление корпуса на Екатеринбург и расстрел семьи Николая Романова. О самом этом событии они могут упоминать более или менее подробно, но старую советскую схему уже не воспроизводят. В учебнике Б. Г. Пашкова для школьников озвучивается компромиссная позиция, довольно актуальная для современного российского общества: «Трагедия российского народа – в его бескомпромиссности. ... Экстремистски настроенные красные были так же не правы, как и белые»⁵.

Подводя итог, можно сказать, что за последние 30 лет факты не изменились, но изменилось наше отношение к ним. В каждой стране смотрят

¹ Верт Н. История Советского государства. 1900–1991. М., 2001. С. 131–132.

² Там же. С. 128.

³ Краткий курс истории России с древнейших времен до начала XXI века: учеб. пособие. М., 2004.

⁴ История России. XX век. М., 1997. С. 180.

⁵ Пашков Б.Г. История России. XX век. 9 кл.: учеб. для общеобразоват. учеб. заведений. М., 2000. С. 144.

на них с точки зрения текущих национальных приоритетов. Чехословацкий корпус уже не выглядит однозначно враждебной силой, марионеткой в руках Антанты и косвенным виновником убийства царской семьи. Но его участие в событиях Гражданской войны по-прежнему остается в исторической памяти современных россиян и их соседей.

Список литературы

1. Гаврилов Д.В. Исследование роли Чехословацкого корпуса в развязывании гражданской войны 1918–1920 гг. в России. Факторный анализ // История и современное мировоззрение. 2019. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-rol-i-chehoslovatskogo-korpusa-v-razvyazyvanii-grazhdanskoy-voyny-1918-1920-gg-v-rossii-faktornyy-analiz> (дата обращения: 22.09.2020).

2. Boček J., Mojžiš M. Putování po Uralu // Legionářský směr. 2019. N. 2-3. S. 18–35.

Статья поступила в редакцию 27.09.2020;
одобрена после рецензирования 08.10.2020; принята к публикации 24.10.2020.

Об авторе

Лямзин Андрей Валерьевич

кандидат исторических наук, доцент кафедры ТИМО, Уральский федеральный университет, Российская Федерация, г. Екатеринбург, lyamzin@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

References

1. Gavrilov D.V. Issledovanie roli Chekhoslovatskogo korpusa v razvyazyvanii grazhdanskoi voyny 1918–1920 gg. v Rossii. Faktornyi analiz [Study of the role of the Czechoslovak corps in the outbreak of the civil war of 1918–1920 in Russia. Factor analysis]. *Istoriya i sovremennoe mirovozzrenie* = History and modern perspectives, 2019, no. 2. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-rol-i-chehoslovatskogo-korpusa-v-razvyazyvanii-grazhdanskoy-voyny-1918-1920-gg-v-rossii-faktornyy-analiz> (accessed 22.09.2020). (In Russ.).

2. Boček J., Mojžiš M. Putování po Uralu. *Legionářský směr*, 2019, no. 2-3, pp. 18–35. (In Slovak.).

The article was submitted 27.09.2020;
approved after reviewing 08.10.2020; accepted for publication 24.10.2020.

About the author

Andrey V. Lyamzin

Ph. D (History), Associate Professor, Department of Theory and History of International Relations, Ural Federal University, Ekaterinburg, Russian Federation, lyamzin@mail.ru

The author has read and approved the final manuscript.

УДК 372.893

DOI 10.30914/2227-6874-2020-13-127-141

**Потерянные в веках:
как изучают историю современные российские школьники**

В. Г. Сушенцова

Аннотация. Статья посвящена путям воздействия мемориальной политики современного российского государства на процесс обучения на уровне общего образования, а также особенностям нормативно-правового регулирования предметного содержания школьной дисциплины «история». Автор анализирует документы, регламентирующие образовательный процесс, в том числе Конституцию Российской Федерации 1993 г., федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ, Федеральные государственные образовательные стандарты общего образования, Примерную образовательную программу основного и среднего общего образования. В статье дана оценка подготовленной Российским историческим обществом усовершенствованной Концепции преподавания школьного курса «История России». В статье освещены такие аспекты проблемы, как нормативно-правовой статус Историко-культурного стандарта, соотношение изучения отечественной и всемирной истории в школе, элементы содержания отечественной и всемирной истории в Контрольно-измерительных материалах Единого государственного экзамена по истории.

Ключевые слова: мемориальная политика, нормативно-правовое регулирование школьного исторического образования, Концепция преподавания учебного курса «История России», Историко-культурный стандарт

Для цитирования: *Сушенцова В.Г.* Потерянные в веках: как изучают историю современные российские школьники // *Запад – Восток.* 2020. № 13. С. 127–141. DOI: <https://doi.org/10.30914/2227-6874-2020-13-127-141>

**Lost in centuries:
how modern Russian schoolchildren study history**

V. G. Sushentsova

Abstract. The article is devoted to the ways of the influence of the memorial policy of the modern Russian state on the learning process at the level of general education, as well as to the peculiarities of the legal regulation of the subject content of the school discipline “History”. The author analyzes the documents regulating the educational process, including the Constitution of the Russian Federation of 1993, the Federal Law “On education in the Russian Federation” no. 273-FZ dated

December 29, 2012, Federal State Educational Standards of general education, the Model educational program of the basic and secondary general education. The article evaluates the improved Concept of teaching the school course “History of Russia” prepared by the Russian Historical Society. The article highlights such aspects of the problem as the regulatory and legal status of the Historical and Cultural Standard, the ratio of the study of Russian and World History in school, the content elements of Russian and World History in the Control and measuring materials of the Unified State Examination in History.

Keywords: memorial policy, legal regulation of school history education, Concept of teaching the course “History of Russia”, Historical and cultural standard

For citation: *Sushentsova V.G.* Lost in centuries: how modern Russian school-children study history. *West – East*. 2020, no. 13, pp. 127–141. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30914/2227-6874-2020-13-127-141>

Одним из основных каналов коммеморации является школьное историческое образование. Согласимся с Л. П. Нелиной, что «школьная история в гораздо большей степени подвержена влиянию политической конъюнктуры и правительственному контролю, чем академическая историческая наука» [6, с. 3]. Предметом нашего анализа является пути воздействия мемориальной политики современного российского государства на обучение истории на уровне общего образования, а также особенности нормативно-правового регулирования предметного содержания этой учебной дисциплины.

Принятие в декабре 1993 года Конституции Российской Федерации радикальным образом повлияло на преподавание истории в школе. В соответствии со статьей 43 Конституции обязательным было провозглашено «основное общее образование», т. е. девять классов. Тем самым был сделан шаг назад по сравнению с «брежневской» Конституцией СССР 1977 г., закрепившей «всеобщее обязательное среднее образование», соответствующее современной 11-летке. Даже гипотетическое предположение, что кто-то из учащихся завершит свое образование после 9 класса, изучив к этому времени историю лишь до конца XIX в., привела к замене существовавшей так называемой «линейной модели» исторического образования на «концентрическую» [8]. Прохождение дважды всего курса отечественной истории (в 5–9 и 10–11 классах) при общем сокращении количества часов по сравнению с советским периодом, изучение сложной истории XX века в 9 классе – все это привело к снижению уровня знаний и утрате интереса к этому предмету у школьников. Несмотря на то, что довольно быстро обязательный уровень образования был повышен до среднего общего, текст статьи 43 Конституции РФ остался неизменным, поскольку 1, 2 и 9 главы

имеют особый порядок пересмотра. В соответствии с частью 5 статьи 66 ныне действующего закона «Об образовании в Российской Федерации» обязательным уровнем образования является среднее общее образование¹. Закон вступил в силу с 1 сентября 2013 г., но только с 2016–2017 учебного года начался возврат к линейному принципу изучения истории в школе [2].

Основным нормативным документом, регламентирующим образовательный процесс в современной школе, является Федеральный государственный образовательный стандарт (ФГОС), впервые упомянутый в части 5 статьи 43 Конституции РФ. В 2004 году были приняты «государственные образовательные стандарты» (стандарты «первого поколения») среднего (полного) общего образования². Федеральный компонент ГОСа по предметам помимо целей обучения регламентирует обязательный минимум содержания и требования к уровню подготовки учащихся. В 2009–2013 годах были утверждены Федеральные государственные образовательные стандарты для всех уровней общего образования («стандарты второго поколения»). Порядок разработки, утверждения ФГОС и внесения в них изменений устанавливается Правительством Российской Федерации³. Министерство просвещения привлекает для разработки проектов стандартов и вносимых в них изменений Федеральное учебно-методическое объединение по общему образованию, образовательные, научные и иные организации, органы исполнительной власти и иных заинтересованных лиц.

История как учебный предмет изучается школьниками на уровне основного общего (5–9 классы)⁴ и среднего общего (10–11 классы)⁵. Из-за упоминаемых

¹ Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ (последняя редакция). [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 1.09.2020).

² Приказ Минобрнауки РФ от 5 марта 2004 г. № 1089 «Об утверждении федерального компонента государственных образовательных стандартов начального общего, основного общего и среднего (полного) общего образования». [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/6150599/> (дата обращения: 1.08.2020).

³ Постановление Правительства РФ от 12.04.2019 № 434 «Об утверждении Правил разработки, утверждения федеральных государственных образовательных стандартов и внесения в них изменений и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 16.04.2019 (дата обращения: 1.09.2020).

⁴ Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования (5–9 кл.), утвержденный приказом Минобрнауки России от 17 декабря 2010 г. № 1897. [Электронный ресурс]. URL: https://base.garant.ru/55170507/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/#block_1000 (дата обращения: 1.09.2020).

⁵ Федеральный государственный образовательный стандарт среднего (полного) общего образования (10–11 кл.), утвержденный приказом Минобрнауки России от 17 мая 2012 г. № 413 [Электронный ресурс]. URL: https://base.garant.ru/70188902/8ef641d3b80ff01d34be16ce9baf6ce0/#block_108 (дата обращения: 1.09.2020).

выше изменений обучение истории в 2020–2021 учебном году носит переходный характер: 11-классники доучиваются по ГОСу 2004 г. по концентрической системе, а ученики 5–10 классов – по новым ФГОСам по линейной системе. В отличие от Государственного образовательного стандарта 2004 г. описание предметных результатов в действующих ФГОС носит декларативный характер и не содержит конкретизации фактического материала. Например, в результате изучения истории в 5–9 классах школьники должны «овладеть базовыми историческими знаниями», «приобрести опыт историко-культурного, цивилизационного подхода» к оценке событий, уметь применять исторические знания для осмысления сущности современных общественных явлений». В старших классах возможно изучение истории на базовом и углубленном уровне. Помимо усвоения «представлений о современной исторической науке» на базовом уровне, в результате углубленного изучения истории выпускник должен иметь «представление об историографии», овладеть «приемами работы с историческими источниками», уметь «оценивать различные исторические версии». Отсутствие в ФГОС конкретных предметных результатов стало предметом острой дискуссии в педагогическом сообществе. Сменившая в 2016 году Д. В. Ливанова на посту министра образования и науки О. Ю. Васильева выступила с предложением пересмотреть принятые ФГОСы и дополнить их привязанными к годам обучения предметными результатами. К концу 2019 года были подготовлены обновленные стандарты начального и основного общего образования, однако со сменой руководства Министерства просвещения эта работа была приостановлена.

В соответствии со статьей 12 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» содержание образования определяют образовательные программы¹. В 2016 году Примерная образовательная программа среднего общего образования была одобрена решением Федерального учебно-методического объединения по общему образованию, а на ее основе образовательные организации выстраивают собственные рабочие программы по предметам.

ФГОС является также основой для оценки достижений обучающихся при завершении образовательной программы, в частности при проведении Единого государственного экзамена. Впервые выпускники, обучающиеся по ФГОС, будут сдавать ЕГЭ в 2022 году. До этого содержание контрольно-измерительных материалов ЕГЭ, в том числе и по истории, должно основываться на Федеральном компоненте государственного стандарта

---

¹ Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ (последняя редакция). [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 1.09.2020).

среднего (полного) общего образования, утвержденного в 2004 году. Однако, начиная с 2015 г., среди источников формирования содержания КИМов ЕГЭ по истории стал фигурировать Историко-культурный стандарт¹. Этот документ, определяющий требования к предметному содержанию школьного курса истории, был подготовлен Российским историческим обществом – общественной организацией, созданной в 2012 году. Бесменным председателем РИО является С. Е. Нарышкин, в 2011–2016 гг. возглавлявший Государственную думу VI созыва, ныне – директор Службы внешней разведки РФ, член Бюро Высшего совета партии «Единая Россия». В составе руководящих органов этой некоммерческой организации (Президиум, Совет, Правление) – ученые, общественные деятели, ректоры ведущих вузов и директора музеев. Как говорится в Уставе РИО, его целью является «объединение усилий общества, государства, ученых, творческих деятелей и любителей истории для формирования общероссийской исторической культуры на основе объективного изучения, освещения и популяризации отечественной и мировой истории, сохранения национальной памяти»². Одной из задач РИО является «поддержка исторического образования», «формирование непротиворечивого подхода к написанию учебников истории», «оказание научно-просветительского противодействия дилетантизму и попыткам фальсификации исторических фактов». Многие из продекларированных задач вызывают неоднозначную оценку профессионального сообщества. Вопрос о критериях объективности при освещении истории, являясь одним из основополагающих в методологии, по-разному понимается на уровне научного и бытового мышления [8]. Еще больше неопределенности в трактовке сущности «непротиворечивого подхода» к написанию учебников и «фальсификации исторических фактов».

Присутствие государства в образовательной сфере заметно усилилось после 2012 г., что объясняется как внешними, так и внутренними факторами. На рубеже XX–XXI веков в Польше и странах Прибалтики шло формирование концепции «двух оккупаций» (немецкой и советской) [1, с. 116]. Российским ответом на это было создание Комиссии по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России, существовавшей в 2009–2012 годах³. По мнению А. И. Миллера, эта комиссия

¹ Сайт Федерального института педагогических измерений. [Электронный ресурс]. URL: <https://fipi.ru/ege/demoversii-specifikacii-kodifikatory#!/tab/151883967-7> (дата обращения 1.09.2020).

² Сайт РИО [Электронный ресурс]. URL: <https://historyrussia.org/ob-obshchestve/o-nas.html> (дата обращения 10.09.2020).

³ О Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России : Указ Президента РФ от 15 мая 2009 г. № 549 // Российская газета. 2009. 20 мая. № 89 (4913). [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2009/05/20/komissia-dok.html> (дата обращения: 01.08.2020).

«не оставила значимого следа, кроме имиджевого ущерба» [4, с. 213]. Своеобразным отголоском деятельности этой комиссии стало включение в январе 2012 г. в предметное содержание школьного курса истории сюжетов об «опасности фальсификации прошлого России в современных условиях»¹. К внутренним причинам актуализации мемориальной политики в образовательной сфере можно отнести участие молодежи в протестных акциях 2011–2012 годов. Исследование Центра экономических и политических реформ показало, что в основе недовольства молодежи лежат, прежде всего ценностные основания, «проблемы, касающиеся несправедливого общественного устройства и недостатков системы в целом, а не конкретные вопросы, затрагивающие их напрямую»². Но представители власти увидели причины роста протестных настроений среди молодежи в недостаточном участии государства в воспитательном процессе и формировании предметного содержания школьного образования в целом и особенно учебного предмета «история».

Идея создания «единого учебника» по истории для школьников была впервые озвучена В. В. Путиным в феврале 2012 года на заседании Совета по международным отношениям. В процессе выполнения поручения президента трактовка «единого» учебника как единственного трансформировалась в идею создания «единой концепции» школьного курса истории, частью которой и стал Историко-культурный стандарт. Таким образом, содержание школьной дисциплины «история» определяется в настоящий момент не ФГОС, не Примерными образовательными программами основного и среднего общего образования, а документом, принятым на расширенном заседании президиума общественной организации «Российское историческое общество». Рабочей площадкой для выработки Концепции обучения истории в школе стало не Федеральное учебно-методическое объединение по общему образованию, не Совет Министерства просвещения РФ по ФГОС, а общественная организация. И только в июне 2020 года на видеоконференции председатель РИО С. Е. Нарышкин сообщил, что «несколько месяцев назад в Российское историческое общество обратился Министр просвещения С. С. Кравцов с просьбой подготовить

---

¹ Приказ Министерства образования и науки РФ от 24 января 2012 г. № 39 «О внесении изменений в федеральный компонент государственных образовательных стандартов начального общего, основного общего и среднего (полного) общего образования, утвержденный приказом Министерства образования Российской Федерации от 5 марта 2004 г. № 1089». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70031886/> (дата обращения 1.09.2020).

² «Молодежный» протест: причины и потенциал. Условия жизни и мироощущение российской молодежи. [Электронный ресурс]. С. 32. URL: <http://cepr.su/2017/05/18/российская-молодежь/> (дата обращения 25.08.2020).

усовершенствованный вариант Концепции преподавания учебного курса «История России»¹. Ведомство, прямой обязанностью которого является выработка и реализация государственной политики и нормативно-правовое регулирование образовательной сферы, подключается к выработке ключевого документа только на завершающей стадии, после создания линейки учебников и внедрения их в школьный образовательный процесс с грифом «Рекомендовано Российским историческим обществом».

С 2013 года проект Историко-культурного стандарта, а затем и Концепции нового учебно-методического комплекса по отечественной истории можно было найти только на сайте РИО. А в июне – начале сентября 2020 г. в связи с заявленной необходимостью доработки этот документ был недоступен и здесь. Сложилась парадоксальная ситуация: текст, регламентирующий предметное содержание школьного курса истории и КИМов ЕГЭ по истории, официально недоступен для участников образовательных отношений. Из-за неопределенности правового статуса этого текста он отсутствует в разделе «Документы» на сайте Министерства просвещения РФ, неизвестен и персональный состав коллектива авторов, работавших над Историко-культурным стандартом. Судя по информации с сайта РИО, первоначальный текст готовился под руководством директора Института российской истории РАН Ю. А. Петрова. В настоящее время работу по совершенствованию проекта Концепции завершает рабочая группа под руководством сопредседателя Российского исторического общества, академика РАН, научного руководителя Института всеобщей истории РАН, председателя Ассоциации учителей истории и обществознания А. О. Чубарьяна и члена Президиума Российского исторического общества, ответственного секретаря РИО, ответственного секретаря рабочей группы А. Е. Петрова. Авторы называют этот документ частью комплекта «концептуально-нормативных материалов»². Вероятно, это новое слово в образовательном законодательстве.

Рассмотрим подробнее этот достаточно объемный документ, определяющий содержание школьного курса отечественной истории. Подготовленный в 2013 году первоначальный проект Историко-культурного стандарта состоял из 50 страниц, Концепция нового учебно-методического комплекса – из 80, а появившийся 18 сентября 2020 г. на сайте РИО проект усовершенствованной Концепции преподавания «Истории России»

¹ Российское историческое общество. [Электронный ресурс]. URL: <https://historyrussia.org/sobytiya/usovershenstvovanie-kontseptsii-uchebnogo-kursa-istoriya-rossii-tekushchie-rezultaty.html> (дата обращения: 19.09.2020).

² Российское историческое общество. [Электронный ресурс]. URL: <https://historyrussia.org/sobytiya/podgotovlen-proekt-usovershenstvovanoj-kontseptsii-prepodavaniya-uchebnogo-kursa-istoriya-rossii.html/> (дата обращения 20.09.2020).

(далее Концепция) – из 100 страниц. Весь фактический материал разбит на 9 разделов, начиная с Древней Руси и заканчивая 2020 г. в последней версии документа¹. Во введении к Концепции обозначены назначение, цели, задачи и методологические основы курса «История России», его структура, содержание и подходы к преподаванию, пути реализации. В описании «методологических основ» курса даже не упоминается «системно-деятельностный подход», на котором базируется ФГОС общего образования². Хотя именно ФГОС должен быть положен в основу деятельности разработчиков примерных образовательных программ и учебной литературы. Отсутствуют в проекте Концепции и регламентируемые стандартом понятия «личностные», «метапредметные» и «предметные» результаты обучения. Вообще, складывается впечатление, что авторы Концепции полностью игнорируют ключевой нормативный документ, содержащий «совокупность требований, обязательных при реализации основной образовательной программы».

Вместо «предметных результатов обучения» Концепция включает в себя «ядро содержания» и «Историко-культурный стандарт по отечественной истории» (ИКС). Каждый из девяти разделов ИКС включает в себя обзор основных событий, перечень понятий и терминов. Поражает просто эпический размах этого документа. По подсчету И. С. Манюхина в первоначальном варианте ИКС упоминалось 375 понятий и терминов, 550 персоналий, 480 событий и дат [5, с. 185]. В последней версии документа количество понятий, терминов и персоналий увеличилось. Это наглядно видно по количеству упоминаемых персоналий: вместо 550 их стало 744! Например, по периоду 1801–1914 гг. их количество выросло со 145 до 174. Но больше всего государственных, военных, общественных и религиозных деятелей, деятелей культуры и искусства должны запомнить учащиеся 10–11 классов: по периоду 1914–2020 гг. количество персоналий выросло с 238 до 409! (*Подсчеты автора*). Значительная доля исторических персонажей, которых должны запомнить школьники, представлена религиозными деятелями. Так, шестиклассники должны знать митрополитов Алексия, Илариона, Иону, Петра, Даниила Заточника, Дионисия, Епифания Премудрого, Кирилла и Мефодия, Нестора, Пахомия Серба,

¹ Концепция преподавания курса «История России» в образовательных организациях РФ, реализующих основные общеобразовательные программы. [Электронный ресурс]. URL: <https://historyrussia.org/sobytiya/podgotovlen-proekt-usovershenstvovannoj-kontseptsii-prepodavaniya-uchebnogo-kursa-istoriya-rossii.html> (дата обращения: 20.09.2020).

² ФГОС основного общего образования. [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/55170507/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/#friends/> (дата обращения: 20.09.2020).

Сергия Радонежского, Стефана Пермского и других. Кроме того, Россия является многоконфессиональной страной, но в ИКС упоминаются только представители православной церкви. Остается открытым вопрос о том, как это соотносится с текстом статьи 14 Конституции РФ: «Российская Федерация – светское государство... Религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом».

Спорным, на наш взгляд, является расширение перечня событий, терминов и персоналий до текущего момента. В усовершенствованной Концепции он доведен до июля 2020 г. и завершается «голосованием по принятию поправок в Конституцию РФ». В список обязательных для запоминания школьниками терминов и персоналий включены, например, «Армата», «Крымский мост», «Коронавирусная пандемия», «Радиоастрон», Е. П. Глинка, А. Х. Кадыров, Е. Н. Прилепин, Л. М. Рошаль, З. К. Церетели и другие¹. Вспоминаются строки А. К. Толстого: «Ходить бывает близко по камешкам иным, И так, о том, что близко, мы лучше умолчим...». Требуется очень осторожный и взвешенный подход к отбору фактов современной истории, особенно для учебных книг, и тем более для контрольно-измерительных материалов Государственной итоговой аттестации. Но нужно отдать должное авторам Концепции, они исключили из последней версии список исторических источников, который сопровождал каждый хронологический раздел, справедливо сочтя его излишним.

Коснемся еще одной важной проблемы – соотношения изучения школьниками всеобщей и отечественной истории. В соответствии с ФГОС основного общего образования среди дисциплин предметной области «Общественнонаучные предметы» названы «история России» и «всеобщая история», но на уровне среднего общего образования (10–11 классы) стандарт называет только «историю». Изучение мировой истории начинается в 5 классе с истории древнего мира, с 6 класса курсы отечественной и всемирной истории должны изучаться параллельно. Однако с учетом того, что на изучение обоих курсов отводится только 2 часа в неделю, подавляющее большинство учителей считают своей главной задачей больше времени уделить истории России. Свою роль при этом играет тот факт, что в контрольно-измерительных материалах ЕГЭ по истории только два задания (1 и 11) включают в себя фактический материал по всеобщей истории². В обновленной Концепции преподавания курса «История России»

¹ Концепция преподавания курса «История России» в образовательных организациях РФ, реализующих основные общеобразовательные программы. [Электронный ресурс]. URL: <https://historyrussia.org/sobytiya/podgotovlen-proekt-usovershenstvovannoj-kontseptsii-prepodavaniya-uchebnogo-kursa-istoriya-rossii.html> (дата обращения: 20.09.2020).

² URL: <https://fipi.ru/ege/demoversii-specifikacii-kodifikatory#!/tab/151883967-7/> (дата обращения: 20.09.2020).

ставится задача «синхронизации курсов истории России и всеобщей истории, сопоставления ключевых событий и процессов отечественной и мировой истории». Считаем, что не всегда сопоставление процессов и событий отечественной и мировой истории будет способствовать задаче воспитания патриотизма и гордости за особую роль России в мире. Кроме того, при необходимости обязательного освоения огромного фактического материала по отечественной истории, представленного в Историко-культурном стандарте, современные школьники просто физически не в состоянии освоить еще и нарратив по всеобщей истории.

Таким образом, содержание школьного курса отечественной истории определяется документом, подготовленным общественной организацией «Российское историческое общество». Составители Концепции считают одним из ее базовых принципов «верховенство права», однако это не соответствует порядку принятия самой Концепции. С 2015 года в Федеральный перечень учебников были включены учебники по истории России для 6–10 классов под редакцией А. В. Торкунова издательства «Просвещение». Авторы позиционируют эту линию учебников как наиболее полно воплощающие Историко-культурный стандарт и подтверждают это правом на использование логотипа Российского исторического общества. Но Историко-культурный стандарт, как и сама Концепция преподавания Истории России и в 2020 г. является только лишь проектом. Составители Концепции считают, что «важным этапом внедрения Концепции в школьное образование станет утверждение документа Министерством просвещения Российской Федерации»¹.

Сегодня мы видим очередную попытку использования школьного исторического образования в качестве политического инструмента, однако при отсутствии внятной идеологии процесс этот носит чрезвычайно противоречивый характер. Особенно актуально обращение к прошлому в странах, которые политологи относят к «гибридным режимам» [3; 7]². Мифологизация прошлого является одним из инструментов сохранения власти гибридного режима: «Взоры его обращены к никогда не существовавшему Великолепному веку, Великой Сербии, славной эпохе Симона Боливара или ядерной смеси из Романовых, атомной бомбы и славянского солнцеворота, которую продают нам сегодня в России»³. Например, стремление

¹ URL: <https://historyrussia.org/sobytiya/podgotovlen-proekt-usovershenstvovannoj-kontseptsii-prepodavaniya-uchebnogo-kursa-istoriya-rossii.html> (дата обращения: 19.09.2020).

² Шульман Е. Какой в России политический режим? [Электронный ресурс]. URL: <https://meduza.io/cards/kakoyv-rossii-politicheskiy-rezhim> (дата обращения: 25.08.2020).

³ Шульман Е. Практическая политология. Пособие по контакту с реальностью. М. : Изд-во АСТ, 2020. С. 25.

привлечь общественное внимание к событиям Великой Отечественной войны, игнорируя при этом идеологические особенности политического режима в СССР, привело к такому феномену, как «парад в честь парада» 7 ноября. Своеобразный «ребрендинг» ноябрьского праздника прошел успешно: благодаря широкому освещению в медиапространстве День народного единства у молодого поколения ассоциируется с событиями Смутного времени, однако причины акцента на дате 4 ноября, как и причины проведения парада в 1941 г. для большинства школьников неясны. Тема победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. является ключевым событием, вокруг которого строится вся историческая политика современного российского государства. В июле 2019 года Президент подписал указ о провозглашении 2020 г. Годом памяти и славы в ознаменование 75-летия Победы¹. Этому же был посвящен 1 сентября 2020 г. «Всероссийский урок Победы», хотя логичнее было бы в этот день вспомнить о начале Второй мировой войны. По проблеме освещения событий Второй мировой войны в школьном курсе отечественной истории фактически идет возврат советского подхода: хронологически участие СССР в войне датируется с 22 июня 1941 года.

Характерной чертой мемориальной политики в современной России можно считать приоритетное обращение именно к отечественной военной истории. Об этом свидетельствуют и поправки, внесенные в текст Конституции РФ: «Российская Федерация чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды. Умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается»². В этом же ключе трактуется воспитание и в соответствии с поправками, внесенными в 2020 г. в закон «Об образовании в Российской Федерации»: «Воспитание – это деятельность, направленная на развитие личности, ..., формирование у обучающихся чувства патриотизма, гражданственности, уважения к памяти защитников Отечества и подвигам Героев Отечества, закону и правопорядку, человеку труда и старшему поколению, взаимного уважения, бережного отношения к культурному наследию и традициям многонационального народа Российской Федерации, природе и окружающей среде»³. Несколько нелогичным выглядит написание термина «защитники Отечества» со строчной буквы,

¹ URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/60954> (дата обращения: 19.09.2020).

² «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/10103000/> (дата обращения: 1.08.2020).

³ Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ (последняя редакция). [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 1.09.2020).

а «Герои Отечества» – с заглавной. Вероятно, требуется какое-то нормативное разъяснение не только по поводу написания, но и по персональному составу обеих перечисленных категорий.

Создатели Концепции считают необходимым вернуть пропедевтический курс «Рассказы по истории России» в 4 классе. Но пока первоначальные исторические представления российские школьники получают в ходе изучения предмета «Окружающий мир» в начальной школе. В соответствии с действующим ФГОС начального образования задачами реализации содержания этого предмета названы «формирование уважительного отношения к семье, населенному пункту, региону, России, истории, культуре, природе нашей страны, ее современной жизни»; «осознание ценности, целостности и многообразия окружающего мира, своего места в нем». А в подготовленном проекте обновленного стандарта предметными результатами освоения учебного предмета «Окружающий мир» названы «понимание особой роли России в мировой истории, формирование чувства гордости за национальные свершения, открытия, победы»¹. Явно чувствуется корректировка в сторону акцентирования на достижениях и героизации особого российского пути. Уже прозвучало вполне ожидаемое предложение о введении обязательной для всех учащихся контрольной работы по истории в качестве допуска в ГИА. Остался один шаг до введения обязательного ЕГЭ по истории вместо отмененного по иностранному языку.

Марк Ферро, изучавший практики обучения истории в разных странах мира, отмечал, что во все времена главными функциями истории являлись «врачевание и борьба» [10, с. 10]. Акцентирование внимания на особой роли России в мире, решение главы Следственного комитета о создании специального подразделения по расследованию преступлений, связанных с фальсификацией истории Отечества и реабилитацией нацизма², – все это, безусловно, свидетельствует об использовании истории, скорее, как оружия, а не лекарства. И передовые рубежи обороны исторической правды проходят по школьному предмету «история», а в роли воинов в этой борьбе – учителя. О превращении интересного школьного предмета в политический инструмент приходится только сожалеть.

---

¹ Проект Приказа Министерства образования и науки РФ «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта начального общего образования» (подготовлен Минобрнауки России 04.04.2018). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/56649032/> (дата обращения: 1.09.2020).

² URL: <https://tass.ru/obschestvo/9423583> (дата обращения: 1.09.2020).

Список литературы

1. Аникин Д.А., Бубнов А.Ю., Комплеев А.В. Российское историческое общество как актор символической политики: институциональные особенности и мемориальные риски // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2020. № 1 (53). С. 114–124. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42846184> (дата обращения: 25.08.2020).
2. Котенев В.А., Кузьмин А.В. Особенности перехода на линейную систему школьного исторического образования в условиях реализации требований историко-культурного стандарта // Ученые записки Тамбовского отделения РoCMY. 2017. № 7. С. 30–37. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28828794> (дата обращения 25.08.2020).
3. Левицкий С., Вэй Л. А. Подъем конкурентного авторитаризма // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2018. № 5 (121). С. 29–47. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36645460> (дата обращения 20.09.2020).
4. Миллер А.И. Политика памяти в стратегиях формирования национальных и региональных идентичностей в России: акторы, институты и практики // Новое прошлое/ The New Past. 2020. № 1. С. 210–217. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43806492> (дата обращения 25.08.2020).
5. Манюхин И.С. Историко-культурный стандарт: анализ содержания // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 6–2 (72). С. 185–187. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29246809> (дата обращения 25.08.2020).
6. Нелина Л.П. Концепция единого учебно-методического комплекса по отечественной истории как этап реализации «исторической политики» в России // Научный вестник Крыма. 2017. № 1 (6). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28310948> (дата обращения 25.08.2020).
7. Розов Н.С. Динамика режимов и устойчивость / хрупкость неототалитаризма // Политика: анализ, хроника, прогноз (журнал политической философии и социологии политики). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36415203> (дата обращения 25.08.2020).
8. Сушенцова В.Г. Актуальные проблемы школьного исторического образования // Россия в пространстве глобальных трансформаций: в фокусе наук о человеке, обществе, природе и технике: материалы Междунар. междисциплинарной научной конф. / сост., отв. и науч. ред. сборника В.П. Шалаев. Йошкар-Ола, 2016. С. 210–212. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26129808> (дата обращения: 25.08.2020).
9. Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира: пер. с фр. М. : Высш. шк., 1992. 351 с.

Статья поступила в редакцию 06.10.2020;
одобрена после рецензирования 02.11.2020; принята к публикации 19.11.2020.

Об авторе

Сушенцова Валентина Георгиевна

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права, Марийский государственный университет, Российская Федерация, г. Йошкар-Ола, valsu.63@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

References

1. Anikin D.A., Bubnov A.Yu., Kompleev A.V. Rossiiskoe istoricheskoe obshchestvo kak aktor simvolicheskoi politiki: institutsional'nye osobennosti i memorial'nye riski [Russian historical society as an actor of symbolic policy: institutional features and memorial risks]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Gumanitarnye nauki* = University proceedings. Volga region. Humanities, 2020, no. 1(53), pp. 114–124. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42846184> (accessed 25.08.2020). (In Russ.)
2. Kotenev V.A., Kuzmin A.V. Osobennosti perekhoda na lineinuyu sistemu shkol'nogo istoricheskogo obrazovaniya v usloviyakh realizatsii trebovaniy istoriko-kul'turnogo standarta [Features of transition to linear system of school historical education in the conditions of implementation of requirements of the historical and cultural standard]. *Uchenye zapiski Tambovskogo otdeleniya RoSMU* = Memoirs of Tambov Regional Branch of the Russian Young Scientists Union, 2017, no. 7, pp. 30–37. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28828794> (accessed 25.08.2020). (In Russ.)
3. Levitsky S., Way L. A. Pod'em konkurentnogo avtoritarizma [The Rise of Competitive Authoritarianism]. *Neprikosnennyi zapas. Debaty o politike i kul'ture* = Reserve stock. Debates about politics and culture, 2018, no. 5 (121), pp. 29–47. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36645460> (accessed 20.09.2020). (In Russ.)
4. Miller A.I. Politika pamyati v strategiyakh formirovaniya natsional'nykh i regional'nykh identichnostei v Rossii: aktory, instituty i praktiki [The policy of remembrance in strategies of formation of national and regional identities in Russia: actors, institutions and practices]. *Novoe proshloe* = The New Past, 2020, no. 1, pp. 210–217. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43806492> (accessed 25.08.2020). (In Russ.)
5. Manyukhin I.S. Istoriko-kul'turnyi standart: analiz soderzhaniya [Historical and cultural standard: content analysis]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* = Philology. Issues of Theory and Practice, 2017, no. 6–2 (72), pp. 185–187. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29246809> (accessed 25.08.2020). (In Russ.)
6. Nelina L.P. Kontseptsiya edinogo uchebno-metodicheskogo kompleksa po otechestvennoi istorii kak etap realizatsii «istoricheskoi politiki» v Rossii [The concept of a unified educational and methodological complex on Russian history as a stage in the implementation of “historical policy” in Russia]. *Nauchnyi vestnik Kryma* = Scientific Bulletin of Crimea, 2017, no. 1 (6). Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28310948> (accessed 25.08.2020). (In Russ.)
7. Rozov N.S. Dinamika rezhimov i ustoichivost' / khrupkost' neototalitarizma [Dynamics of hybrid regimes and sustainability/fragility of neo-totalitarianism]. *Politiya: analiz, khronika, prognoz (zhurnal politicheskoi filosofii i sotsiologii politiki)* = Politeia. The Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36415203> (accessed 25.08.2020). (In Russ.)
8. Sushentsova V.G. Aktual'nye problemy shkol'nogo istoricheskogo obrazovaniya [Actual problems of school history education]. *Rossiia v prostranstve global'nykh transformatsii: v fokuse nauk o cheloveke, obshchestve, prirode i tekhnike: materialy Mezhdunar. mezhdistsiplinarnoi nauchnoi konf. / sost., otv. i nauch. red. sbornika V.P. Shalaev* = Russia in the space of global transformations: in the focus of the sciences of man, society, nature and technology: materials of the International interdisciplinary scientific conference: comp., executive and scientific editor of the collection V.P. Shalaev, Yoshkar-Ola, 2016, pp. 210–212. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26129808> (accessed 25.08.2020). (In Russ.)

9. Ferro M. Kak rasskazyvayut istoriyu detyam v raznykh stranakh mira [How history is told to children in different countries of the world]: transl. from French. Moscow, High School publ., 1992, 351 p. (In Russ.).

The article was submitted 06.10.2020;
approved after reviewing 02.11.2020; accepted for publication 19.11.2020.

About the author

Valentina G. Sushentsova

Ph. D. (History), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Mari State University, Yoshkar-Ola, Russian Federation, *valsu.63@mail.ru*

The author has read and approved the final manuscript.

ГЕНДЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ**GENDER STUDIES**

УДК 061.215»1859-1860»-055.2

DOI 10.30914/2227-6874-2020-13-142-152

**Дочери свободы
(осмысляя 140-летний юбилей создания первой российской
женской организации, защищавшей женские интересы)***И. М. Пушкарева, Н. Л. Пушкарева*

Аннотация. Статья обобщает исторический опыт создания россиянками в 1859–1860 гг. первой в России организации, защищавшей собственно женские интересы «Общества доставления дешевых квартир и других пособий нуждающимся жителям Санкт-Петербурга», и вписывает это событие в историю раннего русского либерального женского движения. Сопоставив особенности женского движения в России и странах Западной Европы, авторы приходят к выводу о том, что историческим итогом создания первых женских организаций было развертывание политического женского движения после 1905 года и предоставление женщинам избирательных прав в июне 1917 г. – то есть до политического переворота большевиков.

Ключевые слова: гендер, революция, Россия, женщины, права женщин, либеральное женское движение

Для цитирования: *Пушкарева И.М., Пушкарева Н.Л. Дочери свободы (осмысляя 140-летний юбилей создания первой российской женской организации, защищавшей женские интересы) // Запад – Восток. 2020. № 13. С. 142–152. DOI: <https://doi.org/10.30914/2227-6874-2020-13-142-152>*

Благодарность: подготовлено при поддержке РФФИ, проект № 19-09-00191, НИР ИЭА РАН и Программы ОИФН РАН.

**Daughters of freedom
(comprehending the 140th anniversary of the first Russian
women's organization to defend women's interests)***I. M. Pushkareva, N. L. Pushkareva*

Abstract. The article summarizes the historical experience of the creation by Russian women in 1859–1860 of the first women's organization in Russia to defend

women's interests, it was the “Society for the Delivery of Cheap Apartments and Other Benefits to Needy Citizens of St. Petersburg” and includes this event in the history of the early Russian liberal women's movement. Comparing the particularities of the women's movement in Russia and Western European countries, the authors came to the conclusion that the historical result of the creation of the first women's organizations was the deployment of the political women's movement after 1905 and the granting of woman suffrage in June 1917 – that is, before the political revolution of the Bolsheviks.

Keywords: gender, revolution, Russia, women, women's rights, liberal women's movement

Acknowledgment: prepared with the support of the RFBR, project no. 19-09-00191, R&D of N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS and Program of the Department of Historical and Philological Sciences of the Russian Academy of Sciences.

For citation: *Pushkareva I.M., Pushkareva N.L.* Daughters of freedom (comprehending the 140th anniversary of the first Russian women's organization to defend women's interests). *West – East*. 2020, no. 13, pp. 142–152. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30914/2227-6874-2020-13-142-152>

Начало современной российской политической истории часто связывают с началом XIX века и реформами императора Александра I, попытавшегося перестроить в западном духе «безобразное здание государственной администрации»¹. Эти попытки совпали (и были следствием) нового отношения к женщинам в российском обществе, новый социальный тип которых – родившись в эпоху Петра Великого – стал очевиден во второй половине XVIII столетия, подарившего русской истории женщин, готовых и стремящихся участвовать в общественной жизни (Екатерина II, Е. Р. Дашкова, графини М. Г. Разумовская, А. К. Воронцова, М. А. Нарышкина). Появление тогда на литературном небосклоне писательниц и поэтесс (Е. А. Княжниной, Е. А. Вельяшевой-Волынцевой, В. А. Волковой, Е. С. Меньшиковой), рождение женской литературы и женской автобиографической и мемуарной прозы свидетельствовало о возникновении социального женского самосознания. Целям «усиления социализации» женщин способствовало действовавшее в 1812 году. Женское патриотическое общество, «первая на русской почве организация для достижения общественных целей». Ее трудно назвать женской: созданная мужчинами,

---

¹ Демкин А.В. Дней Александровых прекрасное начало. Внутренняя политика Александра I в 1801–1805 гг. М. : Кучково поле, 2012.

она объединяла, как правило, их жен – образованных, обеспеченных, желавших общественной активности¹.

В известной степени его деятельность была продолжена последовавшими за своими мужьями и братьями в Сибирь «декабристками» (Е. И. Трубецкой, М. Н. Волконской, Е. А. Уваровой, А. Г. Муравьевой и др.). Через этих женщин осуществлялась переписка заключенных, некоторые брались за передачу из Сибири в столицу и распространение в Москве и Петербурге вынесенных из острога политико-философских произведений. Создавая в Сибири публичные библиотеки, пункты медицинской помощи населению, организовывая лекции и концерты, «декабристки» сплывали тех, кто оказался на поселении. Самой своей жизнью они выстраивали модель возможной для женщины внесемейной (публичной) инициативы. Аналогичный пример являют современницы декабристок из числа писательниц начала XIX в. (А. В. Зражевская, К. К. Павлова, А. П. Зонтаг, Е. А. Тимашева и др.)². Отстаивая идеи женского равноправия, они также шли нелегким путем самопознания и самоопределения и, рассказывая о своем несогласии со стереотипами общепринятого, выступали против общегосударственного принципа «благонамеренности».

Кристаллизации женского коллективного самосознания в России способствовали не только женщины, вписывавшиеся в социкультурный контекст эпохи, но и «выпадавшие» из него – «беззаконные кометы в кругу расчисленном светил» (А. С. Пушкин), те, кто взрывал своим необычным поведением привычные обществу стереотипы («кавалерист-девица» Н. Дурова, А. Закревская, А. Керн, С. Дельвиг). Они вызывали скандалы своими поступками, внося свой вклад в дело утверждения свободы личности. Своим появлением на литературном небосклоне они заявляли право россиянки быть услышанной и вынуждены были в отстаивании этого права преодолевать не только скепсис консерваторов, но и безапелляционные заявления радикалов: «Нет, никогда женщина-автор не может ни любить, ни быть женою и матерью», – полагал В. Г. Белинский (казалось бы, страстный поборник женского равноправия)³.

Конечно, «женщины-авторы» прорвались к нам из забвения в том числе и потому, что их освободительные произведения, написанные по-женски эмоционально, имели особое влияние в тогдашнем обществе. Часть женщин-писательниц второй трети XIX в. были хозяйками литературно-

¹ Шумигорский Е.С. Императорское женское патриотическое общество 1812–1912. СПб., 1912; Pushkareva N. Women in Russian History from the 10th to the 20th c. New York, 1997.

² Савкина И. Провинциалки русской литературы (женская проза 30–40-х гг. XIX в.). Wilhelmshorst, 1998. С. 6.

³ Белинский В.Г. Собр. соч. М., 1953. Т. 1. С. 226.

художественных салонов (З. Н. Волконская, Е. И. Голицына, С. Д. Пономарева, А. П. Елагина и др.); они либо разделяли сами идеи модернизации самодержавной системы и связанного с ней подавления женской личности, либо желали принимать участие в обсуждении подобных вопросов. Они также готовили перемены в общественной жизни России, совершившиеся в 60-е гг., ту самую российскую «революцию сверху» (отмену крепостного права 19 февраля 1861 г.), в подготовке которой напрямую участвовали такие известные либералки, как в. кнг. Елена Павловна – тетка Александра II и жена одного из самых известных «либеральных бюрократов» того времени М. А. Милютина¹.

Однако начало женского движения в России было очевидно связано с попытками, во-первых, обеспечить женщин возможностями профессиональной занятости, а через нее – экономической независимости. Вот почему такое особое значение имело создание в 1859 г. Общества доставления дешевых квартир и других пособий нуждающимся жителям Санкт-Петербурга – первой организации, созданной россиянками и преследовавшей воплощение именно женских интересов. Создание общества (140-летний юбилей которого мы могли бы отметить в прошлом году) было инициативой нескольких женщин: М. В. Трубниковой и ее сестрой В. В. Ивашевой (Черкесовой), А. П. Философовой (была председателем в 1861–1863 гг.) и В. Н. Ростовцевой (воглавляла в 1863–1867 гг.). В 1860 году в нем уже насчитывалось 300 членов, а устав был утвержден 3 февраля 1861 года. Эти обеспеченные женщины собрали немалую сумму денег, чтобы снять дом в столице, в котором были созданы маленькие квартиры для нуждающихся женщин, в том числе одиноких, вынужденных бежать из своих семей. В квартирах были организованы общие кухни. Одновременно общество приискивало жилищкам работу, платило за вечернюю школу, оказывало медицинскую помощь. В 1860 году общество насчитывало уже 300 членов, в его кассе было 3000 рублей. К 1861 году оно снимало для беднейших жителей столицы квартиры в разных частях города. В те же 1859–1860 годы начало действовать Общество для оказания материальной помощи беднейшему населению, инициированное М. В. Трубниковой, А. П. Философовой и Н. В. Стасовой, которые ныне именуют «феминистским триумvirатом». На начальном этапе триумvirат вместе с другими инициативными лицами и сторонниками развернул широкую филантропическую и образовательную деятельность, что было характерно для феминизма в период притеснений и ограничения возможностей политической активности. В 1861 году А. П. Философова подготовила документы для открытия в столице первой женской трудовой ассоциации – Общества женского труда, которое начало действовать с 1862 года. В 1863 году в столице М. В. Трубникова

¹ Кавелин К.Д. Собр. соч. Т. II. СПб., 1898. Стб. 1226.

и Н. В. Стасова учредили женскую издательскую артель. С 1864 года в Петербурге открыл двери первый магазин женских рукоделей, принадлежавший женщине, дававший женщинам работу в качестве продавщиц, торговавший швейными инструментами и готовой продукцией (при магазине была открыта и мастерская, где можно было обучиться навыкам шитья).

Вдохновленная просветительскими идеями, русская разночинная интеллигенция старалась представить право на образование отправной точкой любой эмансипации, в том числе и женской. Неслучайно поэтому открытие в Петербурге в 1859 г. первой воскресной школы для женщин, организованной на квартире М. С. Шпилевской, представлялось как вклад в дело женского освобождения. Столица дала пример Перми, Харькову, а с 1862 г – Киеву, Казани, Одессе и иным городам. Однако центральным вопросом оставался вопрос о доступе женщин к высшему образованию. Девушки проникали на занятия в университеты, создавали кружки, в которых читались лекции по естествознанию, медицине. Самые последовательные и юридически подготовленные добивались открытия негосударственных женских курсов. В 1867 году по инициативе М. В. Трубниковой, Н. В. Стасовой, Е. И. Конради и других 100 женщин дворянского звания подписали петицию на имя ректора Петербургского университета с просьбой разрешить им посещение лекций. Одновременно в адрес Первого съезда естествоиспытателей России была подана петиция с просьбой поддержать идею основания Высших женских курсов. И ректор, и съезд выразили сочувствие женщинам, но инициативы их не поддержали.

В течение ближайших трех лет та же инициативная группа составляла все новые и новые прошения и небезуспешно: с 1869 г. начали работу Лубянские курсы в Москве, готовившие учительниц; с 1870 – Владимирские курсы в Петербурге (распорядительница – Н. В. Стасова), поддерживаемые благотворительными сборами. В 1872 году в Петербурге были открыты врачебно-акушерские курсы для женщин при Военно-медицинской академии, а в Москве – Высшие женские курсы В. И. Герье (ныне в их здании на ул. Чайнова расположен РГГУ). В 1878 году в Петербурге открылись самые известные из женских курсов – Бестужевские, названные так по имени профессора-историка К. Н. Бестужева-Рюмина. Завершать же свое образование женщинам приходилось за рубежом – прежде всего в Германии и Цюрихе (в последнем из 1200 иностранных студенток в 1860–1900 гг. более 700 составляли русские). В западных университетах происходило постоянное соприкосновение российских «равноправок» с идеями западного феминизма, которые они порой неосознанно «экспортировали» в Россию, помогая – по возвращении – создавать тайные политические кружки.

Женщины, окончившие курс наук в России или на Западе, как правило, имели проблемы с трудоустройством, и даже созданное в 1893 г.

по инициативе Н. Стасовой Общество вспоможения окончившим курс наук не могло обеспечить работой всех.

Таким образом, в истории русского и западного женского движения было немало *общего*. У их истоков стояли жительницы столичных городов, представительницы обеспеченных слоев. Например, А. П. Философова принадлежала к древнему и богатому роду Дягилевых (и была теткой С. Дягилева, инициатора «Русских сезонов» в Париже). Н. В. Стасова родилась в семье придворного архитектора, первая русская женщина-экономист М. И. Вернадская происходила из зажиточной городской семьи, имевшей собственный дом в Петербурге на Моховой улице. Сестры Трубниковы, которые в 1860-е годы основали в Петербурге издательство, книжный магазин и швейную мастерскую для женщин, были родственницами декабриста В. Ивашева и К. Ледантю, владелицами большого состояния. Все эти небедные представительницы «образованного общества» добровольно жертвовали свои средства на общественные нужды [5]. Социальный состав участниц женского движения в России менялся, от зажиточных к беднеющим и бедным. «Новых женщин» отличала быстрая, преимущественно нисходящая, социальная мобильность, потеря связи со своей средой, утрата средств к существованию, а с ними и моральных установок, идеалов и норм поведения своей прежней среды. «Все пошло в переборку» – популярное выражение тех лет. Как и в Европе, в состав первых женских организаций входили молодые женщины, равно как и пользовались тем, что было создано, тоже юные особы, мечтавшие избавиться от родительской опеки, от «ига семьи». Стремясь к тому, чтобы за ними были признаны гражданские и политические права, первые русские активистки видели пути обретения этих прав через образование и свободный выбор профессии.

Однако, несмотря на многие сходства, в истории рождения русского феминизма было немало *особенного, самобытного*. Начнем с того, что правовое, в том числе имущественное положение россиянок – в отличие от их западноевропейских современниц – было после реформы 1861 г. весьма прочным. Главные споры велись вокруг права на развод и раздельное проживание жен с мужьями, против «адских мучений немилого брака». Перед россиянками стояли не столько задачи борьбы за фиксацию того или иного права или привилегии в законах, сколько за то, чтобы написанное выполнялось (российская деревня жила более по «понятиям» и обычаям, а не по законам)¹. Процедура развода в России была известна с древности, но женщины в силу традиции редко пользовались имеющимися у них привилегиями.

---

¹ Юкина И.И. Деятельность, структура и характерные особенности женских организаций Санкт-Петербурга // Справочник проектов и программ общественных организаций Санкт-Петербурга. СПб., 1995. С. 11–21.

Так что дискуссии юристов о совершенствовании брачного законодательства привели к принятию актов, уравнивавших женщин с мужчинами в праве попечительства над детьми. Кое-какие послабления были даны женщинам и в обосновании права на гражданский брак и раздельное проживание с супругами [3].

Если западные феминистки стремились отделиться от мужской иерархической системы и создать свою, свободную от иерархий и авторитаризма, то русские деятельницы женского движения не противопоставляли себя мужчинам и полагали необходимым использовать в своих целях общественные структуры и движения, инициированные и созданные мужьями, братьями, друзьями. В первую женскую организацию (Общество доставления дешевых квартир и других пособий нуждающимся жителям Санкт-Петербурга) тоже входили несколько мужчин (в числе тех самых 300 членов были Н. И. Ламанский, Н. С. Аленников, Н. И. Шамшин, А. А. Сабуров)¹. Россиянки видели в мужчинах, борющихся за их освобождение, достойных лидеров. «Интеллигентная русская женщина ни в какой форме не желает обособления», – полагали они².

Приобщаясь к оппозиционному общественному движению, россиянки вплоть до начала XX в. не ставили вопроса о своих политических правах; в самодержавной России политически бесправными были многие слои населения, и женщины в этом смысле были в социальном смысле «равны мужчинам», что сильно отличало их от западноевропейских и американских сестер. Начальное женское общественное движение не располагало представителями в государственных организациях и не имело возможности оказывать давление на власть, лоббировать.

Особое своеобразие при этом всем социальным движениям в России придавала тесная связь литературы и публицистики с жизнью. Женское не стало исключением: после выхода в свет романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?» был дан старт созданию женских трудовых ассоциаций и «коммун», а также решению личных и семейных коллизий в духе героев и героинь этого произведения [1, с. 115].

Большинство деятельниц раннего русского феминизма и сами хорошо владели пером, как прозаическим, так и поэтическим (М. Цебрикова, Е. Конради), в Украине женское движение 1860–1900 гг. вообще представлено одними именами писательниц (Н. Кобринская, Е. Ярошинская, О. Кобылянская

---

¹ Философова А.П. Заявление председательницы «Общества дешевых квартир». СПб., 1873; Дмитриевский И.Д. Пятидесятилетие высочайше утвержденного Общества доставления дешевых квартир. 1859–1909. СПб., 1910.

² Шахматова Н.А. Что такое феминизм? Реферат, читанный 17 марта 1912 года в Московском отделении Российской лиги равнопарвия женщин. М., 1912. С. 13.

и другими¹. Литература позволила сформироваться и вызреть на русской почве своеобразному, а именно равноправному отношению к женщине как к «другу по общему делу». Такое отношение было выпестовано церковной книжностью, православными проповедями, которые сформировали в русских женщинах культ внутренней сосредоточенности и самоотдачи [2, с. 3–8]. Социально значимые поступки женщин из века в век рассматривались как проявление «женских качеств» – «жертвенного», «личного» (сходные поступки мужчин квалифицировали бы как «доблестное» или «геройское»).

В России (в сравнении с Западной Европой) внимание к вопросам пола и сексуальности было куда меньшим, равно как и почитание женщины как воплощения женственности. Такое почитание русские активистки именовали «духовным гетто» (А. Тыркова), «шелковыми силками» (М. Н. Покровская), которые удерживали женщин на привычных социальных ролях – соблазнительницы, жены, домохозяйки. Эмансипация прочитывалась в России как освобождение от стереотипных социальных ролей, как профессиональная самореализация и девиз «Помощь трудом!», начертанный на Доме трудолюбия для образованных женщин (1896 г. в Петербурге), мог бы стать девизом всего женского движения в стране.

Иным – по сравнению с Западом – было и благотворительное направление российского женского движения. «Целесообразнейшая, единственно рациональная форма благотворительности должна состоять в предоставлении нуждающимся оплачиваемого труда, а не в милости, не в даровой помощи», – утверждал созданный в 1900 г. журнал «Женское дело». Если в Германии и Франции благотворительные организации занимались более обучением женщин тому, как им стать лучшими матерями, женами, домохозяйками, как содержать в чистоте жилище, то в России благотворительницы относились к женщинам как к самостоятельным труженицам, которые должны были рассчитывать на собственные силы. Такие формы благотворительности приносили их инициаторам опыт лидерства и повышения самооценки.

Пример созданных М. Трубниковой, Н. Стасовой, А. Философовой Общества дешевых квартир (1859) и Женской издательской артели (1863) оказался продолженным множеством организаций подобного рода (Знаменской коммуной В. Слепцова, артелью-прачечной госпожи Гаршиной, Домами трудолюбия, где женщины – в отличие от артелей – могли еще и жить, обществами взаимопомощи... К рубежу веков Россия опередила другие европейские страны по качеству и разнообразию профессий, доступных женщинам [7, р. 87]. Если в Германии и Франции благотворительные организации занимались более обучением женщин тому, как им стать лучшими

---

¹ Луценко Е. История женского движения в Украине // Жеребкина И. (отв. ред.). Теория и история феминизма. Харьков, 1996. С. 372.

матерями, женами, домохозяйками [6, р. 578], то в России благотворительницы относились к женщинам как к самостоятельным труженицам. Такие формы благотворительности приносили их инициаторам опыт лидерства и повышения самооценки, а он, в свою очередь, заставил отойти на второй план или вовсе оставить в прошлом «салоны» и «домашние кружки».

Наличие тесной связи с революционно-демократическим движением также отличает «русский феминизм». Если «шестидесятницы» (Н. Корсини, Н. Сулова, М. Богданова, М. Трубникова, Н. Стасова) были не столько революционерками, сколько создательницами полулегальных предприятий, то «семидесятницы» (С. Перовская, В. Засулич, В. Фигнер, С. Бардина, А. Ободовская) оказались уже связанными с радикальной ветвью российского освободительной борьбы, неслучайно, 18 женщин входили в состав «Земли и воли». В 1880-е годы и позже, когда пути российского феминизма и марксизма разошлись навсегда, идеалы либерального понимания вопроса об освобождении женщин отставали Е. Чебышева-Дмитриева, А. Шабанова, А. Тыркова, О. Буланова-Трубникова – и они же стояли у истоков создания на рубеже XIX и XX веков первых законченно женских общественно-политических объединений – Женского просветительного общества (1898), Московского общества улучшения участи женщин (1899). Благодаря их активности в России в 1900–1904 гг. начали регулярно выходить в свет политические журналы «Женское дело», «Женская гигиена» (1902), а также самый известный – «Женский вестник» (1904), просуществовавший до запрета большевиками (1918 г.) более 14 лет [5].

Именно эти, перечисленные выше особенности женского движения в России позволили в начале XX в. сделать новый рывок – и создать целое созвездие женских политических организаций – Союз равноправности женщин (1905), Женский политический клуб (1906), Женскую прогрессивную партию (1906), Женский клуб при женской прогрессивной партии (1906), Российскую лигу равноправия женщин (1907), Петербургский женский клуб (1908), Общество охранения прав женщин (1910). Именно им женщины России должны быть благодарны за предоставление им права участвовать в выборах без различия пола, которое эти защитницы женских прав («равноправки») в буквальном смысле вырвали у Временного правительства в июне 1917 года.

На волне успешности второй русской буржуазно-демократической революции, заставившей пасть российское самодержавие и породившей политическое двоевластие, «равноправки» заставили председателя Совета министров Временного правительства кн. Г. Е. Львова взять на себя ответственность и подтвердить, что под «всеобщим избирательным правом» Временное правительство будет понимать избирательное право и для женщин. Так в Положении о выборах в Учредительное собрание появилась

запись о всеобщем избирательном праве «без различия пола». Признание россиянок равноправными субъектами политической жизни – заслуга женского либерально-демократического движения¹.

---

¹ Пушкарева Н.Л. Феминизм в России: формы женской социальной активности // Пушкарева Н.Л. (ред. и сост.). Женская история. Гендерная история. Теория и исследования: учебное пособие. Калуга, 2001.

Список литературы

1. Паперно И. Николай Чернышевский – человек эпохи реализма. М., 1996.
2. Пушкарева Н.Л. Ценностные ориентации русских в доиндустриальную эпоху (на примере образа идеальной супруги) // Женщины и общество. Вопросы теории, методологии и социальных исследований. Ижевск, 1998.
3. Семидеркин Н.А. Введение гражданского брака в России // Вестник МГУ. Сер. II (право). 1982. № 1.
4. Юкина И.И. «Новые женщины»: мотивы участия в женском движении // Российские женщины и европейская культура: материалы V конференции, посвященной теории и истории женского движения / сост. и отв. ред. Г.А. Тишкин. СПб. : Санкт-Петербургское философское общество, 2001. С. 118–126.
5. Юкина И.И. Русский феминизм как вызов современности. СПб., 2007.
6. Lindenmeyr A. Public Life, Private Virtues: Women in Russian Charity, 1762–1914 // Signs. 1993. Spring. P. 578.
7. Stites R. Women's Liberation's Movement in Russia. Feminism, Nihilism, and Bolshevism. 1860–1930. Princeton, 1978. P. 87.

Статья поступила в редакцию 15.05.2020;
одобрена после рецензирования 08.07.2020; принята к публикации 14.07.2020.

Об авторах

Пушкарева Ирина Михайловна

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник-консультант, Институт российской истории РАН, Российская Федерация, г. Москва, pushkarev@mail.ru

Пушкарева Наталия Львовна

доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра этногендерных исследований, Институт этнологии и антропологии РАН, Российская Федерация, г. Москва, pushkarev@mail.ru

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

References

1. Paperno I. Nikolai Chernyshevskii – chelovek epokhi realizma [Nikolai Chernyshevsky – a man of the era of realism]. Moscow, 1996. (In Russ.).

2. Pushkareva N.L. Tsennostnye orientatsii russkikh v doindustrial'nyuyu epokhu (na primere obraza ideal'noi suprugi) [Value orientations of Russians in the pre-industrial era (on the example of the image of an ideal wife)]. *Zhenshchiny i obshchestvo. Voprosy teorii, metodologii i sotsial'nykh issledovaniy* = Women and Society. Questions of theory, methodology and social research, Izhevsk, 1998. (In Russ.).
3. Semiderkin N.A. Vvedenie grazhdanskogo braka v Rossii [Introduction of civil marriage in Russia]. *Vestnik MGU. Ser. II (pravo)* = The Moscow University Herald. Series 11. Law, 1982, no. 1. (In Russ.).
4. Yukina I.I. «Novye zhenshchiny»: motivy uchastiya v zhenskom dvizhenii [“New women”: motives for participation in the women's movement]. *Rossiiskie zhenshchiny i evropeiskaya kul'tura: materialy V konferentsii, posvyashchennoi teorii i istorii zhenskogo dvizheniya* = Russian women and European culture: materials of the 5th conference on the theory and history of the women's movement, compiled and edited by G.A. Tishkin, Saint Petersburg, St. Petersburg Philosophical Society Publ., 2001, pp. 118–126. (In Russ.).
5. Yukina I.I. Russkii feminizm kak vyzov sovremennosti [Russian feminism as a challenge of our time]. Saint Petersburg, 2007. (In Russ.).
6. Lindenmeyr A. Public Life, Private Virtues: Women in Russian Charity, 1762–1914. *Signs*, 1993, spring, p. 578. (In Eng.).
7. Stites R. Women's Liberation's Movement in Russia. Feminism, Nihilism, and Bolshevism. 1860–1930. Princeton, 1978, p. 87. (In Eng.).

The article was submitted 15.05.2020;
approved after reviewing 08.07.2020; accepted for publication 14.07.2020.

About the authors

Irina M. Pushkareva

Dr. Sci. (History), Leading Research Fellow-Consultant, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, pushkarev@mail.ru

Nataliya L. Pushkareva

Dr. Sci. (History), Full Professor, Centre of Ethnic and Gender Research, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, pushkarev@mail.ru

All authors have read and approved the final manuscript.

ПУБЛИКАЦИЯ МАТЕРИАЛОВ**PUBLICATION OF MATERIALS**

УДК 930.2

DOI 10.30914/2227-6874-2020-13-153-204

**Актуализация отечественной историографии Англии
в начале Великой Отечественной войны
(к публикации текста С. И. Архангельского
«Роль русских историков в разработке истории Англии»
(август 1941 г.))**

А. А. Кузнецов, О. В. Селиванова

Статья предваряет публикацию большого текста крупного советского историка С. И. Архангельского. Текст представляет собой обзор персонального изучения истории Англии в России во второй половине XIX – первой половине XX веков. Этот обзор был написан в августе 1941 года. Уже два месяца шла Великая Отечественная война. Предлог к написанию – заключение советско-британского соглашения о совместной борьбе с нацистской Германией. Предлагаемый к публикации текст С. И. Архангельского был написан им для «Исторического журнала». Обзор опубликован не был по неизвестным причинам. В статье осмысливается опыт изучения истории Англии и Британии с 1870-х гг. по 1941 год. Автором доказывается тезис, что в России – СССР сформировалась крупная научная школа по изучению английской истории, подобная «Русской школе» изучения прошлого Франции. «Русская школа» изучения Англии была представлена М. М. Ковалевским, П. Г. Виноградовым, Д. М. Петрушевским, А. Н. Савиным, Е. А. Косминским, С. И. Архангельским и В. М. Лавровским. Текст представляет собой и рефлексию С. И. Архангельского о своей роли в постижении истории Англии. Публикация делается по рукописи-автографу статьи С. И. Архангельского в 1941 г. «Роль русских историков в разработке истории Англии». Доказывается, что С. И. Архангельский после 1943 г. вернулся к этой статье, чтобы издать ее под названием «Социальная история Англии в монографиях русских историков». В связи с этим он сократил текст. Однако потом он отказался от этого решения. Вероятно, в 1949 г. С. И. Архангельский отказался от идеи издания текста и положил его в свой домашний архив.

Ключевые слова: история Англии, русские историки, С. И. Архангельский, Великая Отечественная война, «русская школа» изучения Англии, советско-британский союз против нацистской Германии

Благодарности: авторы выражают признательность за ценные советы и помощь при подготовке публикации заведующему Отделом археографии Института славяноведения РАН, кандидату исторических наук Андрею Васильевичу Мельникову.

Для цитирования: *Кузнецов А.А., Селиванова О.В.* Актуализация отечественной историографии Англии в начале Великой Отечественной войны (к публикации текста С. И. Архангельского «Роль русских историков в разработке истории Англии» (август 1941 г.)) // Запад – Восток. 2020. № 13. С. 153–204. DOI: <https://doi.org/10.30914/2227-6874-2020-13-153-204>

**Actualization of the Russian historiography of England
at the beginning of the Great Patriotic War (to the publication
of the text by S. I. Arkhangelsky “The role of Russian historians
in the development of the history of England” (August 1941))**

A. A. Kuznetsov, O. V. Selivanova

The article precedes the publication of a large text by the prominent Soviet historian S. I. Arkhangelsky. The text is a review of a personal study of the history of England in Russia in the second half of the 19th – first half of the 20th century. This review was written in August 1941. The Great Patriotic war had been going on for two months. The pretext for writing was the conclusion of the Soviet-British agreement on joint struggle with Nazi Germany. The text of S. I. Arkhangelsky proposed for publication was written for the “Historical Journal”. The review was not published for unknown reasons. The article reflects on the experience of studying the history of England and Britain from the 1870s to 1941. The author proves the thesis that a large scientific school for the study of English history, similar to the “Russian school” for the study of the past of France, was formed in Russia – the USSR. The “Russian school” of studying England was represented by M. M. Kovalevsky, P. G. Vinogradov, D. M. Petrushevsky, A. N. Savin, E. A. Kosminsky, S. I. Arkhangelsky and V. M. Lavrovsky. The text is also a reflection of S. I. Arkhangelsky on his role in understanding the history of England. The publication is based on the autographed manuscript of the article of 1941 “The role of Russian historians in the development of the history of England”. It is proved that S. I. Arkhangelsky returned to this article after 1943 to publish it under the title “Social history of England in monographs of Russian historians”. In this regard, he shortened the text. However, he later abandoned this decision. Probably in 1949, S. I. Arkhangelsky abandoned the idea of publishing the text and put it in his home archive.

Keywords: the history of England, Russian historians, S. I. Arkhangelsky, the Great Patriotic War, the “Russian school” of English studies, the Soviet-British Alliance against Nazi Germany

Acknowledgments: the authors are grateful for the valuable advice and assistance in preparing the publication to the head of the Department of Archeography of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Candidate of Historical Sciences Andrey Vasilievich Melnikov.

For citation: *Kuznetsov A.A., Selivanova O.V.* Actualization of the Russian historiography of England at the beginning of the Great Patriotic War (to the publication of the text by S. I. Arkhangelsky “The role of Russian historians in the development of the history of England” (August 1941)). *West – East*. 2020, no. 13, pp. 153–204. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30914/2227-6874-2020-13-153-204>

Сергей Иванович Архангельский (1882–1958), выпускник историко-филологического факультета Московского университета, в конце 1924 г. переехал в провинциальный Нижний Новгород, где только несколькими годами ранее появился первый вуз, где не было соответствующих архивов и книжных собраний, изучать аграрное законодательство Английской революции. В 1938 году он защитил докторскую диссертацию, в 1935 и 1940 гг. издал две монографии по данной проблематике. Одним из существенных внутренних импульсов выбора темы стало желание русского интеллигента понять роль и место революции в истории России. Пережившему 1917 год и бури установления нового строя историку надо было определить значение в истории России. Однако непредвзято изучать в СССР 1920–1930-х гг. этот вопрос было невозможно из-за создания ее канона, отсутствия полноценного источникового комплекса и допуска к этой теме только положительно зарекомендовавших себя в глазах советской власти историков. Была заполнена «русской школой» Н. И. Кареева ниша исследования Великой Французской буржуазной революции. И само по себе это событие XVIII в. было эталоном, по успехам и ошибкам которого «сверяли часы» лидеры революции и Советского государства.

С. И. Архангельский обратил внимание на аграрный аспект Английской революции неслучайно. Ведь именно крестьянский вопрос В. И. Ленин называл «гвоздем Русской революции», и так – через типологию – можно было ее постичь. А у самого С. И. Архангельского до выхода первой публикации по английской истории в 1930 г. вышло 6 статей по истории аграрного движения в Нижегородской губернии.

Подтверждает гипотезу о мотивах выбора темы диссертации и то, что с 1940 г. С. И. Архангельский приступил к изучению внешней политики

«революционной Англии» – по сути революции в международных отношениях, произведенной внешней политикой Оливера Кромвеля. История СССР диктовала С. И. Архангельскому тематику исследований. Параллели с переворотом, вызванным внешней политикой РСФСР – СССР, к концу 1930-х гг. были очевидны: привнесение мощного идеологического фактора, новаторство плеяды дипломатических работников, восстановление утраченных имперских позиций в новых одеждах «экспорта революции» [5]. Последнее должно было вселять уверенность в душу бывшего дворянина и настоящего интеллигента, что революционные события имели смысл.

В своем восприятии советского опыта С. И. Архангельский укрепился с Победой 1945 года. А в 1946 году за англоведческие исследования он был избран членом-корреспондентом АН СССР. Но до этого были и первые месяцы войны – растерянность из-за отступлений, тревожная неопределенность будущего и прочее. Именно тогда – в июле – августе 1941 г. – Архангельскому было предложено написать для «Исторического журнала» статью об англоведческой научной традиции в России-СССР. Об этом свидетельствуют авторские надписи С. И. Архангельского на листах, предваряющих рукопись-автограф его статьи «Роль русских историков в разработке истории Англии» (то же дело содержит машинописный вариант этого текста «Социальная история Англии в монографиях русских историков»)¹: «Начата 7/VIII окончена 16/VIII 1941 г. и тогда же послана», «Статья С. И. Архангельского для Исторического журнала»² (в предшествующей статье авторов была допущена опечатка в номере дела: ошибочно 285 вместо правильного 235 [7, с. 214]).

И здесь, как кажется, не обошлось без прямой исторической политики. Но сначала об одной исторической случайности: текст С. И. Архангельского был завершен и отправлен в журнал 16.08.1941. В этот же день вышел Приказ Ставки ВГК № 270, который можно считать первым изводом знаменитого Приказа «Ни шагу назад!». «Бывают странные сближенья».

Стремительность написания объемного текста могла быть вызвана властным заказом. 12.07.1941 было заключено советско-британское соглашение о совместных действиях в войне против Германии. Это событие было очень заметным – после двух лет политико-дипломатического противостояния Кремля и Уайтхолла из-за договора о ненападении 1939 года. Резкий разворот надо было объяснить обществу СССР. Подобное явление было и в 1914–1917 годах. Тогда усилиями английских журналистов Российская империя сменила сложившийся имидж дикого соперника на образ

¹ Архив Российской академии наук. Ф. 1530. Оп. 1. Личный фонд С. И. Архангельского. Д. 235. Л. 1–72; 73–126.

² Там же. Д. 235. Л. 1, 3.

цивилизированной страны [1]. А С. И. Архангельский, будучи сотрудником Нижегородской архивной комиссии, мог слушать на ее совместном с Городской думой заседании речь А. А. Кизеветтера 08.05.1916, доказывавшего историко-культурное единство Антанты схожестью опытов: народ в лице Жанны д'Арк, короля Альфреда Великого, Кузьмы Минина спасал свои страны от завоевания [10].

Подобное происходило в СССР 1941 г., и С. И. Архангельскому могли предложить подготовить статью. Косвенно об этом может свидетельствовать название, фигурирующее на рукописи – с акцентом на *роль русских ученых* в постижении Англии. Этот текст не был издан, но в № 10/11 за 1941 г. «Исторический журнал» опубликовал статью Е. А. Косминского «Роль русских историков в разработке истории Англии» [2]. Публикация – с идентичным названием – коллеги и единомышленника С. И. Архангельского подтверждает тезис о своеобразном политическом заказе.

Труд С. И. Архангельского (1,75 п.л.) состоит из 8 глав. Глава I содержит материал об условиях возникновения в России и поддержания в СССР интереса к «британике». Главы II–VIII посвящены И. П. Сокальскому и М. М. Ковалевскому, П. Г. Виноградову, Д. М. Петрушевскому, А. Н. Савину, Е. А. Косминскому, С. И. Архангельскому, В. М. Лавровскому соответственно. Авторский прием – представление отечественных историков через монографии (эту особенность сам автор, наверное, позже понял и попытался отразить в названии уже второго варианта текста, заменив в его названии «Социальная история Англии в работах русских историков» первоначальное слово «работах» на «монографиях»). Видимо, для С. И. Архангельского полноценное движение науки определялось фундаментальными томами, а статьи и публикации были подготовительным этапом. Именно поэтому время до 1870-х гг., когда, по мнению С. И. Архангельского, проявилась англоведческая традиция, было периодом складывания условий для нее – в виде переводов и первых небольших работ.

Еще одним способом ограничения обширного материала стала преемственность творцов англоведческой традиции: лекции И. П. Сокальского «... слушал М. М. Ковалевский» – П. Г. Виноградов стал «достойным продолжателем» М. М. Ковалевского – «Оба вначале ... состояли профессорами Московского университета...» – «Виноградов... стал крупнейшим специалистом... по истории раннего английского феодализма. Разработку вопросов, связанных с историей английского феодализма на более поздней стадии его развития... вел Д. М. Петрушевский, бывший профессор Московского университета» – «Как и Дм. М. Петрушевский, А. Н. Савин принадлежал к школе историков, воспитанных П. Г. Виноградовым» – ученики А. Н. Савина продолжили «изучение социальной истории Англии», начатое М. М. Ковалевским и П. Г. Виноградовым; «...остановимся на монографии

Ев. Ал. Косминского..., которая... близка к тем вопросам социальной истории Англии, которыми занимались П. Г. Виноградов и Дм. М. Петрушевский» – «Да и вся аграрная история Англии XVII века сравнительно мало привлекала к себе внимание... Все это побуждало С. И. Архангельского поставить основной задачей начатого исследования выяснение тех перемен, которые внесла английская революция в землевладение» – «Это “Парламентские огораживания общинных земель в Англии конца XVIII – начала XIX века”. Ее автор – ученик А. Н. Савина Вл. М. Лавровский».

Эта «поколенная роспись» скрепляется и связью каждого из указанных историков с Московским университетом. Так под пером С. И. Архангельского рождалась «школа англоведческих исследований» с ее идейной неразрывностью, родовой преемственностью через Московский университет. Обоснован вывод: «...русские историки, посвятившие труды социальной истории Англии, дали связную цепь исследований... В изучении французской революции, по преимуществу аграрного вопроса, существует русская школа (*école russe*), представленная именами Н. И. Кареева, М. М. Ковалевского, Ив. В. Лучицкого, Е. В. Тарле, Е. Н. Петрова...; не меньше оснований говорить и о русской школе в изучении социальной истории Англии». Важным аргументом в пользу этого заключения были сквозные замечания С. И. Архангельского о том, что новаторские достижения российских историков были не под силу их британским коллегам.

Увы, обоснование С. И. Архангельским термина «русская школа» в англоведении не было обнаружено. Заявление о «русской школе» англоведения, увидев свет текст С. И. Архангельского даже в 1950–1970-е гг., могло бы стать этапом движения к подобному выводу: «русская историческая школа» – цельное системное научное сообщество, стоящее на схожих методологических и идеологических позициях, исследующее проблемы всемирной истории для поиска эффективного и приемлемого для России исторического опыта [9, с. 292] – без разделения на страноведческие составляющие. Да, С. И. Архангельский развел франко- и англоведение, но после выявления в 1941 г. «французской» и «английской» школ началось бы их сравнение и обнаружение общих черт, контактов, влияний. Неслучайно у С. И. Архангельского М. М. Ковалевский фигурирует в обеих «школах». А в строках С. И. Архангельского о продолжении им савиновских штудий повторяется фраза из письма Н. И. Кареева ему [7, с. 216]. Н. И. Кареев же в 1924 г. ответил на вопрос С. И. Архангельского о перспективности изучения им аграрного законодательства Английской революции¹, а в 1927–1929 гг. читал «английские» тексты С. И. Архангельского, консультировал его [5].

¹ Центральный архив Нижегородской области. Ф. Р-6299. Оп. 1. Личный фонд С. И. Архангельского. Д. 183. Л. 1–1 об.

В цитате о единой «русской школе» значима мысль о том, что изучение всеобщей истории проводилось российскими историками для поиска нужного их стране исторического опыта. Этот мотив двигал героями текста С. И. Архангельского. Характерно их распределение по партийной симпатии: П. Г. Виноградов сочувствовал и кадетам, и октябристам; М. М. Ковалевский – один из основателей партии прогрессистов; Д. М. Петрушевский, А. Н. Савин и С. И. Архангельский разделяли программу кадетов. И сам С. И. Архангельский отметил, что в дореволюционной России «интерес к Англии был проявлением своеобразного либерализма».

Личностное начало придает научной статье С. И. Архангельского творческий характер и раздвигает ее академические рамки. Он оставляет «за скобками» то, что непосредственным учителем П. Г. Виноградова был В. И. Герье, Д. М. Петрушевского – И. В. Лучицкий, а сам он студентом занимался у Р. Ю. Виппера историей Флоренции. Ему важнее то, что тот или иной ученый состоялся в историографии Англии под влиянием предшественника, что так выстроенная преемственность покрывает изучение истории Англии от XI в. до XIX века. И тут С. И. Архангельский предвосхитил дискуссии о школообразующих факторах начала XXI в. – связка «учитель – ученик» или общие проблематика, идейно-методологические подходы. И С. И. Архангельский явил себя сторонником второго, новаторского для своего времени, подхода, позволяющего чувствовать духовные и интеллектуальные сопряженности всех поколений историков. А в этом кроется посыл к грядущему выводу о цельности «русской школы» и определяется личное отношение С. И. Архангельского к историографии и предшественникам. Это «диалоговая» историография, не в узком жанре (рецензии, отзывы), не с прицелом на обобщающий труд, подобно компендиумам Н. Л. Рубинштейна или О. Л. Вайнштейна. С. И. Архангельский, изучая тексты и научный вклад историков, исследует сюжеты, позволяющие ему определить свое место в научной генеалогии, осмыслить значение своих штудий в потоке исторической традиции, воздать благодарность учителям и ученым, влияние которых он испытал [6, с. 180].

С. И. Архангельский многих героев своей статьи знал лично. Лекции П. Г. Виноградова, Д. М. Петрушевского он слушал, с Д. М. Петрушевским переписывался с 1926 г. до лета 1942 г., с Е. А. Косминским, В. М. Лавровским общался и переписывался с 1920-х годов. Лекции А. Н. Савина С. И. Архангельский посещал и работал с его рукописями, что и отметил в обзоре.

Эти обстоятельства позволяют отнести статью и к документам личного происхождения [7, с. 216–217]. Острая ситуация начала войны, неопределенность будущего для пожилого ученого, приближавшегося к 60-летнему рубежу, обострили его рефлексию по поводу своего места в большой научной и культурной традиции, в постижении революции

и истории своей страны. Такое настроение первого года войны выразила коллега С. И. Архангельского И. И. Любименко в письме из Ленинграда (13.03.1942): «Настроение у меня не плохое..., а кто знает, мож[ет] б[ыть] Вам придется писать мой некролог!» [8, с. 24]. Конечно, блокадный Ленинград не сравнить с Горьким начала войны, но война вынуждала подводить итоги. Итоги собственного научного пути и соотнесения прошлого своей Родины с историей Англии... Раздумья же определили историко-антропологический характер историографического нарратива, что не вписывалось в классические рамки советского научного текста.

Художественно-культурная ипостась статьи С. И. Архангельского обусловила ее академические недостатки. Они заметны при сравнении со статьей Е. А. Косминского. Тот представил англоведческую традицию более широким потоком, идущим со времен Екатерины II, охватывающим и петербургские (ленинградские) штудии, монографии и статьи, культурный интерес русских литераторов, журналистов и революционных демократов.

Е. А. Косминский обозначил и демаркационную линию: *«Великая Октябрьская социалистическая революция поставила перед исторической наукой в СССР новые задачи. Перед советскими историками стала во весь рост задача пересмотра всего наследия буржуазно-исторической науки с позиций марксизма-ленинизма и организации дальнейшей исследовательской работы в тех направлениях, которые диктовались задачами пролетарской революции»* [2, с. 96]. А для С. И. Архангельского Революция 1917 г., исторический материализм – лишь факторы, среди прочих влияющих на почти герменевтическое развитие российской традиции англоведения: *«М. М. Ковалевский слишком близко стоял к Карлу Марксу, чтобы не заметить своекорыстные элементы в господстве помещичьего класса»*; В. М. Лавровский использовал «ленинское деление» крестьянства; и главное: *«... за время от 70 г. XIX до 40 г. XX века сменилось три философско-исторических направления: позитивизм, риккерттианство, исторический материализм. Но эта смена не помешала преемственности в темах разработки социальной истории Англии и... одно поколение историков продолжало работу другого»*; затертые общеизвестные положения: *«когда произошла Октябрьская социалистическая революция, когда утвердилась советская власть, интерес к истории Англии сохранился, но факты английского прошлого стали открываться исследователю их с неизвестной дотоле стороны, стали говорить с ним на другом языке»*; *«общее, что в себе заключают новейшие русские монографии по истории Англии, вышедшие в свет в период 1922–1941 гг.... – ... в центре внимания современных историков стоит проблема зарождения и развития английского капитализма и связанная с этим судьба английского крестьянства и рабочего класса»*.

Эта статья, посланная в августе 1941 г. из Горького в Москву, наверное, затерялась в военной суматохе почтовых отправок, спешке эвакуации. И Е. А. Косминский, не дождавись ее, вероятно, был вынужден написать свой вариант для «Исторического журнала».

Археографическая гипотеза

В 1941 году после предложения написать статью С. И. Архангельский быстро сделал общий черновой вариант. Очевидно, несколько его фрагментов читаются на оборотах некоторых листов рукописи статьи¹. Они по смыслу совпадают и текстуально близки отдельным частям рукописного и машинописного вариантов. Готовя окончательный вариант обзора «Роль русских историков в разработке истории Англии», С. И. Архангельский для рукописи использовал листы бумаги, на одной стороне которых уже имелись записи (учебные материалы, выписки, тексты предыдущих статей); несколько листов напечатаны на машинке. Это обстоятельство можно объяснить дефицитом бумаги летом 1941 г. – начало войны и, кроме того, отпуска.

После создания предполагаемого чернового текста С. И. Архангельский на его основе быстро написал статью с четкой структурой, со ссылками на страницы книг историков... Эта статья явлена в рукописном варианте². В него С. И. Архангельский вносил поправки – стилистические, логическо-смысловые, уточняющие... Эта корректировка производилась, когда готовился машинописный вариант для быстрой отправки в Москву. Наверное, он печатался с диктовки С. И. Архангельского, с ходу замечавшего и устранявшего неточности. Напечатанный вариант был послан в «Исторический журнал» и ныне его надо считать утерянным. Возможно, его отдельные листы попали в рукопись, поскольку оказались по каким-то причинам негодными для отправки в «Исторический журнал». И автор заменил ими соответствующие рукописные.

Статья не была опубликована. Позже автор вернулся к ней. И появилась машинопись, отложившаяся наряду с автографом в фонде С. И. Архангельского³. Очевидно, она печаталась неспециалистом, допустившим многочисленные ошибки в передаче имен британских историков, пропуски в связи с названиями зарубежных работ, путаницу, например, между копигольдом и копигольдером. С. И. Архангельский собственноручно внес ряд исправлений и заполнил многие лакуны, но часть ошибочного набора так и не была выверена. Возможно, историк отложил это на потом, но не вернулся более

¹ Архив Российской академии наук. Ф. 1530. Оп. 1. Личный фонд С.И. Архангельского. Д. 235. Л. 64-об., 66-об., 67-об., 68-об.

² Там же. Д. 235. Л. 1–72.

³ Там же. Д. 235. Л. 73–126.

к тексту. В машинописном варианте нет указаний страниц в скобках применительно к цитатам и упоминаниям той или иной монографии, как в рукописи. Был исключен фрагмент рукописного текста, содержащий информацию о В. М. Лавровском, – первый пространный абзац VIII части (главы). В этом фрагменте аннотировались статьи В. М. Лавровского, предшествующие выходу его книги. С. И. Архангельский мог исключить его, когда изменил название текста в машинописи – «Социальная история Англии в работах русских историков». Но предварительно С. И. Архангельский внес в рукопись лист, где чернилами, отличными от рукописи, было написано новое название и указано, что статья для «Исторического журнала»¹. В машинописном варианте в предложении про Д. М. Петрушевского («...бывший профессор Московского университета, ныне академик») слово «ныне» чернилами исправил на «позднее»². Это указывает на то, что правил машинопись С. И. Архангельский не раньше 1943 г. (Д. М. Петрушевский умер 12.12.1942).

Объяснить эти факты можно так. Автор убедился в том, что публикация не состоялась, но вышла статья коллеги Е. А. Косминского под омонимичным названием. Поэтому С. И. Архангельский решил довести дело до конца и издать самостоятельный текст. Под прежним названием это сделать было нельзя. Проанализировав свой труд, С. И. Архангельский, исключил оттуда лист, где давался анализ статей В. М. Лавровского, и дал другой заголовок – «Социальная история Англии в работах русских историков» и, вероятно, отдал его машинистке. Получив машинопись, он, просмотрев текст еще раз, уточнил его название на титульном листе, заменив «работы» на «монографии» – «Социальная история Англии в монографиях русских историков». На том же титульном листе машинописи значилось «С Т А Т Ь Я С. И. АРХАНГЕЛЬСКОГО для Исторического журнала»³. Все это было сделано в период 1943 г. (смерть Д. М. Петрушевского в конце 1942 г.) – сентябрь 1945 г. («Исторический журнал» стал журналом «Вопросы истории»). Советско-британское военно-политическое сотрудничество было в разгаре, и статья С. И. Архангельского соответствовала моменту. Однако автор по неизвестным причинам отказался от замысла: не завершил корректировку ошибок и опечаток набора, не внес справочный аппарат.

Не доведенный до завершения машинописный вариант хранится в фонде С. И. Архангельского вложенным в газету «Правда» от 05.09.1949 (№ 248). На ней с внешней стороны рукой С. И. Архангельского приписано «История

¹ Архив Российской академии наук. Ф. 1530. Оп. 1. Личный фонд С.И. Архангельского. Д. 235. Л. 2.

² Там же. Д. 235. Л. 91.

³ Там же. Д. 235. Л. 72.

Англии в работах русских и советских ученых». Это – уже третье название его обзора (но заголовки рукописного и машинописного вариантов были сохранены). Объяснить это можно тем, что С. И. Архангельский сделал все это во время своеобразного приведения в порядок своего архива. И подтолкнуть его могло к этому ухудшение здоровья. Как раз в 1949 г. у него начались серьезные проблемы с сердцем, и в письме от 16.05.1949 И. И. Любименко писала С. И. Архангельскому: «Если Ваше заболевание совпало с ... научными переживаниями, то оно может быть нервного характера; если же есть что-либо органическое, то хороши Эссендуки... Относительно нападок на Вас старайтесь относиться философски; тут ведь, увы, много личного, зависти к успехам, к большому числу работ»¹. В письме от 30.05.1949 И. И. Любименко повторила эту мысль². Причиной стремительного ухудшения самочувствия С. И. Архангельского стали необоснованные нападки и обвинения в космополитизме, пик которых пришелся на 22.04.1949 [3]. Если это предположение верно, то С. И. Архангельский в сентябре 1949 г. или чуть позже, разбирая свои бумаги, навсегда вернул в газету оба варианта текста с их сохраненными названиями, надписав еще одно на газете.

Изначальный текст статьи 1941 г. сохранился в рукописи. Его С. И. Архангельский отдал для публикации в «Историческом журнале» под названием «Роль русских историков в разработке истории Англии». Машинопись же представляет собой готовившийся, но незавершенный, для печати вариант с заглавием «Социальная история Англии в монографиях русских историков», поэтому рукописный вариант статьи С. И. Архангельского «Роль русских историков в разработке истории Англии», которую он отправил для издания в «Историческом журнале» в августе, отражает его авторскую волю. Это обстоятельство положено в основу данной публикации. Лист, находившийся в рукописи между листами 3 и 4 архивной пагинации, утерян, и при публикации восполнен соответствующим текстом из статьи «Социальная история Англии в монографиях русских историков»³. Статья С. И. Архангельского «Роль русских историков в разработке истории Англии» публикуется по рукописи с согласованием разночтений смыслового характера с текстом «Социальная история Англии...» (машинописный вариант) – указаны в публикации. Пунктуация автора и порядок написания терминов, английских имен и названий, принятых в 1941 г., сохранены.

¹ Центральный архив Нижегородской области. Ф. Р-6299. Оп. 1. Личный фонд С. И. Архангельского. Д. 215. Л. 66–66 об.

² Там же. Д. 215. Л. 67.

³ Архив Российской академии наук. Ф. 1530. Оп. 1. Личный фонд С.И. Архангельского. Д. 235. Л. 73–74).

***

Данная публикация – второй подступ к введению в научный и культурный оборот замечательного текста С. И. Архангельского. При первой попытке [11; 12] за основу был взят машинописный вариант. Он был создан позже 1943 г., сокращен по сравнению со статьей, отправленной С. И. Архангельским для публикации в 1941 г., «избавлен» от справочного аппарата, имеет ряд невыправленных С. И. Архангельским ошибок, разночтений и неточностей и не был доведен до уровня полноценной академической публикации. При издании машинописного текста произвольно, без обоснования было изменено его название – «История Англии в работах русских и советских ученых» (использованы название архивного дела и рукописный заголовок на газете «Правда»). Данные обстоятельства также обуславливают опубликовать именно полную статью (а не ее незавершенный вариант) С. И. Архангельского «Роль русских историков в разработке истории Англии» по рукописи, содержащей текст, который ученый хотел издать в грозном 1941 году.

Список литературы

1. Зашихин А. Лев + медведь. За кого сражались англичане, когда сражались за русского царя // Родина. 1993. № 8–9. С. 124–126.
2. Косминский Е.А. Роль русских историков в разработке истории Англии // Исторический журнал. 1941. № 10–11. С. 89–99.
3. Кузнецов А.А. «Ошибки космополитического порядка налицо...»: к истории одной идеологической кампании в г. Горьком // Альманах по истории Средних веков и раннего Нового времени. Вып. 2. Н.-Новгород, 2011. С. 70–91.
4. Кузнецов А.А. Письма Н. И. Кареева С. И. Архангельскому // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2017. Вып. 58. С. 88–104. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28863636> (дата обращения: 06.06.2020).
5. Кузнецов А.А. Преломление политической истории первой половины XX в. в научном творчестве С. И. Архангельского // Всеобщая история и историческая наука в XX – начале XXI века: сборник статей и сообщений: в 2 т. Т. 1. Казань : Изд-во Казанского ун-та, 2020. С. 218–223.
6. Кузнецов А.А., Селиванова О.В. «Вы были и остаетесь неутомимым работником нашей советской исторической науки» (комментарии к переписке историков С. И. Архангельского и И.Н. Бороздина) // Ученые записка Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2019. Т. 161. Книга 2–3. С. 170–187. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41438367> (дата обращения: 6.06.2020). DOI: <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2019.2-3.170-187>
7. Кузнецов А.А., Селиванова О.В. Неопубликованный текст С.И. Архангельского «Роль русских историков в разработке истории Англии» («Социальная история Англии в работах русских историков»): историографический труд и эго-документ // Всеобщая история и историческая наука в XX – начале XXI века: сборник статей и сообщений: в 2 т. Т. 1. Казань : Изд-во Казанского университета, 2020. Т. 1. С. 213–218.

8. Кузнецов А.А. Блокада Ленинграда в коммуникативных связях историка С. И. Архангельского. Приложение: Письмо И. И. Любименко С. И. Архангельскому от 13.03.1942 // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2018. № 3. С. 23–24. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35214196> (дата обращения: 6.06.2020).

9. Мягков Г.П. Научное сообщество в исторической науке: опыт «русской исторической школы». Казань : Изд-во Казанского университета, 2000. 298 с.

10. Речь профессора А. А. Кизеветтера на совместном заседании Городской Думы Нижнего Новгорода и архивной комиссии в память 300-летия со дня смерти Минина 8 мая 1916 г. // Смутное время и земские ополчения в начале XVII века. К 400-летию создания Первого ополчения под предводительством П. П. Ляпунова. Рязань, 2011. С. 274–278. (перепубликовано: Мининские чтения: сб. научных трудов по истории Восточной Европы в XI–XVII вв. Нижний Новгород, 2011. С. 11–17).

11. Федосеева К.В. «Русская школа» социальной истории Англии (сравнение взглядов С. И. Архангельского и Е. А. Косминского на роль русских и советских историков в разработке истории Англии) // Творческая лаборатория историка: горизонты возможного (к 90-летию со дня рождения Б.Г. Могильницкого). Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. В 2 ч. Томск, 2019. С. 397–403. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42318702> (дата обращения: 6.06.2020).

12. Федосеева К.В. С. И. Архангельский «История Англии в работах русских и советских ученых» 1941 г.: публикация и комментарий // Современные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации. Сборник статей IX Международной научно-практической конференции: в 2 ч. Пенза, 2019. С. 183–205. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41358936> (дата обращения: 6.06.2020).

Статья поступила в редакцию 11.07.2020;
одобрена после рецензирования 08.08.2020; принята к публикации 14.08.2020.

Об авторах

Кузнецов Андрей Александрович

доктор исторических наук, профессор кафедры культуры и психологи предпринимательства Института экономики и предпринимательства Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, Российская Федерация, г. Нижний Новгород, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3914-301X>, nalbuz@mail.ru

Селиванова Ольга Владимировна

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, руководитель Отдела комплектования личными фондами ученых и их научного описания Архива Российской академии наук, Российская Федерация, г. Москва, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9158-5259>, olya84@list.ru

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

References

1. Zashikhin A. Lev + medved'. Za kogo srazhalis' anglichane, kogda srazhalis' za russkogo tsarya [Lion + Bear. Who did the British fight for when they fought for the Russian Tsar]. *Rodina* = *Rodina*, 1993, no. 8–9, pp. 124–126. (In Russ.).

2. Kosminsky E.A. Rol' russkikh istorikov v razrabotke istorii Anglii [The role of Russian historians in the development of the history of England]. *Istoricheskii zhurnal* = Historical journal, 1941, no. 10–11, pp. 89–99. (In Russ.).

3. Kuznetsov A.A. «Oshibki kosmopoliticheskogo poryadka nalislo...»: k istorii odnoi ideologicheskoi kampanii v g. Gor'kom [“Mistakes of the cosmopolitan order are obvious...”: on the history of one ideological campaign in Gorky]. *Al'manakh po istorii Srednikh vekov i rannego Novogo vremeni* = Almanac on the history of the Middle Ages and early Modern Times, issue 2, N.-Novgorod, 2011, pp. 70–91. (In Russ.).

4. Kuznetsov A.A. Pis'ma N.I. Kareeva S.I. Arkhangel'skomu [N. I. Kareev's letters to S. I. Arkhangel'sky]. *Dialog so vremenem. Al'manakh intellektual'noi istorii* = Dialog with Time. Almanac of intellectual history, 2017, issue 58, pp. 88–104. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28863636> (accessed 06.06.2020). (In Russ.).

5. Kuznetsov A.A. Prelomlenie politicheskoi istorii pervoi poloviny XX v. v nauchnom tvorchestve S.I. Arkhangel'skogo [Refraction of the political history of the first half of the XX century in the scientific work of S. I. Arkhangel'sky]. *Vseobshchaya istoriya i istoricheskaya nauka v XX – nachale XXI veka: sbornik statei i soobshchenii* = Universal history and historical science in the XX – early XXI century: collection of articles and reports, in 2 vol., vol. 1, Kazan: Publ. house of Kazan University, 2020, pp. 218–223. (In Russ.).

6. Kuznetsov A.A., Selivanova O.V. «Vy byli i ostaetes' neutomimym rabotnikom nashei sovetskoj istoricheskoi nauki» (kommentarii k perepiske istorikov S.I. Arkhangel'skogo i I.N. Borozdina) [“You have always been and still remain an indefatigable servant of the soviet historical science” (commentaries on S.I. Arkhangel'sky and I.N. Borozdin's letters to each other)]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki* = Proceedings of Kazan University. Humanities Series, 2019, vol. 161, book 2–3, pp. 170–187. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41438367> (accessed 06.06.2020). (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2019.2-3.170-187>

7. Kuznetsov A.A., Selivanova O.V. Neopublikovannyi tekst S.I. Arkhange'skogo «Rol' russkikh istorikov v razrabotke istorii Anglii» («Sotsial'naya istoriya Anglii v rabotakh russkikh istorikov»): istoriograficheskii trud i ego-dokument [Unpublished text of S. I. Arkhangel'sky “The role of Russian historians in the development of the history of England” (“Social history of England in the works of Russian historians”) historiographical work and ego-document]. *Vseobshchaya istoriya i istoricheskaya nauka v XX – nachale XXI veka: sbornik statei i soobshchenii: v 2 t.* = Universal history and historical science in the XX–early XXI century: collection of articles and messages: in 2 vol., Kazan : Publ. house of Kazan University, 2020, vol. 1, pp. 213–218. (In Russ.).

8. Blokada Leningrada v kommunikativnykh svyazyakh istorika S.I. Arkhangel'skogo. Prilozhenie: Pis'mo I.I. Lyubimenko S.I. Arkhangel'skomu ot 13.03.1942 [The blockade of Leningrad in the communicative ties of the historian S.I. Arkhangel'sky. Attachment: Letter of I.I. Lyubimenko to S.I. Arkhangel'sky from 13.03.1942]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* = Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod, 2018, no. 3, pp. 23–24. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35214196> (accessed 6.06.2020). (In Russ.).

9. Myagkov G.P. Nauchnoe soobshchestvo v istoricheskoi nauke: opyt «russkoi istoricheskoi shkoly» [Scientific community in historical science: experience of the “Russian historical school”]. Kazan, Publ. house of Kazan University, 2000, 298 p.

10. Rech' professora A.A. Kizevettera na sovместnom zasedanii Gorodskoi Dumy Nizhnego Novgoroda i arkhivnoi komissii v pamyat' 300-letiya so dnya smerti Minina 8 maya 1916 g.

[Speech of Professor A.A. Kizeveter at a joint meeting of the City Duma of Nizhny Novgorod and the Archive Commission in memory of the 300th anniversary of Minin's death on May 8, 1916]. *Smutnoe vremya i zemskie opolcheniya v nachale XVII veka. K 400-letiyu sozdaniya Pervogo opolcheniya pod predvoditel'stvom P.P. Lyapunova* = Time of Troubles and Zemstvo militias in the early XVII century. To the 400th anniversary of the creation of the first militia under the leadership of P.P. Lyapunov, Ryazan, 2011, pp. 274–278 (republished: Minin readings. Collection of scientific papers on the history of Eastern Europe in the XI–XVII centuries, Nizhny Novgorod, 2011, pp. 11–17).

11. Fedoseeva K.V. «Russkaya shkola» sotsial'noi istorii Anglii (sravnenie vzglyadov S.I. Arkhangel'skogo i E.A. Kosmin'skogo na rol' russkikh i sovetskikh istorikov v razrabotke istorii Anglii) [Russian school of social history of England (comparison of views of S. I. Arkhangel'sky and E. A. Kosmin'sky on the role of Russian and Soviet historians in the development of the history of England)]. *Tvorcheskaya laboratoriya istorika: gorizonty vozmozhnogo (k 90-letiyu so dnya rozhdeniya B.G. Mogilnitskogo). Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem. V 2 chastyakh* = Historian's creative laboratory: horizons of the possible (to the 90th anniversary of the birth of B.G. Mogilnitsky). Materials of the All-Russian scientific conference with international participation. In 2 parts, Tomsk, 2019, pp. 397–403. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42318702> (accessed 06.06.2020). (In Russ.).

12. Fedoseeva K.V. S. I. Arkhangel'sky «Istoriya Anglii v rabotakh russkikh i sovetskikh uchenykh» 1941 g.: publikatsiya i kommentarii [S. I. Arkhangel'sky's "History of England in the works of Russian and Soviet scientists" 1941: publication and commentary]. *Sovremennye nauchnye issledovaniya: aktual'nye voprosy, dostizheniya i innovatsii. Sbornik statei IX Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii: v 2 ch* = Modern scientific research: current issues, achievements and innovations. Collection of articles of the IX International scientific and practical conference: in 2 parts, Penza, 2019, pp. 183–205. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41358936> (accessed 06.06.2020). (In Russ.).

The article was submitted 11.07.2020;
approved after reviewing 08.08.2020; accepted for publication 14.08.2020.

About the authors

Andrey A. Kuznetsov

Dr. Sci. (History), Associate Professor of the Department of Culture and Psychology of Entrepreneurship of the Institute of Economics and Entrepreneurship of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3914-301X>, nalbuz@mail.ru

Olga V. Selivanova

Ph. D. (History), Senior Research Fellow, Head of the Department of Acquisition of Scientists' Personal Archival Funds and Their Scientific Description, ARAS, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9158-5259>, olya84@list.ru

All authors have read and approved the final manuscript.

* * *

Роль русских историков в разработке истории Англии

Начата 7/VIII окончена 16/VIII 1941 г. и тогда же послана

Социальная история Англии работах русских историковстатья С.И. Архангельского для Исторического журналаⁱ

I

Интерес к истории Англии в русском обществе до начала 70-х годов XIX века удовлетворялся изданием переводных работ, таких как Огюстена Тьерри¹ «История завоевания Англии норманнами» (1859 г.), Гизо² «История английской революции» (1860 г.), Маколея³ «История Англии от восшествия на престол Якова II» (1864 г.), Карреля⁴ «История контрреволюции в Англии при Карле II и Якове II» (1866 г.), Луи Блана⁵ «Письма об Англии». В 70-е годы выходят в свет на русском языке Бокль⁶ «История цивилизации в Англии» и Генрих Мэн⁷ «Общины востока и запада». В наших толстых журналах за тот же период помещались статьи о внешней и социальнойⁱⁱ политике Англии, о восстании сипаев в Индии, о движении фениев в Ирландии. Оригинальных работ по истории Англии почти не появлялось. Такие произведения как «Англия в XVIII веке» (публичная лекция Вызинского⁸ в 1860 году), «Личность и характер Оливера Кромвеля» Осокина⁹ (1868 г.), «Генерал Монк» (пробная лекция Лучицкого¹⁰ в 1870 г.) были редкостью.

Между тем в столичных и провинциальных университетах уже существовали кафедры всеобщей истории, и разработка вопросов по истории Англии входила в их прямую задачу. История Англии стала все более привлекать к себе всеобщих историков *своеобразным строем своих социальных порядков и политических учреждений, отличавшихся от стран континента, наличием хорошо сохранившихся богатейших архивов, какими не располагают другие государства, возможностью сравнить и дополнить выводы, полученные из изучения прошлого других стран, на основании реконструкции английского прошлого. Помимо этих теоретико-познавательных интересов, родившихся в эпоху господства позитивизма и увлечения новой наукой об обществе, социологией, здесь действовали и другие мотивы.*

Историка, жившего в стране, только что освободившейся от крепостного труда, но сохранившей обособленное положение крестьянства и земельную общину, интересовали английские социальные отношения, как более прогрессивная, но уже готовая форма жизни. Резкий контраст

ⁱ Эти две строки написаны С. И. Архангельским на отдельном листе чернилами, отличными по цвету от тех, какие были использованы в рукописи.

ⁱⁱ В машинописи вместо «социальной» стоит «национальной».

между русским самодержавно-бюрократическим строем и английской парламентарной монархией, между узаконенным произволом и господством права также привлекал к себе внимание не только историков, но и всех противников самодержавия в России. Интерес к Англии был проявлением своеобразного либерализма. «Русские либералы и отчасти консерваторы давно уже, с 60 годов XIX века», – говорил П.Г. Виноградов¹¹, «стали интересоваться Англией, знакомиться с ее государственным строем и парламентской жизнью»ⁱⁱⁱ.

Позднее, когда произошла Октябрьская социалистическая революция, когда утвердилась советская власть, интерес к истории Англии сохранился, но факты английского прошлого стали открываться исследователю их с неизвестной дотоле стороны, стали говорить с ним на другом языке. «Зрелище прошлого осталось то же, но зритель стал другим, и он занимал другое место». Эти слова Гизо всегда невольно приходят на память, когда констатируешь крупные сдвиги в историографии.

Если мы попытаемся определить то общее, что в себе заключают новейшие русские монографии по истории Англии, вышедшие в свет в период 1922–1941 гг., то едва ли будет натяжкой сказать, что в центре внимания современных историков стоит проблема зарождения и развития английского капитализма и связанная с этим судьба английского крестьянства и рабочего класса. Эта проблема составляет общий внутренний стержень, объединяющий монографии и исследовательские статьи, сюжеты которых взяты из различных эпох английской истории от XIII до XIX века^{iv}.

Вместе с этим надо отметить, что работы объединяет не только общность историко-философского построения и метода, но и более повышенные требования к самой обработке привлекаемых источников. Дело в том, что социальная история Англии перестала представляться современным исследователям однородным процессом. Появился запрос на предварительные локальные изыскания. Их результаты вели к тому, что к общим выводам стали подходить более осторожно, с большим количеством оговорок. Эта черта новых исследований по истории Англии особенно хорошо выступает в монографии «Английская деревня XIII века» Е.А. Косминского¹².

ⁱⁱⁱ Поскольку второй лист из автографа был утерян еще при передаче фонда С. И. Архангельского (либо еще раньше), то здесь он приводится по машинописному варианту (л. 74, 74) и выделен курсивом.

^{iv} Обнаружен фрагмент из первого чернового варианта статьи на обороте листа: *«вместе с тем, как изменился сам изучающий в связи с новыми задачами социалистического общества [зачеркнуто – строительства] так изменился и самый интерес к истории Англии: в центре внимания стала проблема зарождения и развития английского капитализма и связанная с капитализмом судьба английского крестьянства и рабочего класса. Повысилась требовательность к методологической стороне исследования. Социальная история».*

Социальная история Англии становится все более и более конкретной, облекается плотью и кровью и все более отходит от того социологизирования, которое выступало особенно ярко в работах М.М. Ковалевского¹³ и отчасти даже у П.Г. Виноградова, этих подлинных основоположников изучения истории Англии у нас.

II

Первая монография по истории Англии появилась в России^v в свет в 1872 году. Это была небольшая книжка, докторская диссертация на тему «Англо-саксонская сельская община», изданная в количестве 300 экземпляров. Ее автором был Ив.П. Сокальский¹⁴, профессор Харьковского университета по кафедре политической экономии, прочитавший первым в России курс истории экономических школ в 1858–1859 году. Его лекции слушал М.М. Ковалевский, впоследствии он дал о них положительный отзыв. Что побудило Сокальского написать специальную работу об англо-саксонской общине? По этому вопросу Сокальский говорил: «Первые начала судеб англосаксов имеют много общего с нашими судьбами. Сходные черты могут служить объяснениями нашего прошлого, а отчасти и того, на какой почве мы стоим, куда идем». С другой стороны Ив. П. Сокальского интересовал аграрный кризис, переживаемый тогда Англией, борьба между либеральным и радикальным течением в аграрном вопросе, между Кобденовским клубом¹⁵ и Лигой земли и труда¹⁶, которая стремилась восстановить общинное владение землей. Сокальский считал, что общинное землевладение может быть выходом из положения для Англии. Его интересовала первобытная англосаксонская община, свободно существовавшая до норманнского завоевания, положившего начало для феодализма; его интересовало разрушение общины в XVI–XVII веках и его гибель в XVIII веке. В диссертации Сокальского уже ясно звучал тот лейтмотив, который мы встретили в русских работах по истории Англии в 80 и 90 годы XIX века и в первой половине XX века вплоть до наших дней. Русские историки по преимуществу разрабатывали аграрную историю Англии, останавливались на исторических судьбах английского крестьянства, на взаимных отношениях манориального и общинного начал.

Эта черта выступает у такого крупного исследователя и большого знатока социальной и политической истории Англии, каким являлся М.М. Ковалевский. «Это был один из первых русских ученых, узнавших Великобританию, как она есть, в великом разнообразии ее общественных течений и типов. Он изучал реальную, а не книжную Англию»^{vi}. Характеризуя

^v В машинописи исправлено «у нас» на «в России».

^{vi} Вписано карандашом «Речь Виноградова». Из сборника: М.М. Ковалевский – ученый, государственный и общественный деятель и гражданин // Сборник статей. Петроград: Артист. заведение т-ва А.Ф. Маркс, 1917 (обл. 1918). 274 с.

М.М. Ковалевского, П.Г. Виноградов между прочим отметил, что М.М. Ковалевский, подобно англичанам, несколько враждебно относился к той цеховой организации университетских знаний, которая выработалась в Германии. У него самого была резко выражена склонность к самостоятельным исследованиям вне установленных рамок, чувствовалась смелая инициатива и способность к широким обобщениям. Никаких признаков работы ремесленного характера у него не было видно. Обе его диссертации, магистерская и докторская, были посвящены темам английской истории средних веков. Слушая в Париже лекции Гнейста¹⁷ по истории английских политических учреждений, он не мог согласиться с той обрисовкой местного английского самоуправления, которую ему давал Гнейст. Гнейст оттолкнул М.М. Ковалевского тем, что он гнул английские порядки, чтобы подвести их под прусские образцы: что он, слабо зная английские источники, был схематичен. « У него король и чиновники», писал М.М. Ковалевский, – «какие-то бесплотные бесстрастные существа»(32).

Он не мог согласиться с тем, что земельная аристократия –необходимое условие для существования самоуправления (self government).

М. М. Ковалевский слишком близко стоял к Карлу Марксу, чтобы не заметить своекорыстные элементы в господстве помещичьего класса (Виноградов)^{vii} и чтобы согласиться с Гнейстом, что в органах самоуправления политика лендлордов подчиняется интересам государства. Первая диссертация М.М. Ковалевского была названа «О полицейской администрации (полиции безопасности) и полицейского суда в английских графствах с древнейших времен до смерти Эдуарда III». Прага, 1877 г. Для этой работы М.М. Ковалевский использовал протоколы вотчинных судов XIII и XIV века и пришел к выводу, что полицейское самоуправление в Англии в существенных чертах уже сложилось к концу XIV века и в нем главная роль была в руках тех землевладельческих классов, которые решили исход борьбы за Великую хартию вольностей¹⁸.

Слияние в один народ англосаксов и норманнов, наступившее не ранее конца XII века, кладет начало перенесению отдельных административных функций с назначенных провинциальных управителей на вновь созданные должности, к замещению которых призваны местные дворяне – это коронеры, констебли, хранители мира (*conservatores pacis*), будущие мировые судьи XIV века. К их обязанностям присоединяется право суда по всем раскрываемым ими проступкам. Они действовали коллегиально на малых и на так называемых четвертных сессиях с середины XIV века. Изучение английского местного самоуправления усилило интерес М.М. Ковалевского

---

^{vii} Вставка карандашом.

к английской конституции, и он высоко оценил работу Стеббса¹⁹, «Конституционная история Англии», который, по его словам, является критиком Гнейста и очищает исторические факты от того искажения, которому они подвергались в сочинении прусского историка. «Я с тем большим интересом прочел изложение профессором Стеббсом средневековых судеб английского самоуправления, что нашел в нем решительное подтверждение тех взглядов, которые на этот счет были высказаны мной за год до появления второго тома Конституционной истории»^{viii}.

В 1880 году М.М. Ковалевский опубликовал свою докторскую диссертацию под названием «Общественный строй Англии в конце средних веков».

В этой диссертации был обрисован экономический строй, сословия и классы Англии, какими они были в XV веке. В основу исследования М.М. Ковалевский положил архивные и печатные документы, манориальные ренталии²⁰ были широко использованы, хотя и не подверглись систематическому изучению. Сочинения юристов Литльтона²¹, Брактона²² и Фортескью²³, летопись Росеуса родом из Уорвика²⁴, отчет венецианского посла Андреа Тревезиано, прибывшего в Англию в 1497 году²⁵, протоколы вотчинных судов, переписка семьи Пастонов, незадолго перед этим опубликованная Гардинером²⁶; протоколы и ордонансы Тайного королевского Совета²⁷, опубликованные под редакцией Николаса²⁸, парламентские свитки – таков круг разнообразных источников, использованных автором. Содержание диссертации шире ее заглавия: в каждом разделе автор подходит к изучаемому им явлению XV века как к фазису длительного исторического процесса. Экономические факты, как распределение земельной собственности в Англии, начавшееся обезземеливание крестьян, появление фермерства, преобладание мелкого производства и промышленности, обширная торговля шерстью и шерстяными изделиями, громадные богатства, накопленные церковью, – все эти факты занимают в работе М.М. Ковалевского центральное место. Социальные отношения должны стать понятными только в свете приведенных автором экономических фактов. Эта мысль выражена первыми словами диссертации: «историку, который желал бы представить картину внутреннего быта той или другой страны в ту или другую эпоху ее существования, необходимо остановиться прежде всего на вопросе о распределении в ней недвижимой собственности. Эта последняя всегда являлась и доселе является одним из материальных фундаментов всякого господства, общественного и политического; от сосредоточения ее в руках того или иного сословия зависело и зависит^{ix} распадение общества на влиятельные и невлиятельные классы, чем меньше

^{viii} Вставка карандашом «Англ[ия] и ее нов[ая?] [история] 61».

^{ix} В машинописи отсутствует слово «зависит».

число собственников, чем однохарактерней их состав, тем сильнее сословный гнет; чем больше их, тем больше равенства в обществе» (1). Эта мысль, выраженная еще в XVII веке Гаррингтоном²⁹, – ключ для понимания основной исторической концепции автора. Изучаемый автором XV век английской истории – исходный момент процесса обезземеления светской аристократией всех других сословий. В XV веке Англия становится уже той образцовой страной крупного землевладения, какой она остается и в настоящее время (46–47).

Среди обширного круга изучаемых М.М. Ковалевским социальных явлений его особое внимание привлекает историческая судьба английского крестьянина. Вторая глава диссертации, названная «Система поземельных держаний», выясняет положение крепостных крестьян в Англии, постепенное вырождение крепостнических отношений в деревне, рост фермерских держаний и огораживаний, что ведет к крестьянскому обезземелению. Это последнее стоит в тесной связи с распадом старинного общинного землевладения. Поэтому так важен вопрос о характере общинного землевладения. М.М. Ковалевский не удовлетворен работой немецкого историка Нассе «Die mittelalterliche Feldgemeinschaft in England»³⁰, так как он не воспользовавшись протоколами вотчинных судов того времени, не мог обрисовать как следует характер общинного землевладения в Англии. «Мне кажется, – пишет автор, – что самое название настоящей главы возлагает на меня обязанность восполнить по возможности оставленный им пробел, и что читатель поэтому не посетует за некоторые, быть может, мелкие подробности насчет этого, постоянно занимавшего меня вопроса» (98).

М.М. Ковалевский подробно останавливается на видах общинных угодий в Англии и отношении к ним законодательства. К положению различных разрядов английского крестьянства он возвращается в другом месте своей работы и рисуя различные формы крепостнической эксплуатации и считая неправильным вывод некоторых историков о слабости крепостного права в Англии (327).

Следует отметить, что и на положение сельских рабочих XV века было обращено автором внимание. Их годовой заработок не превышал в течение всего столетия 15–20 шиллингов, не считая в этом числе издержек на одежду, пищу и питье, т.е. от 3,5 до 4 шиллингов» (194). Их ряды замыкали женщины и дети с еще более низкой оплатой труда; первые с десятью, вторые с шестью шиллингами годового дохода. Обе диссертации М.М. Ковалевского ставили и разрешали крупнейшие вопросы социально-политической истории Англии средних веков и подводили к пониманию основ современного строя этой страны. Конечно, многие моменты английской средневековой истории в настоящее время изучены полнее и детальнее, но тогда, когда М.М. Ковалевский писал свои специальные

исследования, еще отсутствовали труды таких английских историков, как Мэтленд³¹, Кеннингем³², Эшли³³, а Роджерс³⁴ только начал издавать свою «Историю земледелия в Англии». Во многих отношениях он был новатором; ему принадлежала в России инициатива изучения прошлого Англии на основании архивных материалов. Это изучение он продолжил, и социальная история Англии заняла очень видное место в его трехтомной работе «Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства», а политическая история и история политических учений Англии была им освещена в его тоже трехтомной работе «От прямого народовластия к представительному и от патриархальной монархии к парламентаризму». В первой из них он остановился на процессе образования крупных поместий в Англии и поглощении ими свободной общинной собственности, на эволюции английского поместья XII–XIV века, на крестьянском восстании времени Ричарда II, на секуляризации монастырской собственности в XVI веке, на падении надельной системы и мирского пользования угодьями, наконец, на цеховом строе и на экономических последствиях черной смерти, в частности, на законодательстве о рабочих в середине XIV века.

Во второй своей трехтомной работе М.М. Ковалевский уделил наибольшее внимание английской политической литературе XVI–XVII веков, кризису английской конституции в середине XVII века и отражению этого кризиса в области общественных и политических учений. Но и более ранние политические учения (Фортеस्कью) и более поздние (Локк³⁵) также нашли свое место в этой работе. Подробный анализ того исключительно богатого содержания, которое заключают в себе эти два трехтомника для истории Англии, потребовал бы отдельной статьи.

Отметив это обстоятельство, переходим к достойному продолжателю М.М. Ковалевского П.Г. Виноградову.

III

В биографии М.М. Ковалевского и П.Г. Виноградова есть одна общая черта. Оба в начале своей ученой деятельности состояли профессорами Московского университета, но оба оказались неугодными министерству народного просвещения. Если М.М. Ковалевский был уволен по 3-му пункту за политическую неблагонадежность, то П.Г. Виноградов, не доводя дела до увольнения, уехал за границу и вскоре получил кафедру в Оксфордском университете, после смерти Генриха Мэна. Он принял английское подданство³⁶.

Свою задачу как исследователя он определял тем, что его в первую очередь интересовали не социологические построения, пока шаткие или чисто словесные, а установление причинной зависимости между отдельными рядами исторических фактов. Он изучал факты социально-экономической

и правовой истории Англии, которые были нужны ему для понимания феодализма. Феодализм стоял в центре его научной любознательности. В то время, когда он писал свою магистерскую диссертацию «Происхождение феодальных отношений в Ломбардской Италии» 1880 года, еще продолжались споры германистов с романистами по вопросу о генезисе феодализма. П.Г. Виноградов высказывался в том смысле, что и романский, и германский элементы одинаково участвуют в образовании феодального порядка, но при этом каждый играет свою специальную роль: «Один подготавливает общественное строение феодальной Италии, другой создает ее в политическом отношении» (337). С 1883 года П.Г. Виноградов начал свою работу над изучением происхождения английского феодализма. Он занимался в центральном лондонском архиве и Британском музее. Здесь ему удалось открыть неизвестный дотоле памятник «Сборник судебных протоколов» XIII века, составленный для юриста Брактона³⁷, изданный впоследствии Мэтлендом³⁸.

Изучая первоисточники, он искал ответа на свой основной вопрос о зарождении феодализма в области социально-экономических и правовых порядков Англии XI–XIII веков. В его время существовали два противоположных взгляда на социально-экономическую и правовую эволюцию феодальной Англии^x. Если упомянутый выше Нассе нашел в Англии деревенскую земельную общину и разрушение ее устоев видел в огораживаниях XVI века, то Сибом³⁹ утверждал, что социальное развитие Англии начинается не со свободной земельной общины, а с рабства, от которого Англия постепенно освобождалась; Сибом приписывал определяющую роль римскому рабскому поместью в развитии аграрного строя Англии. Виноградов в своей русской работе «Исследования по социальной истории Англии в средние века» 1887 г.⁴⁰ и в английской книге «Villainage in English»⁴¹ 1892 г. возражал Сибому и опровергал его теорию, видя в средневековом крепостничестве не продолжение рабства эпохи римской оккупации, а новообразование, возникшее благодаря манору, т[о] е[сть] феодальному поместью. Через манориальный строй осуществлялась власть лорда над зависимым от него населением. Это зависимое население было некогда свободным, составляя деревенские общины. Сам манор есть новообразование недавнего происхождения; он – амальгама, в которой можно найти более древний элемент, деревенскую аграрную общину и поздний вотчинный порядок. С течением времени эта амальгама усиливалась:

---

^x Зачеркнуто в тексте: «Его интересовал вопрос о происхождении и развитии английского феодализма. Ответа он искал в области социально-экономических и правовых порядков Англии XI–XIII веков. Его предшественники смотрели на социально-экономическую и правовую эволюцию феодальной Англии с двух противоположных точек зрения».

хозяйство деревенской земельной общины и хозяйство лорда уже не стояли особняком друг от друга, а тесно переплетались между собой. Виноградов продолжал свою работу над изучением структуры английского феодализма, давая блестящие примеры исторического анализа и синтеза. В 1908 году он опубликовал на английском языке свое новое исследование, примыкавшее к двум предыдущим «Английское общество в XI веке» (*English society in the eleventh century*), составленное на основании анализа данных «Книги страшного суда», этой подробнейшей экономической описи 36 английских графств 1086 года⁴². Интересуясь всегда юридическим оформлением социально-экономических порядков, Виноградов и на этот раз отмечает элементы англо-саксонского права в землевладении новой знати Англии; влияние французского права, заимствованного королями норманнской династии из практики норманнского герцогства, на гражданские отношения; влияние на военную организацию скандинавского обычного права, хотя последнее трудно проследить по всей полноте благодаря отсутствию письменных памятников и наличию одной лишь традиции (41; 404; 36–38). Работой синтезирующего характера обычно признается его «Средневековое поместье в Англии» (С. Петербург 1911 года), вышедшее несколько раньше на английском языке под заглавием «*The growth of the manor*». «Я попытался дать в этой работе общий очерк развития манора, как социального института, проходящего через все стадии английской истории. Но мне пришлось сделать самостоятельный выбор между спорными теориями и аргументами и установить возможно более ясно те руководящие идеи, с которыми, по моему убеждению, должны сообразоваться подробности» (5). В этой работе П.Г. Виноградов выходит за рамки того периода истории Англии, который он до сих пор так усердно и успешно изучал; он дает здесь не только эволюцию манориального строя за XI–XII века, но ищет зародышей манориального строя в кельтской родовой организации, в римском завоевании и в англосаксонской деревенской общине, в разложении ее старинной надельной системы и системы общего поля. Скептически настроенный историк юрист Мэтленд признавал манор скорее фискальной единицей, чем социально-экономической организацией. «Относительно деталей мы можем ошибаться, но, что этот термин (*manorium*) имеет техническое значение, связанное со сбором датских денег, в этом не может быть никакого сомнения» (128).

Вопреки этой точке зрения у П.Г. Виноградова мы находим совершенно другое определение манора. «Манор есть, во-первых, поместье, окруженное держаниями, во-вторых, он является комбинацией управляющих классов и подчиненных классов, военных и рабочих; и, наконец, в-третьих, он служит единицей местного управления» (293).

Манор – «некоторое постоянное сочетание сельского населения с господской усадьбой или доменом». Манор не есть изобретение досужливого человека; он никем не был изобретен; он развивался из потребностей самой жизни, целого ряда человеческих поколений. В отношении другого важнейшего средневекового института, именно деревенской земельной общины в Англии, П.Г. Виноградов также выставил четыре тезиса, отличавшиеся от точки зрения немецких и английских исследователей, как Мейцен⁴³, Гирке⁴⁴, Мэтленд. П.Г. Виноградов писал:

1. «Права, обязанности и форма организации сел вытекают из своеобразных особенностей системы общинных полей. 2. Давление сеньоров и правительства значительно видоизменило организацию сел и придало ей более грубые формы, но само по себе не являлось ее причиной и может объяснить многих ее особенностей. 3. При оценке юридического значения сельской общины приходится в такой же степени принимать во внимание манориальный юридический обычай, как и общее право королевских судов. 4. Реальные приурочения и автоматизм могут многое объяснить в процессе закрепления обычаев и приемов, но они совершенно не объясняют, каким образом возникли и изменялись те и другие. Из жизни села нельзя устранить элемент сознательной кооперации и сознательной организации» (316). П.Г. Виноградов допускал возможность сравнения английской деревенской общины с немецкой и французской, но поддерживал своеобразие английского варианта развития. Результатом общинной организации было не равенство и не постоянные переделы, а система долевого держания и основанная на обычае хозяйственно-правовая традиция. Эта община не устраняла возможности для роста индивидуального богатства, она не могла предупредить обеднение и разорение отдельных лиц и дворов. Это очень важный вывод для понимания дальнейшей эволюции английской деревни XIII–XIV века; на этом вопросе остановились позднейшие русские исследователи истории английского феодализма Дм. М. Петрушевский и Ев.А. Косминский.

Итак, П.Г. Виноградову удалось в этой синтетической работе, подводящей итог многолетним исследованиям, еще раз показать, как частное хозяйство лорда и его манориальное право явились лишь наслоением на старинные коллективные формы землепользования и соответствовавшие им обычаи. Одновременно с этим П.Г. Виноградов очень убедительно показал натурально-хозяйственные основы манориального строя. Когда в буржуазной историографии обнаружили новые течения, был поставлен под знак вопроса общепринятый научный метод в исторических исследованиях, когда начался пересмотр тех достижений и выводов, которые сделала историческая наука, развивавшаяся под знаменем философии позитивизма, П.Г. Виноградов остался на своих прежних позициях, продолжал быть верен

тому «положительному знанию», которому он так добросовестно и серьезно служил, как в молодости, так и в зрелые годы своей жизни, как на кафедре Московского университета, так и в Оксфорде, куда занесла его судьба, после того, как он не считал для себя возможным оставаться в России, где его взгляды на роль университета оказались слишком либеральными.

IV

П.Г. Виноградов стал известен своими исследованиями по социальной истории Англии XI–XIII века всему^{xi} историческому миру; ссылки на его работы встречались у историков, писавших на самых разнообразных языках Европы. Он стал крупнейшим специалистом и общепризнанным авторитетом по истории раннего английского феодализма. Разработку вопросов, связанных с историей английского феодализма на более поздней стадии его развития, которая граничит с его разложением, вел Д.М. Петрушевский, бывший профессор Московского университета, ныне^{xii} академик. Его диссертация была посвящена английскому обществу XIV века. Она носит заглавие более узкое «Восстание Уота Тайлера». Впервые была издана в 1897–1901 году в виде двух томов, впоследствии она переделывалась автором и переиздавалась в 1914 году и в 1927 году⁴⁵ уже в виде одного тома.

Работа Дм. М. Петрушевского по времени своего появления предшествует двум последним крупным монографиям П.Г. Виноградова «The growth of the manor» и «The English society in XI century». В то время как П.Г. Виноградов оставался верен принципам позитивизма, Дм. М. Петрушевский в период от первого издания своей монографии до последнего в 1927 году изменил свои воззрения на задачу и метод исторической науки и стремился в связи с этим сделать для себя «более ясным социологическое существо феодальных соотношений»; он признал неправильным деление феодализма на феодализм политический и социальный, заявив, что феодализм только определенная форма государственного устройства, опирающаяся на организованную государственной властью систему политически соподчиненных государственных тяглых сословий.

Вместе с этим, под влиянием известных работ Допша⁴⁶, посвященных социально-экономической истории Западной Европы III–IX века, Д.М. Петрушевский отказался от концепции натурального хозяйства применительно к раннему средневековью и утверждал, что англо-саксонская эпоха уже хорошо знала денежное обращение и обложение, англо-саксонские глафорды⁴⁷ (сеньоры) получали деньгами часть следуемых им поступлений с зависимых от них людей (148). Он считает, что манор как хозяйственная

^{xi} В машинописи вставлено «ученому».

^{xii} В машинописи «ныне» исправлено на «позднее».

организация всегда был связан с рынком и вел свое хозяйство, как предприятие, преследовавшее коммерческие цели; по своим задачам вотчинное хозяйство было меновым и денежным (109). Дм. М. Петрушевский доказывает, что на местном рынке сбывал свои излишки и крестьянин; иначе он бы не мог делать своему сеньору тех денежных взносов, которые под различными наименованиями фигурируют в пестром списке его вотчинных повинностей уже с очень отдаленных времен (108). Эти соображения открывают для Дм. М. Петрушевского возможность оторвать феодализм от наступательно-хозяйственной его основы и рассматривать его как политическое образование. В свете этих новых взглядов на феодализм он изменил свое мнение как о сущности феодализации Англии, так и о сущности разложения английского феодализма. В связи с этим третье издание книги Дм. М. Петрушевского было подвергнуто значительной переработке. Его новые взгляды, с которыми велась полемика на страницах нашей печати, сводятся к тому, что процесс феодализации в собственном смысле не внес ничего существенного «в собственно хозяйственную организацию крупной вотчины», но усилил ее средства, подчинив власти вотчинника свободных и независимых от него крестьян. Замкнутость феодального поместья вполне совместима с денежно-хозяйственными коммерческими интересами; оно натурально лишь в условном смысле, так как оно опирается на натуральные, барщинные повинности крестьян. Разложение же хозяйственной структуры феодального поместья сводится к расширению хозяйственных связей страны, к устранению стеснений, тормозивших хозяйственный оборот в стране, к освобождению крестьян от уз личной несвободы.

Процесс распада феодализма, добавляет Д.М. Петрушевский, шел и сверху, от государства, и снизу, стихийно – это был процесс экономический, разрушавший тесную хозяйственную связь барского двора и деревни (146).

Среди экономических перемен, которые переживал английский манор в XIV веке, находилась коммутация повинностей, принимавшая характер все развившегося массового явления: она знаменовала собою наступление в жизни манора перемен коренного свойства (197). Увеличивалась свободная рабочая сила, над которой лорд манора сохранял только политические права, и тем самым подрывалась хозяйственная основа старого манориального строя. Одновременно с этим барское хозяйство, развившись насчет общины, все более и более от нее отделялось, ставило себе особые цели, становилось «предприятием, с землей, капиталом и трудом, как вполне дифференцировавшимися экономическими категориями» (199).

Работа Дм. М. Петрушевского «Восстание Уота Тайлера» была написана на основе не только печатных источников, освещавших восстание Уота Тайлера, но и на основе рукописей, хранящихся в Британском музее

и в центральном Лондонском архиве, ланкастерский фонд которого дал особенно ценные материалы. По отзыву П.Г. Виноградова, она ничем не уступала параллельным, но гораздо более ограниченным по району исследования Ревилля⁴⁸ (Reville, *Le Soulèvement Des Travaileurs d'Angleterre en 1381*⁴⁹ и Пауэля⁵⁰ (Powell, *The Rising in East Anglia in 1381*)⁵¹)^{xiii}.

Она не только дает обзор источников и литературы по истории восстания, ход восстания в 19 графствах, характеризует его организацию и программы восставших крестьян и отмечает роль лоллардизма⁵², но она освещает причины пережитого Англией социального потрясения и для этого изображает кризис манориального хозяйства в XIV веке; классовую борьбу в английской деревне после чумной эпидемии 1348 года, историю законодательства о рабочих и слугах во второй половине XIV века^{xiv}.

Таким образом, Дм. М. Петрушевский дал яркое очертание большого события английской истории и вместе с тем бросил свет на общие условия, среди которых жило английское крестьянство в XIV веке.

К его работе неизбежно обращается всякий, кто изучает историю крестьянских движений в средние века, кто изучает разложение манориального строя в Англии, кто хочет знать конкретно кровавое законодательство относительно наемного труда, «с самого начала имевшее в виду эксплуатацию рабочего и в своем дальнейшем развитии неизменно враждебное рабочему классу», которое впервые появилось в Англии при Эдуарде III в виде статута о рабочих, изданного в 1349 году (592. III изд. 1928).

Следует добавить, что Дм. М. Петрушевский занимался изучением и политической истории Англии средних веков, сосредоточив главное внимание на таком важном памятнике конституционной истории Англии, как Великая хартия вольностей. Кроме этого, им переведены на русский язык памятники истории Англии XI–XIII века, изданные одновременно в латинском подлиннике и в русском переводе (*en regard*)⁵³.

Как бы продолжая свою работу над изучением памятников английской истории XIV века, он перевел произведение Уильяма Ленгленда⁵⁴ «Видение Уильяма о Петре пахаре», которое было издано в 1941 году.

V

Как и Дм. М. Петрушевский, А.Н. Савин принадлежал к школе историков, воспитанных П.Г. Виноградовым. Он был его непосредственным учеником. При отъезде в заграничную командировку А.Н. Савин получил

^{xiii} На вклейке в машинописном варианте рукой автора вписано:

mille trois cents quatre-vingt un
thirteen hundred eighty one

^{xiv} В этом месте под звездочкой: «Ссылка на работу Д.М.». В машинописном варианте после знака нет текста.

от своего руководителя инструкцию, над чем работать. Ему рекомендовалось заняться изучением секуляризации и ее последствий, а также обширными исследованиями социального состояния Англии, произведенными при протекторе Сомерсете (8). В результате работы А.Н. Савина над печатными и рукописными источниками в центральном Лондонском архиве им были написаны «Английская деревня в эпоху Тюдоров» 1903 г. и «Английская секуляризация» 1907 год. Первое исследование было его магистерской, а второе – его докторской диссертацией.

Обе работы, посвященные социальной истории Англии XVI века, являлись как бы органическим продолжением тех исследований, которые были начаты П.Г. Виноградовым и Дм. М. Петрушевским. Глубокий интерес к истории английской деревни и английского крестьянства пронизывал и объединял все эти монографии, являясь отражением тех дум и размышлений об аграрном вопросе, которыми было охвачено русское образованное общество конца XIX и начала XX века. К той же серии монографий надо отнести и работу И. Граната⁵⁵ «К вопросу об обезземеливании крестьянства в Англии» 1908 г. И. Гранат, выступавший частным оппонентом на магистерском диспуте А.Н. Савина, также по архивным материалам изучал Тюдоровскую деревню и доказывал в своей работе, что не насилия английских лендлордов, а экономические условия привели к обезземелению крестьян и образованию пролетариата (246).

В отличие от И. Граната, ценившего обобщения и стремившегося к ним и изучавшего историческую действительность лишь с ее экономической стороны, А.Н. Савин был очень осторожным и многогранным исследователем. «Савин долго и тщательно подготавливает свое исследование, производит длинные и точные вычисления, собирает огромную массу доказательств и только тогда решается сделать очень осторожный, даже нерешительный вывод»⁵⁶ (25). Он изучал не одни экономические факты, хотя и придавал им наибольшее значение, но средневековое английское^{xv} право, административный аппарат государства Тюдоров, как-то сживался с людьми английского прошлого, открывавшимися ему через тщательное изучение архивных документов. Его осторожность переходила в скептицизм и напоминала читателю его книг известное изречение Ренана⁵⁷ «Истина – это оттенок» (*la vérité est nuance*). Правильно сравнивают по остроте анализа и по силе скептицизма А.Н. Савина с Мэтлендом.

Переходя к содержанию первого исследования А.Н. Савина, к его «Английской деревне в эпоху Тюдоров», мы видим, что оно делится на три этюда: 1) конец вилланства; 2) юридическая история обычного держания; 3) разложение манориального хозяйства. До А.Н. Савина еще никто

^{xv} В машинописи «английское» пропущено.

не давал такого обстоятельного очерка, основанного на богатых документальных данных, об исчезновении разряда вилланов. «В эпоху Тюдоров я нашел бондменов (крепостных) в 26 английских графствах и по меньшей мере в 80 манорах... Семейства сосчитать трудно, но, конечно, их число никак не меньше 5000. Общее число бондменов должно близко подойти к 2000» (18–19).

Во второй половине XVI века было еще около 1 % вилланов. Но А.Н. Савин дает не только количественную характеристику остатков крепостничества, но и качественную. Самую важную перемену в положении вилланов внесло рабочее законодательство Эдуарда III. Безработный виллан стал рабочим каждого нанимателя; заповедная черта манора, отделявшая его от внешнего мира, исчезла. «Человек манориального обычая до некоторой степени стал человеком общего права» (25). Однако крепостное право было живуче: судьи эпохи Эдуарда IV рассматривают виллана как простую движимость, протоколы манориальных курий говорят о правах лорда на личность и имущество крепостных. Освобождение на волю совершалось за большую сумму денег. «Личная крепость оказалась прочнее домениального хозяйства и даже сельской общины». Долговечность остатков крепостничества в Англии имела значение и для копигольдеров⁵⁸. Второй этюд о копигольде – «самая ценная и обширная часть книги», говорил П.Г. Виноградов в своей рецензии на работу Савина. Русский историк, а не Эшли и не Лидем⁵⁹ выяснил, как виланские держания, лишённые правовой защиты по отношению к лорду, вошли в систему охраняемых государством форм владения и превратились в копигольды. Это был переход от средневековой организации землевладения к современной (ЖМНПр. 1904. Сент.)^{xvi}.

Изучив юридическую теорию копигольда, А.Н. Савин приходит к выводу о глубокой исторической связи между вилланами и копигольдерами. Эту связь можно проследить не только в юридической теории, но и в истории отдельных маноров, так сказать, на конкретных исторических примерах. Но что определяло жизнь копигольдера? Она определялась произволом лорда, местным обычаем и вмешательством администрации и королевских судов. Если все было нормально, то все направлялось обычаем. «Вся крестьянская жизнь вращалась вокруг манориальной курии» (141). Изучая манориальные обычаи, легко убедиться в том, что они очень разнообразны. Так оказывается, что держания во многих случаях были не наследственные, а пожизненные, плата за допуск и держание была часто произвольной, но ренты за землю были неподвижны, хотя не повсюду. Манориальный обычай был слабой гарантией для прочности копигольда. «Лорд все-таки

^{xvi} В рукописи.

очень часто имел право и возможность удалить крестьянина и заменить его более приятным и более выгодным фермером» (206). Этим можно объяснить то обстоятельство, что канцлерский суд, суды общего права, палата прощений, Звездная палата и Тайный совет короля брали на себя охрану обычных держателей. Не останавливаясь на юридических вопросах, детально изученных А.Н. Савиным, заметим только то, что это вмешательство государства в отношения между лордами и копигольдерами выводит бывшее вилланское держание из его средневековой феодальной обособленности, но далеко не всегда охрана манориального обычая является охраной крестьян.

Наконец, на севере Англии и в Уэльсе обычные держания превращаются в аренды, охраняемые общим правом; на севере это происходит в силу военной обстановки, а в Уэльсе благодаря политике англификации.

Только подробно изложив юридическую историю копигольда, А.Н. Савин обращается к последней теме, к разложению манориального хозяйства в XVI веке. Эта область изучения оказалась еще более трудной, чем «искусственная, но более простая и ясная область права» (389). Автор ограничивает свою задачу скромными рамками. Не касаясь огораживаний/секуляризации, крестьянских движений и аграрной политики правительства Тюдоров, А.Н. Савин хочет проследить ликвидацию феодального строя в пределах манора, с этой целью он выполняет разложение манориального хозяйства, именно обособление домена и распад общины. В одних случаях наблюдается сокращение домена, за его счет появляются крестьянские держания, но гораздо чаще домен растет, а держания исчезают (397). Общий баланс перемен в распределении земельной собственности в XVI веке складывается решительно в пользу манориальных лордов и в ущерб держателям, так что эпоха Тюдоров есть несомненно пора частичного обезземеления крестьян. Но рост домена еще не означал возрастания сеньориального хозяйства; лорд обращался к сдаче земли в аренду, но, с другой стороны, живучесть феодальных работ говорит о медленности перестройки системы хозяйства (421). Как далеко в XVI веке ушло разложение сельской общины в Англии? Картина состояния общинного строя в Англии очень пестра; концентрация держаний и выдел их из площади «открытых полей» очень неодинаковы в различных манорах. А.Н. Савин останавливается на разных формах и степенях проявления распада общины. Если периодические переделы земли в общине – свидетельство крепости ее устоев, то раздел земель на вечные времена знаменует собой решительное ослабление, если не конец ее существования. Автор подчеркивает крайнюю медленность эволюции аграрного строя и крайнюю сложность состава английской деревни, в которой элементы прогресса перемежались с остатками архаических порядков.

«Английская секуляризация»⁶⁰ – вторая фундаментальная работа А.Н. Савина, ценный вклад в нашу и мировую науку истории. П.Г. Виноградов в рецензии на «Английскую секуляризацию» назвал Савина первоклассным исследователем, обнаружившим неутомимое трудолюбие, строго критическое отношение к материалу, широту кругозора и умение сводить кропотливые изыскания к крупным выводам (ЖМНПр. 1907. дек.). А.Н. Савин провел такую обработку источников, какой до него не было и в самой английской исторической литературе.

Работа распадается на пять отдельных крупных этюдов, в том числе один этюд историографический, где дан анализ литературе по истории диссолюции⁶¹, в том числе работе М.М. Ковалевского. Свое исследование А.Н. начал с оценки своего основного источника *Valor ecclesiasticus*⁶², составленного королевскими переписчиками монастырских владений в 1535 году. «Критика источников есть самый скучный вид исторического исследования. Критика переписей есть самый скучный вид критики источников» (75). Однако она необходима, и критика источника в конечном счете «обезоружила сидящего во мне скептика», как выразился А.Н. Савин. Наблюдения над источником, сопоставление его данных с данными других источников убедили исследователя, что доверчивая позиция значительно сильнее скептической. Этюд «Монастырское хозяйство накануне диссолюции» самый большой в работе; это целое отдельное исследование. Пытаясь выяснить сумму доходов монастырей, А.Н. Савин сталкивается с тем фактом, что титулы земельных владений монастырей были очень различны: рыцарское держание, свободная милостыня, сока⁶³, городское владение, копигольд, держание по воле лорда, аренда разных сроков (85). В таблицу доходов у Савина вошло 553 монастыря, сумма чистого дохода определена 136.373 ф.ст. Это был доход от земли; одна из самых замечательных черт в монастырском бюджете – незначительность дохода от неземледельческих промыслов (128); основной источник дохода – платежи держателей земли. Несмотря на то, что монастыри были крупными хозяевами, они столько же земли распахивали, сколько и оставляли для себя под пастбище (187). Автор с недоверием относится к утверждениям об огромной социальной роли монастырей как благотворителей; благотворительность носила случайный характер и не была значительна. «Круг людей, живших единственно насчет монастырского бюджета, был и не так велик и не так демократичен, как представляется в католической легенде» (282). Монастыри находились в тесных связях с окружавшим их джентельменским обществом.

Последние два этюда книги А.Н. Савина посвящены уже непосредственно монастырской диссолюции; один называется «Юридическая история диссолюции при Генрихе VIII», а другой – «Отчуждение монастырских земель короною при Генрихе VIII». А.Н. Савин излагает содержание

трех диссолюционных статутов и подчеркивает важность фискальных мотивов в них (365), говорит об учреждении особой курии прибылей, которая должна заведовать новым имуществом английской короны, далее останавливается на курии генеральных переписчиков, которая сливается с первой, вообще детально освещает весь новый бюрократический аппарат, который был создан в связи с секуляризацией.

При этом корона, а не государство, считалась обладательницей монастырских богатств подобно тому, как доходы с Ланкастерского герцогства считалась собственностью короля.

Несколько неожиданно звучит упрек П.Г. Виноградова, что в работе Савина не освещена история разработки мероприятий по диссолюции монастырей (ЖМНПр. 1907. дек.).

В истории монастырских отчуждений короною А.Н. Савин останавливается на тех разрядах населения, к которым перешла монастырская недвижимость. Король сначала стал «наследником иноков». Но монастырские земли ушли от короны, разошлись по частным рукам, поступили на рынок. Появились там, где были монастыри, и новые хозяйства и новые собственники (420). Однако проследить все отчуждения монастырской земли А.Н. Савин заранее отказался. «За пределами работы остались монастыри Уэльса, нищенствующие ордена, диссолюция Эдуарда VI, коснувшаяся капелл, колледжей, гильдий, братств» (421). Приняты были во внимание только первые отчуждения и только отчуждения в наследственные владения.

Было много желающих получить «кусочек монастырского пирога», это люди среднего и высшего класса; на крестьянскую долю земли не оставалось ничего или почти ничего. Кроме продаж монастырской земли встречались и пожалования, например, 124 пожалования приходились на 38 пэров. Земля перешла в руки главным образом служилых людей, по преимуществу руководителей центрального государственного механизма. Государственный фактор воздействовал на перераспределение земельной собственности. А.Н. Савин в последние годы своей жизни приступил к изучению аграрной истории Англии XVII века; следуя мысли Мэтленда, он начал вести изучение отдельных маноров XVII века; он успел составить и напечатать статьи по трем манорам (см.). Он продолжал собирание материалов для задуманных небольших монографий по отдельным манорам в 1914, 1922 и 1923 году. Я имел счастливый случай видеть его тетрадь в черном переплете для выписок и обработки архивных материалов; в нее А.Н. занес свои последние записи по истории манора *Brampton u Barrow on Humber*. Это были последние результаты его работы в центральном Лондонском архиве. Простудившись там, он заболел и умер 29 января 1923 года, находясь в научной командировке в Лондоне.

Надо отметить, что среди университетских лекционных курсов история Англии всегда занимала очень видное место. Выдающимися среди них являются его лекции по истории английской революции. (изд. 1924 г.)⁶⁴.

VI

А.Н. Савин умер уже в советский период нашей истории. Его ближайшие ученики и последователи продолжали вести изучение социальной истории Англии, начатое в 80 годы XIX века М.М. Ковалевским и П.Г. Виноградовым.

Прежде всего остановимся на монографии Ев. Ал. Косминского «Английская деревня в XIII веке» (1935 г.), которая по своему содержанию очень близка к тем вопросам социальной истории Англии, которыми занимались П.Г. Виноградов и Дм. М. Петрушевский. С точки зрения хронологии изучаемых в ней явлений она стоит между «Villainage in England»⁶⁵ Виноградова и «Восстанием Уота Тайлера» Петрушевского, являясь связующим звеном между ними. Но она не только восполняет пробел, она заключает в себе ряд принципиальных возражений своим предшественникам по работе. Она представляет собою новый этап в историографическом отношении, так как заключает в себе новую теорию исторического познания, отличную от позитивизма и примесей риккерттианства^{xvii}.

Е.А. Косминский излагает в начале своей монографии те выводы, к которым пришел П.Г. Виноградов по вопросу о сущности манориального строя как английской разновидности феодальной вотчины, с тем чтобы показать читателю, как позднейшая историография, начиная уже с Мэтленда, все более и более отходила от классической по своей законченности концепции Виноградова. «Начинается эра специальных изысканий, сосредотачивающихся на отдельных манорах, отдельных районах, отдельных проблемах» (12). Все исследование Е.А. Косминского построено в плане возражения и опровержения тех выводов, к которым пришел П.Г. Виноградов. Манор, как его нарисовал П.Г. Виноградов, не адекватен той пестрой картине земельных порядков Англии, какие в ней существовали. Коренная ошибка П.Г. Виноградова была в том, что он часть, т.е. манориальный строй юго-восточной Англии, изученный им на основании главным образом церковных источников, принял за целое, тогда как его выводы могли иметь лишь ограниченное значение. Кроме того, крупное крепостническое церковное хозяйство показано статически и изолированно, больше с историко-юридической, чем историко-экономической точки зрения. Ни на севере, ни в восточной Англии, ни в Кенте манор, показанный П.Г. Виноградовым, не господствовал. На севере было много свободных

^{xvii} В машинописи «и сочетания позитивизма и риккерттианства».

крестьян, незначительны размеры доменов и сравнительно независимы крестьянские общины. На востоке Англии крестьянское держание свободно от чересполосицы полевого надела, и само держание крайне разнообразно; здесь с особенной силой выступали нефеодалные элементы английского общества. На западе Англии проступали особые уэльские порядки, и домен стал складываться не ранее XIII века.

С другой стороны, Ев.А. Косминский ставит под обстрел и тезис П.Г. Виноградова о господстве натурального хозяйства в манориальных порядках XIII века. Коммутация повинностей началась раньше; существовали старинные денежные платежи крестьян лордам; словом, развитие феодальной ренты в Англии не было таким простым процессом, как он представлялся П.Г. Виноградову. Чтобы ближе подойти к английской деревне XIII века и осветить ее подлинную историю, надо обратиться к новому источнику, сравнительно мало изученному. Это – сотенные свитки⁶⁶.

«Мне кажется, что 700 деревень в средних графствах Англии в 1279 году могут составить прочный фундамент для понимания истории английской деревни» (29).

«В этом на первый взгляд простом и однообразном, но на самом деле крайне сложном и запутанном материале мы надеемся найти ответы на ряд основных проблем истории феодальной Англии» (46). На основании сотенных свитков Е.А. Косминский устанавливает существование 8 типов манориальной организации. Если первым типом считать манор с доменом, вилланской землей и свободными держаниями, то различное сочетание этих трех элементов дает целый ряд новых типов манориальной организации. Доля неманориальных элементов в английском землевладении очень незначительна, достигает 40 % (110). Не существовало устойчивой пропорции между доменом и вилланскими держаниями. Все эти выводы, данные в монографии Ев.А. Косминского, приводят к новому взгляду и на характер феодальной ренты в Англии XIII века, на соотношение между отработочной и денежной рентой. Мелкие и средние вотчины не могли обходиться при помощи одних лишь барщинных работ вилланов, тогда как крупные и особенно церковные вотчины были лучше обеспечены крепостным трудом (153).

Наемный труд в сельском хозяйстве XIII века уже играл большую роль; малоземельное крестьянство уже тогда ставило необходимую рабочую силу, с чем гармонирует тот факт, что значительная часть мелких держаний либо совсем не несет отработочных повинностей, либо несет их в незначительных размерах сравнительно со всей денежной рентой (145). Чтобы сделать свои выводы, полученные на документах, относящихся лишь к нескольким графствам средней Англии, более убедительными, Е.А. Косминский обратился еще к другому источнику «Посмертным

расследованиям» (*Inquisitiones post mortem*⁶⁷), охватывающему 36 графств эпохи царствования Генриха III (от 30 до 70 годов XIII века). Классический по своей структуре манор, обрисованный П.Г. Виноградовым, с большим доменом, обрабатываемым крепостными, с тяжелыми рабочими повинностями и небольшими денежными платежами несвободных держателей^{xviii}, с незначительным фригольдом⁶⁸, платящим денежные взносы, не определял собою господствующий тип. Характеризуя средний тип манор по данным указанного первоисточника, Ев.А. Косминский определяет его такими чертами: 1) перевес рентного сектора над домениальными, 2) преобладание денежной ренты над отработочной^{xix}, 3) значительная доля денежных поступлений, получаемых от свободных держателей (от 29 % до 18 %), 4) наличие значительного количества наемных рабочих, используемых в манориальном хозяйстве (190–191). Манориальное хозяйство рассмотрено автором не изолированно, а в тесном взаимодействии с внутренним и внешним рынком. Рост того и другого в XII–XIII века после норманнского завоевания, после установления тесных политических связей с континентом, имел три результата: расширилась доля денежных рент, увеличилась тяжесть барщинных работ вилланов, иногда возрастали и натуральные оброки. Все это обостряло противоречия в деревне между вилланами и лордами. Лорды вели наступление на право вилланов; юридическая теория XIII века приравнивала вилланов к рабу; его имущество считали достоянием лорда. Лорды укрепляли свое государство, чтобы, опираясь на него, противостоять вилланам и сломить их сопротивление.

В этом социально-политический смысл реформ Генриха II. Коммутация повинностей продолжалась, но она вызывала сильное расслоение деревни, она поднимала на более высокий уровень жизни более обеспеченную часть деревни. Зарождался новый способ производства в рамках феодального поместья. Господствующий класс феодалов стал делиться на защитников крепостнической системы хозяйства, какими являлись по большей части крупные светские и духовные лорды, и на защитников системы наемного труда; это были по преимуществу средние и мелкие рыцари графств (231). Наличие в Англии мелких и средних фригольдеровских хозяйств; распыление их земель и собрание их в руках немногих; обращение к наемному труду и образование кадров, предлагавших свой труд, – все это идет навстречу распаду феодальных отношений и раннему перерождению их в отношения буржуазные. Последняя глава монографии Е.А. Косминского не только продолжает критику концепции манора, как она была дана П.Г. Виноградовым, но и представляет ряд возражений против выводов,

^{xviii} В машинописи «держаний».

^{xix} В машинописи «отработочной».

к которым пришел^{xx} Д.М. Петрушевский в своей работе «Восстание Уота Тайлера»: корни феодальной реакции середины XIV века надо видеть не в последствиях Черной смерти, как утверждал Д.М. Петрушевский, а в том приспособлении манора к рынку, которое так ярко и многообразно выступает уже в XIII века и которое ведет к усилению эксплуатации вилланов, во всех возможных формах, в том числе и к усилению барщины. Гражданская война в Англии XIII века, благодаря исследованию Е.А. Косминского, получает новый смысл, если принять во внимание, что уже в XIII веке в Англии формируются две группы лендлордов: одна феодальная, состоящая преимущественно из крупных духовных и светских землевладельцев и вторая, использующая наемный труд в сельском хозяйстве, защитница денежной ренты, пополняемая мелкими и средними рыцарями. У этих групп создавалась естественно различная политическая ориентация.

Вместе с тем зародыши буржуазного перерождения части английских лендлордов можно видеть уже в XIII веке, однако феодальная верхушка, охранявшая старый способ производства, была тогда главной социальной и политической силой (241). Изучаемые Е.А. Косминским первоисточники, именно *Rotuli hundredorum*, позволяли ему лучше, чем какие-либо другие памятники XIII века, разглядеть лицо феодальной деревни и он, заканчивая свою монографию, пишет, что проблема расслоения крестьянства, проблема свободного держания и его ренты, проблема коммутации составят содержание второго тома исследования.

VII

В том же 1935 году вышел первый том «Аграрного законодательства английской революции» С.И. Архангельского. Автор стремился выяснить историю аграрного законодательства в период 1643–1648 года, раскрыть ход секвестра земель делинквентов⁶⁹ в связи с композициями и продажами этих земель, проследить распродажу епископских земель, показать роль революционной армии в разрешении земельного вопроса и реакцию крестьянства на те аграрные сдвиги, которые тогда происходили в Англии. В 1940 году вышел второй том этого исследования, охватывавший период от 1649 до 1660 года.

Во втором томе обрисованы дальнейшие распродажи земельных владений делинквентов^{xxi}, деканов, капитулов, епископов и короны. Так как английская революция переплеталась с ирландским восстанием и войной против Ирландии и Шотландии, то автор поставил своей задачей расширить свои

^{xx} В рукописи вычеркнуто «учитель Е.В. Косминского».

^{xxi} [на основании трех актов 1651–1652 года].

наблюдения на эти страны и выяснить характер земельной мобилизации в них в связи с завоеванием этих стран Ол[ивером] Кромвелем и присоединением их к английской республике.

Аграрные сдвиги, вызванные английской революцией, были очень слабо освещены как в общих, так и специальных работах. Да и вся аграрная история Англии XVII века сравнительно мало привлекала к себе внимание. А.Н. Савин, читавший специальный курс по истории английской революции на историко-филологическом факультете Московского университета, лишь в последние годы своей жизни обратился к изучению истории отдельных маноров, их социально-экономической ткани. В этих этюдах он уделил большое внимание тем новым чертам, которые характеризовали манор XVII века. Эта работа, которую назвали исторической разведкой, направленной в темный XVII век, осталась незаконченной. Все это побуждало С. Архангельского поставить основной задачей начатого исследования выяснение тех перемен, которые внесла английская революция в землевладение. Разрешение этой задачи, казалось, должно помочь ответить на другой более общий вопрос, что из себя представляла аграрная эволюция Англии XVII века и какие процессы связывали между собой Англию XVI и Англию XVIII века.

Для решения поставленной задачи надо было^{xxii}, прежде всего, изучить аграрное законодательство 40–50 годов XVII века. Главное содержание его раскрылось в ордонансах и актах, касавшихся конфискации и продажи земельных владений знати и дворянства, державших сторону короля: епископов, деканов и капитулов, наконец, короны. Эти ордонансы и акты подлежали изучению не только сами по себе, но и в связи с событиями революционной эпохи. Представляя ряд звеньев, связанных между собой, законодательные памятники могли быть поняты только на фоне экономического развития Англии и социально-политической борьбы. Их происхождение и подготовка, поправки, в них вносимые, роль общественных учреждений, проекты законодательных мероприятий, никогда не ставшие таковыми, – все это входило в круг исследования и давало возможность с новой точки зрения подойти и к событиям революционной эпохи.

Несомненно, землевладение кавалеров, церкви и короля стояло в центре внимания у деятелей революции, и этот вопрос незаслуженно был обойден рядом поколений историков, изучавших революцию, и придерживавшихся традиционной формулы ее объяснения. Таким образом, изучение истории английского землевладения за 40–50 годы XVII века не есть привнесение в историографию каких-то личных вкусов и симпатий,

---

^{xxii} Далее в рукописи вставка на 3 листах – машинопись с авторской правкой (до слов «В истории Англии»).

а есть настоятельная потребность, диктуемая нашими поисками не только равномерного и симметричного знания эпохи, но и знания действительно объективного, возможного на основе учения классиков марксизма-ленинизма. Это была также задача, поставленная всем ходом русской историографии, последовательно изучавшей социальную историю Англии.

От изучения самих ордонансов и актов, касавшихся землевладения 40–50 годов XVII века, был естественный переход к вопросу о том, как эти законодательные документы претворялись в жизнь, как они преломлялись в той исторической обстановке, в которой должны были действовать, т.е. прежде всего, какой характер получила земельная мобилизация, тесно связанна с их проведением в жизнь. Центральным моментом тут являлось установление того, какой характер носила покупка распродаваемых конфискованных земель. Каков был социальный облик покупателя, изменялось ли положение держательской массы, были ли устойчивы при этом манориальные порядки и общинные сервитуты?

В истории Англии еще не было эпохи, когда бы такое множество земельных владений, принадлежащих феодальным собственникам или феодальным корпорациям, поступило в продажу за сравнительно короткий период времени в 13 лет (1646–1659). Вот таблица продаж только церковных и коронных земель.

	Число продаж	Полученная сумма в фунтах
Церковные земли	1327	2.146.562
Коронные земли	687	1.314.825
Итого:	2014	3.461.387

К этому надо присоединить продажи земель делинквентов; одни продажи происходили в частном порядке, другие на основании правительственных актов. Количество этих продаж определить не представляется возможным. Невзирая на такую громадную мобилизацию земель, она прошла мимо английского крестьянина. Покупателями выступали буржуазия и новое дворянство. В стране происходили огораживания, ликвидировались частично общинные сервитуты на территории лесов, шла проверка прав держателей на земли. В Англии укреплялся индивидуалистический принцип в правах на землю, отвечавший интересам капиталистов. Ликвидировалась старинная рента за землю, длинные сроки держания земли заменялись более короткими; предпочтение оказывалось новым держателям, свободным от традиционных форм держания земли. Никакого

акта об охране прав держателей не было издано, хотя дебаты об охране прав держателей не было издано, хотя дебаты об этом неоднократно поднимались в парламенте. Зато был издан акт об отмене рыцарского держания, объявлялось свободным феодальное владение *in capite* и всякое владение в форме соки, которую держали непосредственно от короля. Новые и старые владельцы феодальных земель за собой сохраняли все старинные права над населением их маноров, но сами освобождались от обязанностей и ограничений своих прав по отношению к верховному феодальному собственнику.

Что из себя представляла английская деревня революционной эпохи?

В описях секвестрованных земель встречаются рентали копигольдеров и фригольдеров, обычаи маноров, данные об огораживаниях, об общинной земле, о сервитутах, о разделах земли для продажи.

Одни данные упираются в далекое прошлое деревни, другие рисуют современность, третьи касаются ближайшего будущего. Это позволяет наметить динамику деревенских порядков. В то время как манориальный обычай говорит о значительных надельных участках, ренталь описи отражает их измельчение, появление на копигольде горожанина и дворянина. В описях отразилась и деревня с преобладающими численно средними дворами, и деревня, где преобладают дворы, мало обеспеченные землей, и деревня, где произошла концентрация копигольдов в руках небольшого количества лиц.

Со всем ходом английской революции тесно сплеталась история Ирландии и Шотландии. Каждая из них получила от английского парламента свои земельные законы, находившиеся в непрерывной связи с основным направлением революции.

Изучение аграрного законодательства, действовавшего в 50 годы^{xxiii} XVII века в Ирландии, имело целью выяснить, как оно возникло и было подготовлено, какие принципы были положены в его основу, как оно действовало. Сопоставление аграрных законов, действовавших в Ирландии, с теми, которые применялись в Англии, еще более отчетливо вырисовывает перед нами основную черту земельного перераспределения и переустройства – вторжения английского капитала в землевладение. Та ломка старинного землевладения, которая вуалировалась в Англии юридической традиционностью, подчеркиванием правовой преемственности, которая связывала старинное землевладение с новым, проходила в Ирландии совершенно откровенно и с попранием всего старинного правового порядка, восходившего своими истоками к кланам.

---

^{xxiii} Далее вставка на 3 листах – машинопись с авторской правкой (до слов «В 1940 году вышла в свет...»).

Частно-правовые сделки с землей в Ирландии выливались в форму покупки солдатских обязательств, дававших право на земельный надел, что еще более содействовало появлению здесь крупного землевладения^{xxiv} английского типа, в котором для ирландца была предоставлена роль нищего арендатора кусочков земли. Недавно опубликованная опись графства Типперери за 1656 год⁷⁰ дала возможность сделать некоторые сопоставления старого земельного порядка в Ирландии с новым.

Земельную мобилизацию в Шотландии за время 1652–59 года можно наблюдать по опубликованному регистру Большой печати Шотландии⁷¹, в которой, по распоряжению Кромвеля, заносились все гражданские акты, касавшиеся перехода феодальных земель, тогда как ни Англия, ни Ирландия не обладали таким регистром. На фоне этой, так сказать, естественной мобилизации земель, ее перехода от феодальной знати и дворянства в руки разнообразных прослоек растущей буржуазии можно рассмотреть действие ордонансов 12 апреля 1654 года об объединении Шотландии и Англии, о конфискации земель и о наложенных на шотландскую феодальную знать и дворянство композициях. Здесь открывался новый вариант земельной мобилизации с преобладанием частно-правовых земельных сделок, в отличие от ирландского, где они почти отсутствовали, и английского, где они были закрыты продажами земель с участием в них органов революционной власти.

Главы, отведенные Ирландии и Шотландии, не только дали возможность лучше уяснить английский вариант аграрного законодательства и его действие, но и показать, что английская революция, мобилизуя феодальное землевладение, протекала в неоднородной исторической среде, в странах не совсем одинакового исторического возраста, и строила буржуазный порядок, по-разному комбинируя его элементы и по-разному соединяя их с остатками феодализма, в зависимости от результатов социальной борьбы.

В 1940 году вышла в свет последняя из известных нам монографий по социальной истории Англии. Это «Парламентские огораживания общинных земель в Англии конца XVIII–начала XIX века». Ее автор – ученик А.Н. Савина Вл.М. Лавровский. Уже до издания этой монографии Вл.М. Лавровский опубликовал ряд предварительных этюдов по вопросу об огораживаниях XVIII–XIX веках. Это были: 1) Проблема исчезновения крестьянства в Англии (Труды Института истории. 1926 г. т. I); 2) Коммутация десятины в Англии как один из факторов обезземеливания английского крестьянства (Ученые записки Института истории. 1928 г. Т. VII); 3) Парламентские огораживания в графстве Сэффолк (1797–1803) (Известия

^{xxiv} В машинописи пропущено слово «землевладения».

Академии наук СССР. 1932 г.); 4) Основные проблемы аграрной истории Англии конца XVIII и начала XIX века. 1935 г. 5) Карты парламентских огораживаний как источник по истории землевладения в Англии конца XVIII – начала XIX века (Проблемы источниковедения. 1936 г. II т.)^{xxv}.

VIII

Монография Вл. М. Лавровского⁷² была им написана на основании архивного, до сих пор мало использованного источника приговоров об огораживании *The inclosure Awards*⁷³ и карт парламентского огораживания, из которых 41 карта опубликованы в виде особого приложения к книге Вл. М. Лавровского. Кроме этого основного источника Вл. М. Лавровским были использованы также заявления держателей от отведения наделов (*claims*) и списки плательщиков поземельного налога (*Land tax Assessments*).

Заявления держателей почерпнуты были им из одного сборника (*Paper relating [to Suffolk]*), хранящегося в Британском музее (15). В начале своего исследования автор установил свое отношение к главному источнику, к приговорам об огораживании и определил свое отношение к главному источнику, к приговорам об огораживании и определил свой метод. «На основании приговоров об огораживании можно получить в достаточной мере определенный и точный ответ на вопрос о том, как была распределена земельная собственность – фригольд или копигольд, выражаясь языком английского земельного права, как на вновь, в силу актов парламента, огораживавшейся земле, так и на части земли, ранее огороженной» (49).

Что касается карт, то они позволяют автору во многом уточнить и конкретизировать картину распределения земли к моменту огораживания и после него. Эти документы дают возможность от распределения земли перейти к характеристике разрядов деревенского населения; они открывают остатки старинной деревни в Англии и изображают новую деревню капиталистического общества; они исходят из норм старого манориального права, которое приспособляется к буржуазным отношениям, к аренде земли на основании общего права. Однако эти последние отношения выступают лишь спорадически в указанном источнике, и исследователь чувствует необходимость в дополнительных документах. Из прилагаемой таблицы (№ 1) видно, что автор изучил 58 приговоров об огораживании, относящихся к 25 графствам центральной, восточной и юго-западной Англии и составленных в период 1792–1813 года, т.е. во время напряженной войны между Англией и Францией. Работая в Государственном Лондонском архиве, Вл. М. Лавровский отобрал из массы приговоров об огораживании лишь небольшую часть их; он руководился при отборе наибольшей

^{xxv} Данный абзац отсутствует в машинописи.

полнотой данных относительно распределения земельной собственности, наличием карты; если по графству было много подобных приговоров, тогда автор брал наудачу те или другие приговоры. «Таким образом, мой выбор носил, как мне кажется, случайный характер – в смысле, приближающемся к тому, в каком это понятие употребляют статистики, применяющие выборно-статистический метод в своих специальных исследованиях» (70). Это придает работе, построенной на сравнительно узком материале (изучено около 5 % всей огороженной в период 1792–1814 гг. площади), несколько абстрактный характер^{xxvi}. Выборно-статистический метод уводит автора от изучения всего многообразия подлинной исторической действительности и не позволяет вскрыть те силы, которые двигали жизнь вперед в эпоху революционных и наполеоновских войн^{xxvii}.

Основными главами в работе являются VI и VII. В них идет речь о крестьянском, дворянском и духовном землевладении, о землевладении учреждений и буржуазии. Уделив очень большое место разбору различных определений для понятия «собственник крестьянского типа», какие можно найти у агрономов конца XVIII и начала XIX века, у юриста Блекстона⁷⁴, у современных исследователей, у идеологов лозунга «назад к земле», Вл.М. Лавровский переходит к собственной формулировке этого понятия. К собственникам крестьянского типа он относит всех упоминавшихся в приговорах об огораживании мелких, средних, а иногда и довольно крупных по размерам землевладения фригольдеров или копигольдеров, которые не называются ни джентльменами, ни эскуайрами, не являются духовными собственниками, обозначенными обычно титулом «реверенд»⁷⁵, ни купцами, банкирами или участниками торговых кампаний (109).

Автор принимает ленинское деление крестьянства на мелкое, среднее и крупное, но в отличие от ленинского метода характеристики расслоения крестьянства^{xxviii} он принимает во внимание лишь размер землевладения, так как это, по состоянию источников, единственно «возможный критерий для суждения о вероятных размерах крестьянских хозяйств» (III). Эти собственники владели 20.647 акров, т.е. 22,5 % всей изученной автором площади землевладения. Вл.М. Лавровский отмечает многочисленную группу малоземельного крестьянства, собственников не свыше 3 акров земли. Эта группа представляет в сущности сельско-хозяйственный пролетариат, вынужденный работать из платы по найму.

---

^{xxvi} В машинописи зачеркнуто в тексте «построенной на сравнительно узком материале / изучено около 5 % всей огороженной в период 1792–1814 гг. площади/, несколько абстрактный характер».

^{xxvii} В машинописи предложение зачеркнуто.

^{xxviii} Зачеркнуто в машинописи.

Расслоение деревни ярче в приходах с наибольшим процентом крестьянского землевладения, а разрушение деревни сильнее там, где на лицо наименьший процент крестьянского землевладения (125). Малоземельное крестьянство обращается в поисках за заработком к промыслам, тогда как другая часть крестьянства прибегала к аренде земли; некоторые из этой группы крестьян выделялись из рядов остальной массы арендаторов и собственников крестьянского типа (131). Ушедшие из деревень крестьяне были связаны с землей лишь номинально. Эти связи легко обрывались с момента огораживания.

Корона, нобилити и джентри владели 51.393 акрами земли в изученных Вл.М. Лавровским приходах, т.е. 55,9 % всей упомянутой площади. Огораживание увеличивало площадь дворянского землевладения в связи с обменом, продажей, вознаграждением за ликвидируемые феодальные права. Часть дворян владела и копигольдами, что еще для XVII века констатировал А.Н. Савин. В составе дворянских землевладельцев выделяется своя верхушка, сосредоточившая в своих руках 83,5 % общей площади дворянского землевладения (152). Дворянство лишь в редких случаях руководило хозяйством, предпочитая сдавать земли в аренду. Таким образом, огораживания, увеличивая площадь дворянского землевладения, содействовали росту капиталистической аренды.

Огораживания содействовали росту землевладения духовных лиц. Дело в том, что духовные и светские собственники десятины взамен платежей получали земельные прирезки. Эта земельная компенсация за десятину вышла очень значительной, она равнялась 14,8 % всей земли, полученной при огораживании различными слоями деревенского населения. Десятина возросла с 1/10 до 1/7 всей площади земель. Вся эта операция приближала духовных к среднему дворянству по размерам землевладения. Духовным принадлежало в изученных автором приходах 14.283 акра, т.е. 14,8 %.

Таково вкратце богатое содержание этой последней вышедшей в свет монографии, как бы завершающей изучение истории английского крестьянства, начатое с англо-саксонской общины и законченное с процессом «раскрестьянения», если использовать ленинский термин.

Таким образом, русские историки, посвятившие свои труды социальной истории Англии, дали связную цепь исследований, в которое каждое звено находит подходящее место и находится в тесной связи с другими. Правда, за время от 70 г. XIX до 40 г. XX века сменилось три философско-исторических направления: позитивизм, риккерттианство, исторический материализм. Но эта смена не помешала преемственности в темах разработки социальной истории Англии и можно сказать, что одно поколение историков продолжало работу другого. Следует отметить, что в изучении

французской революции, по преимуществу аграрного вопроса, существует русская школа (*ecole russe*), представленная именами Н.И. Кареева⁷⁶, М.М. Ковалевского, Ив.В. Лучицкого, Е.В. Тарле⁷⁷, Е.Н. Петрова⁷⁸ и других. Кажется, не меньше оснований говорить и о русской школе в изучении социальной истории Англии.

История Англии изучалась в России и Советском Союзе не только с точки зрения социальных отношений; политическая и культурная история Англии, а также история торговых и политических отношений между Англией и Россией была предметом изучения русских историков.

Этот вопрос должен быть разработан в отдельной статье.

Архив РАН. Ф. 1530. Оп. 1. Д. 235 Л. 1, 73–74, 2–72.
(Публикация А. А. Кузнецова, О. В. Селивановой)

---

¹ *Жак Николя Огюстен Тьерри* (фр. *Jacques Nicolas Augustin Thierry*; 1795–1856 года) – французский писатель, критик, историк романтического направления, один из основателей французской историографии.

² *Франсуа Пьер Гийом Гизо* (фр. *François Pierre Guillaume Guizot*, 1787–1874) – французский историк, литературный критик, политический и государственный деятель. Профессор Парижского университета (1812). Занимал высокие государственные посты (министр внутренних дел, просвещения, иностранных дел, с 1847 г. – премьер-министр Франции). Автор таких работ, как «История английской революции, начиная со времен Карла I» (*Histoire de la révolution d'Angleterre depuis Charles I*, 1826–1827); «История цивилизации в Европе» (*Histoire de la civilisation en Europe*, 1828); «История цивилизации во Франции» (*Histoire de la civilisation en France*, 1830), а также собрания документов по французской истории в 25 томах и по английской истории в 31 томе.

³ *Томас Бабингтон Маколей* (*Thomas Babington Macaulay*; 1800–1859) – британский государственный деятель (военный министр, затем главный казначей), историк, поэт и эссеист викторианской эпохи. Автор пятитомной «Истории Англии» (*History of England from the Revolution of 1688*).

⁴ *Арман Каррель* (фр. *Armand Carrel*; 1800–1836) – французский журналист, историк и публицист; один из основателей газеты «*Le National*». Под влиянием Огюстена Тьерри, у которого был некоторое время секретарем, написал в 1824–1829 гг. несколько работ на историческую тематику, в том числе «Историю контрреволюции в Англии».

⁵ *Луи Блан* (фр. *Louis Blanc*, 1811–1882) – французский социалист-утопист, историк, журналист, политический деятель. «Письма об Англии» вышли в 1866 г.; это сборник корреспонденций и этюдов для газеты «*Temps*» за 1861–1863 гг., когда Блан находился в эмиграции в Англии. В них освещались актуальные проблемы британского государства и общества, избирательной реформы, английской школы, внешней политики, парламентских прений, рабочего движения, отношений церкви и государства.

⁶ *Генри Томас* (*Henry Thomas Buckle*) (1821–1862) – английский историк, социолог-позитивист, представитель географической школы в социологии. Под влиянием позитивизма взялся за создание многотомной естественно-научной истории человечества, в итоге выпустил первые два тома – «История цивилизаций в Англии» (1857–1861, русское издание 1863–1864).

⁷ *Генри Джеймс Самнер Мэн (Мэйн)* (1822–1888) – английский юрист, историк, антрополог, социолог права. Генри Мэн считается основателем социологии права, а также юридической антропологии.

⁸ *Генрих Викентьевич Вызинский* (1834–1879) – российский историк, профессор кафедры всеобщей истории историко-филологического факультета Московского университета. В 1860–1861 гг. в Санкт-Петербурге были напечатаны: «Англия в XVIII столетии: Публичные лекции профессора Московского университета Генриха Вызинского. Ч. 1–2»; также был автором вступительной статьи к собранию сочинений Т. Б. Маколея.

⁹ *Николай Алексеевич Осокин* (1843–1895) – русский писатель, ученый-медиевист, генеалог, общественный деятель, профессор Казанского университета, действительный статский советник. Он рассматривал английскую революцию в курсе истории нового времени, а личности Кромвеля посвятил отдельную лекцию (декабрь 1867 г.). *Осокин Н.А.* Личный и исторический характер Оливера Кромвеля. Казань, 1868. 20 с.

¹⁰ *Иван Васильевич Лучицкий* (1845–1918), историк, член-корреспондент Петербургской АН (1908), РАН (1917). Специалист по истории французских Религиозных войн XVI в. и крестьянства накануне Французской революции. Для получения звания приват-доцента осенью 1870 г. прочитал лекцию о генерале Монке, создав его яркий портрет лидера революции и анализ причин реставрации Стюартов в Англии. *Лучицкий И.В.* Генерал Монк // Университетские известия. Киев, 1870. № 11. С. 1–14.

¹¹ *Павел Гаврилович Виноградов* (1854–1925) – историк-позитивист, профессор всеобщей истории в Московском Университете, специалист по истории Англии. Академик АН СССР (1925; академик Петербургской АН с 1914, академик РАН с 1917). С конца декабря 1903 г. – профессор кафедры сравнительного правоведения Оксфордского университета. В 1917 г. произведен в рыцари Англии. В 1918 г. принял британское подданство. С. И. Архангельский слушал его лекции по античной истории и истории средневековья в 1901 году.

¹² *Евгений Алексеевич Косминский* (1886–1959) – советский историк-медиевист, академик АН СССР (1946; член-корреспондент 1939), действительный член АПН РСФСР (1945), заслуженный деятель науки РСФСР (1947). Специалист по аграрной истории средневековой Англии и историографии. С 1926 г. находился в переписке с С. И. Архангельским, лично общались в Москве при выездах туда второго.

¹³ *Максим Максимович Ковалевский* (1851–1916) – социолог, правовед, историк, общественный деятель. С 1877 г. преподавал в Московском университете (с 1880 ординарный профессор). В 1880–1890-х гг. преподавал в европейских и американских университетах. С 1905 г. работал в Санкт-Петербургском университете и других высших учебных заведениях. Действительный член Академии наук (1914). Издатель журнала «Вестник Европы» (1909–1916).

¹⁴ *Иван Петрович Сокальский* (1830–1896) – писатель, историк, публицист, общественный деятель. С 1858 г. профессор кафедры политической экономии и статистики в Харьковском университете; в 1872 г. защитил докторскую диссертацию «Англосаксонская сельская община». Один из учеников – М. М. Ковалевский.

¹⁵ Кобденовский клуб (Кобденовская лига) или «Anti-corn-law-league» (Лига против хлебных законов) – общество, которое с 1838 г. стремилось сначала к отмене пошлин на пшеницу и пр., а затем вообще к установлению свободы торговли. Названо по имени организатора и одного из руководителей – фабриканта и политического деятеля Ричарда Кобдена (1804–1865).

¹⁶ Лига земли и труда – организация рабочих, созданная в Великобритании по инициативе Карла Маркса и при участии английских членов Генерального совета I Интернационала;

в программу Лиги наряду с требованием национализации земли входило чартистское требование всеобщего избирательного права.

¹⁷ *Генрих Рудольф Герман Фридрих фон Гнейст* (нем. *Heinrich Rudolf Hermann Friedrich von Gneist*; 1816–1895) – прусский юрист и политик, один из руководителей Национал-либеральной партии. Профессор юридического факультета Берлинского университета.

¹⁸ Великая хартия вольностей (лат. *Magna Carta Libertatum*, англ. *The Great Charter*) – скрепленный печатью английского короля Иоанна Безземельного документ 1215 г., гарантировавший его подданным определенные привилегии и права. Провозглашенные ею гарантии недопущения нарушений прав английских подданных оказали влияние на становление и развитие института прав человека.

¹⁹ *Уильям Стебс* (*Stubbs*) (1825–1901) – английский историк-медиевист, епископ. Профессор Оксфордского университета (1866–1884). Первым в Англии ввел исторические семинары. Специалист по истории английской церкви и по конституционной истории средневековой Англии; активный участник издания «Серия свитков» (“*Rolls series*”), опубликовал в ней 19 тт. английских хроник XI–XV вв. Основной труд «Конституционная история Англии» (“*The constitutional history of England*”, v. 1–3, Oxf., 1874–1878).

²⁰ Ренталь – список рент.

²¹ *Томас Литтлтон* (*Littleton*) (около 1407–1481) – английский юрист, при Эдуарде IV занимал должность судьи в суде общих тяжб. Автор известного трактата «*On Tenures*», ставшего первым учебником английского поземельного права и не потерявшего значения до сего дня.

²² *Генри де Брактон* (англ. *Henry de Bracton, Henrici Bracton*; около 1210–1268) – английский священник, королевский судья, систематизатор английского общего права XIII в. На материалах судебной практики Брактон около 1256 г. написал трактат «О законах и обычаях Англии» (*De Legibus et Consuetudinibus Angliae*, составлен в основном между 1250–1256), изложил в нем систему английского общего права.

²³ *Сэр Джон Фортескью* (около 1394 – около 1476) – английский юрист, барристер (с 1441), политический мыслитель и государственный деятель. Лорд главный судья Англии и Уэльса. Трижды назначался одним из руководителей Линкольнс-Инн. Член парламента Великобритании (с 1421 по 1437). Рыцарь-бакалавр. Основные работы «О прославлении законов Англии» («*De laudibus legum Angliae*», впервые опубл. в 1537) и «Управление Англией» («*The governance of England*», впервые опубл. в 1714).

²⁴ *Джон Росеус* (так у М.М. Ковалевского), в английской традиции *John Rous* (Джон Роус), в латинском написании *Joannes Rossus* – (около 1411/1412 (?) – 1492) – английский историк, священник и антиквар, наиболее известный своей *Historia Regum Angliae* («История английских королей»). Работа, начатая около 1480 г., предназначалась для того, чтобы дать Эдуарду IV информацию о королях и высокопоставленном духовенстве, которые могут быть отмечены статуями в часовне Святого Георгия в Виндзоре. Роус не заканчивал работу до смерти Эдуарда VI в 1486 г., и готовая работа была посвящена уже Генриху VII.

²⁵ Речь в данном случае идет об отчете-описании Англии, составленном неизвестным лицом для венецианского посла, прибывшего в Англию в 1497 г. Описание опубликовано: *A Relation, Or Rather a True Account, of the Island of England: With Sundry Particulars of the Customs of These People, and of the Royal Revenues Under King Henry the Seventh, about the Year 1500*. Printed for Camden Society. London, 1847.

²⁶ Собрание писем XV в., куда вошла переписка между членами семьи Пастонов, их окружением и друзьями. Средневековые письма и документы были впервые опубликованы Джоном Фенном в пяти томах в период с 1787 по 1823 гг. В конце XIX в. Джеймс

Гардинер их переиздал, представив материал в хронологическом порядке и сопроводив сведениями о жизни в Англии XV века. Гардинер внес много исправлений и дополнений в письма. Он опубликовал новое издание в 1904 г. с дальнейшими письмами и комментариями и использовал другую систему нумерации. В 1910 г. его работы были перепечатаны, но для этого использовалось первое издание.

²⁷ Тайный королевский совет – орган советников английских монархов и место слушания законодательных прений, либо в первой инстанции, либо при апелляции. Более того, законы, принятые монархом не по предложению Парламента, а с подачи Совета, имели законодательную силу.

²⁸ *Proceedings of privy council of England*. Ed. by sir Harris Nicolas. London, 1834, 1835, 1837.

²⁹ *Гаррингтон, Харрингтон (Harrington) Джеймс* (1611–1677) – английский публицист, идеолог нового дворянства и буржуазии. Основные произведения («Республика Океания», 1656; «Преимущества народного правления», 1657; «Искусство законодательства», 1659, и др.); пропагандировал разработанный им проект конституции буржуазно-дворянской республики.

³⁰ С. И. Архангельский имеет в виду работу Эрвина Насце «Ueber die mittelalterliche feldgemeinschaft und die einhegungen des sechszehnten jahrhunderts in England» (Bonn, 1869). Она достаточно интенсивно использовалась в труде М. М. Ковалевского.

³¹ *Фредерик Уильям Мейтленд (Frederic William Maitland)* (1850–1906) – британский юрист, историк и преподаватель, нередко рассматриваемый как «современный отец английской правовой истории». Основные труды по истории Англии и английского права в средние века. Профессор истории английского права в Кембриджском университете (с 1888); один из основателей (1887) научного «Селденского общества», созданного для публикации памятников английского средневекового права.

³² *Уильям Кеннингем (Cunningham)* (1849–1919) – английский историк-экономист. Одним из первых приступил к обобщающим исследованиям по экономической истории Англии и западной цивилизации, используя большое количество источников. Преподавал в Лондонском, Кембриджском и Гарвардском университетах.

³³ *Уильям Джеймс Эшли (Ashley)* (1860–1927) – английский историк и экономист, профессор, представитель историко-экономического направления в английской историографии. Основные труды «Экономическая история Англии в связи с экономической теорией» (ч. 1–2, 1888–1893; русский перевод, М., 1897); *Early history of the English woollen industry*, N. Y., 1887; *An introduction to English economic history and theory*, pt. 1–2, Toronto, 1888–1893; *Tariff problem*, 4 ed., L., 1920; *Economic organization of England*, 3 ed., L., 1949.

³⁴ *Джеймс Эдвин Роджерс (Rogers)* (1823–1890) – английский историк и экономист, основатель историко-экономического направления в английской историографии, профессор; в 1880–1886 член парламента. Многочисленные труды Р. посвящены экономической, особенно аграрной, истории Англии: *History of agriculture and prices in England*, v. 1–7, Oxf., 1866–1902; *Economic interpretation of history*, L., 1888; *Industrial and commercial history of England*, L., 1892; в рус. пер. – *История труда и заработной платы в Англии с XIII по XIX вв.*, СПб., 1899.

³⁵ *Джон Локк (Locke)* (1632–1704) – англ. философ и политический мыслитель, разработал эмпирическую теорию познания и идейно-политическую доктрину либерализма.

³⁶ С. И. Архангельский констатирует последовательность фактов, поскольку П. Г. Виноградов с 1903 г. профессор кафедры сравнительного правоведения Оксфордского университета; британское подданство получил в 1918 г. А Мэн умер в 1888 г.

³⁷ Записные книжки Брактона (Note book) – собрание 1982 протоколов королевских судов, составленное, скорее всего, специально для юриста Генри де Брактона; на основе этого манускрипта он написал трактат «О законах и обычаях Англии». П. Г. Виноградов опубликовал сообщение об этом открытии в лондонском журнале «Athenaeum. A journal of literature, science, the fine arts, music and the drama». L., 1884. 19 July. P. 81–82.

³⁸ Bracton's Note book. A Collection of cases decided in the king courts during the reign of Henry the third annotated by a lawyer of that time seemingly of Henry of Braeton // edited by W. F. Maitland, vol. I–III, London, 1887.

³⁹ *Сибом (Seebom) Фредерик* (1833–1912) – английский историк-медиевист, юрист. Известен исследованиями по аграрной истории средневековой Англии, проблеме генезиса феодализма.

⁴⁰ Исследования по социальной истории Англии в средние века. СПб., 1887. Предварительно выходила частями в «Журнале Министерства народного просвещения» в 1886–1887 гг.: 1886. Ч. CCXLX. Май; Ч. CCXLVI. Август; Ч. CCXLVII. Сентябрь; Ч. CCXLVIII. Ноябрь – декабрь; 1887. Ч. CCL. Апрель; Ч. CCCLI. Май.

⁴¹ Villainage in England: essays in English mediaeval history / by Paul Vinogradoff, professor in the University of Moscow. Oxford, 1892.

<https://archive.org/details/villainageinengl00vinouoft/page/n6>

⁴² Книга Страшного суда (Винчестерская книга, Liber Wintonia, Domesday Book) – свод материалов первой в средневековой Европе всеобщей поземельной переписи, проведенной по приказу Вильгельма Завоевателя в Англии в 1085–1086 гг.

⁴³ *Август Мейцен (Meitzen)* (1822–1910) – нем. статистик, с 1875 г. профессор Берлинского университета. Специалист по аграрной истории Европы. Основные работы: "Der Boden und die landwirtschaftlichen Verhältnisse des preuss. Staates nachdem Gebietsumfange vor 1866" (с атласом, Б., 1873), "Die internationale land- und forst- wirtschaftliche Statistik" (Б., 1873), "Siedelung und Agrarwesen der Westgermanen und Ostgermanen, der Kelten, Römer, Finnen und Slaven". (1896).

⁴⁴ *Отто Фридрих фон Гёрке* (1841–1921) – немецкий юрист, профессор истории права и гражданского права. Принадлежал к «германистам» – последователям исторической школы права. В частности, усматривал самобытное начало германского права в общности людей, в общественных союзах, проникнутых «социальным духом».

⁴⁵ *Дмитрий Моисеевич Петрушевский* (1863–1942) – крупный российский и советский медиевист, специалист по истории Англии. Академик АН СССР с 1929 г. Состоял в переписке с С. И. Архангельским с 1926 г. по 1942 г.

⁴⁶ *Допш (Dopsch) Альфонс* (14.VI.1868–1.IX.1953) – австрийский историк-медиевист. Профессор Венского университета в 1900–1937. С выходом книги «Хозяйственное развитие Каролингской эпохи, преимущественно в Германии» в 1912–1913 гг. заявил о себе как о крупнейшем представителе «критического направления» в историографии. Выступал против оценки VIII–IX вв. как периода возникновения крупного вотчинного землевладения, закрепощения крестьян, превращения свободной общины-марки в вотчинно-зависимую общину, тезиса о господстве в эту эпоху натурального хозяйства.

⁴⁷ Глафорд (др.-англ. hlaford – «дающий хлеб», «покровитель», «господин») – в англосаксонской Англии – сеньор, феодал, обладающий властными полномочиями над зависимыми крестьянами.

⁴⁸ *Андре Ревиль* (1867–1894) – французский историк, архивист, палеограф, специалист по истории труда и средневековой Англии, профессор.

⁴⁹ *Réville André*. Le soulèvement des travailleurs d'Angleterre en 1381. Paris, France: A. Picard and sons, 1898.

⁵⁰ *Эдгар Пауэлл* (1853–1939) – английский историк, известный работами «A Suffolk Hundred in the Year 1283, the Assessment of the Hundred of Blackbourne for a tax of One Thirtieth, and a return showing the land tenure there», « The rising in East Anglia in 1381: with an appendix containing the Suffolk poll tax lists for that year», « The register of Bisham, co. Berks, 1560–1812», «The peasants' rising and the Lollards: a collection of unpublished documents forming an appendix to “England in the age of Wycliffe”» (совм. редактор Дж.М. Тревельян).

⁵¹ *Powell Edgar*. The Rising of 1381 in East Anglia. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1896.

⁵² Лоллардизм – религиозное движение социально-уравнительного характера, сначала призывавшее преимущественно к благотворительности, но позже выступавшее против иерархии, монашества и учения о таинствах католической церкви. Английские лолларды принимали участие в восстании Уота Тайлера, отстаивая социальное равенство. Их представителем в этом движении был Джон Болл. После подавления восстания лолларды подверглись в Англии преследованиям, бежали в Шотландию и на континент. Историей движения лоллардов занимался последний аспирант С. И. Архангельского – Е. В. Кузнецов. В 1971 г. он опубликовал монографию: Движение лоллардов в Англии. Конец XIV–XV вв. Горький, 1971; в 1973 г. защитил докторскую диссертацию на тему: «Движение лоллардов в Англии конца XIV–XV вв. (Исследование по истории социальной борьбы в феодальной Англии)».

⁵³ en regard (фр.) – параллельно.

⁵⁴ *Уильям Лэнгленд* (англ. William Langland, род. ок. 1331–ум. ок. 1400) – английский поэт, писатель. Его аллегорическая поэма «Видение о Петре Пахаре» (1362) отразила настроения крестьянства в период восстаний XIV в.

⁵⁵ *Игнатий Наумович Гранат* (1863–1941) – российский издатель, основатель (вместе со старшим братом Александром Наумовичем) знаменитого издательства «Гранат». Профессор политической экономии юридического факультета Московского университета. Автор ряда работ на политэкономическую и юридическую тематику.

⁵⁶ В рукописи указана ссылка, в машинописи нет. С.И. Архангельский цитирует из статьи Е. А. Косминского «Исследования А. Н. Савина по истории Англии», опубликованной в сборнике: Памяти Александра Николаевича Савина, 1873–1923. Сб. статей. Труды Института истории РАНИОН. Вып. 1. М., 1926.

⁵⁷ *Ренан (Renan) Жозеф Эрнест* (1823–1892) – французский ориенталист и философ, историк христианства, профессор в Коллеж де Франс.

⁵⁸ Копигольдер (англ. copyholder – держатель по копии) – феодально зависимый крестьянин в позднефеодальной Англии; при вступлении в пользование наделом, чаще всего пожизненное, получал копию – выписку из протокола материального суда; копигольдеры, держание которых было отягчено значительными повинностями, были лишены права юридической защиты и распоряжения наделом без ведома лорда.

⁵⁹ *Айзек Сондерс Лидем* (Leadam) (1848–1913) – английский адвокат, историк и публикатор исторических источников. Член Общества любителей древностей, член совета Королевского исторического общества. Лидем впервые опубликовал протоколы комиссий по проверке огораживаний (создана в 1517 г.) и материалы Звездной палаты и Палаты прошений. Лидем доказывал юридическую обеспеченность копигольда, ошибочно считая, что копигольдеры мало пострадали от огораживаний. Сочинения: What protection does for the farmer, L., 1881; The security of Copyholders the XV and XVI centuries, “English Historical Review”, 1893, t. 8; History of England from the accession of Anne to the death of George II (1702–1760), L., 1909.

⁶⁰ *Савин А.* Английская секуляризация. М. : Университетская типография, 1907. 576 с.

⁶¹ Диссолюция (монастырей) – роспуск монастырей в 1535–1540-х гг. в Англии в ходе секуляризации Генриха VIII и передачи их собственности в королевский дом Тюдоров. После диссолюции было закрыто 800 монастырей, и большая часть их земель попала в руки «нового дворянства».

⁶² *Valor Ecclesiasticus* (лат. «церковная оценка») – перепись церковного имущества в Англии, Уэльсе и английской части Ирландии 1535 года, проведенная по приказу Генриха VIII для сбора дополнительного налога с церкви в пользу короны (а не Папы, как до церковной реформы). От переписи сохранились 22 тома на латыни и 3 папки в Национальном архиве в Кью; впервые документ был опубликован в первой трети XIX века.

⁶³ Сока (англ. *soke*) – в средневековой Англии иммунитетная привилегия, обычно дававшая крупному землевладельцу право юрисдикции на определенной территории, а иногда лишь право получения штрафов и конфискации имущества жителей этой территории, подлежащих юрисдикции любых других судов (в этом же значении термин употребляется в «Книге страшного суда»).

⁶⁴ *Савин А.Н.* Лекции по истории английской революции. Л. : Государственное изд-во, 1924. 428 с.

⁶⁵ *Vinogradoff Paul.* *Villainage in England; essays in English mediaeval history.* Oxford, Clarendon Press. 1892.

⁶⁶ Сотенные свитки (лат. *Rotuli hundredorum*, англ. *Hundred Rolls*) – свод материалов ряда правительственных описей в Англии XIII в. Особой ценностью обладают Сотенные свитки 1279 г., представляющие поземельную (владельческую) опись, предпринятую при короле Эдуарде I в масштабах всей Англии в фискальных целях короны (розыск повинностей и прав, принадлежащих королю как феодальному сюзеру страны во владениях его вассалов). Эта опись фиксировала структуру маноров, размеры господского домена, юридические категории держаний, их площадь, причитавшиеся с них повинности лордам и так далее. До наших дней сохранился лишь фрагмент этой описи (для пяти среднеанглийских графств). Публ.: *Rotuli Hundredorum*, ed. W. Hlingworth and I. Caley, в сб.: *Record Commission*, v. 1–2, 1812–18 (т. 1 и часть т. 2 – публ. «Сотенные свитки» 1274–1275; «Сотенные свитки» 1279 опубл. неполностью).

⁶⁷ «Посмертные расследования» (лат. *Inquisitiones post mortem*) – это английские средневековые записи о смерти, наследстве и наследниках королевского вассала, создававшиеся для королевских фискальных целей (поскольку его земли до вступления в наследство ближайших наследников переходили в руки короны, т. е. доходы с земли шли в королев. казну). Процесс создания осуществлялся королевскими должностными лицами в каждом графстве, где покойные владели землей. Самые ранние записи были сделаны в 1236 г.; практика прекратилась в 1640 г., в начале Гражданской войны, и была окончательно прекращена Законом об отмене владения недвижимостью 1660 г. «Посмертные расследования» хранятся в Лондонском государственном публичном архиве. Частично изданы в виде т.н. «Календарей».

⁶⁸ Фригольд – феодальное держание в средневековой Англии, наследственное или пожизненное; могло быть рыцарским, крестьянским, городским, церковным. Крестьяне-фригольдеры обладали личной свободой, имели фиксированную ренту, право завещания, отчуждения держания, защиты в королевских судах. Юридически фригольд вместе с другими формами держаний был отменен в 1925 г.

⁶⁹ Делинквент (от лат. *delinquens* – правонарушитель) – субъект, чье поведение характеризуется нарушением правовой нормы, в результате чего возникают правоотношения ответственности.

⁷⁰ *Simington Robert C.* *The civil survey A.D. 1654–1656: County of Tipperary. Volume 1.* Dublin : Stationery Office, 1931.

Simington, Robert C. The civil survey A.D. 1654–1656: County of Tipperary. Volume 2. Dublin: Stationery Office, 1934

Кадастровое исследование середины XVII в. состоит из данных о масштабах и ценности земель, утраченных католическими и роялистскими повстанцами в графстве Типперари после их поражения во время Кромвельского завоевания Ирландии. Первоначальные записи актов гражданского состояния были уничтожены пожаром в 1711 г., но набор копий для 10 округов был обнаружен в XIX в.

⁷¹ Большая печать Шотландии (шотландский гэльский: *Seala Mòr na h-Alba*) позволяла монарху авторизовать официальные документы без необходимости подписывать каждый документ отдельно.

⁷² *Владимир Михайлович Лавровский* (1891–1971) – историк-медиевист, специалист по аграрной и социально-экономической истории Англии позднего средневековья и нового времени; доктор исторических наук (1937), профессор. С 1920-х гг. общался с С. И. Архангельским, помогал ему для исследований 1930-х гг. в подборе изданий в московских библиотеках.

⁷³ The inclosure Awards – официальные юридические документы, фиксировавшие право собственности и распределение земли по решениям комиссаров огораживания.

⁷⁴ *Уильям Блэкстон* (в некоторых русскоязычных источниках может встречаться Блэкстоун) (1723–1780) английский политик, юрист, профессор юриспруденции. Самая известная его работа – «Комментарии к английским законам» (*Commentaries on the Laws of England*) (1765–1769 гг.) – выдержала 8 переизданий при жизни автора. В 1780-х гг. Московский университет выпустил перевод на русский язык этого труда. В этой работе Блэкстон толкует и комментирует правовые нормы, акты и доктрины, существовавшие на тот момент в системе английского права. После смерти Блэкстона новые переиздания книги дополнялись комментариями современных юристов.

⁷⁵ От англ. *reverend* – многоуважаемый, почтенный, а также преподобный.

⁷⁶ *Николай Иванович Кареев* (1850–1931) – крупный российский историк, социолог-позитивист, один из основателей научной социологии в России. Член-корреспондент АН СССР (1925; член-корреспондент Петербургской АН с 1910 года, член-корреспондент РАН с 1917 года), почетный член АН СССР (1929). Специалист по аграрной истории Франции второй половины XVIII века, истории Французской революции конца XVIII века, истории социологии. Находился в переписке с С. И. Архангельским с конца 1924 г., консультировал его по главам будущей монографии в 1927–1929 гг.

⁷⁷ *Евгений Викторович Тарле* (1874–1955) – российский и советский историк, педагог, академик АН СССР (1927). Удостоен Сталинской премии 1942 г. за коллективный труд «История дипломатии». Почетный доктор университетов в Брно, Праге, Осло, Алжире, Сорбонне, член-корреспондент Британской академии (1944), действительный член Норвежской академии наук и Филадельфийской академии политических и социальных наук. Специалист по истории Франции и истории международных отношений.

⁷⁸ *Евгений Николаевич Петров* (1888 – предположительно 1942) – историк, специализировавшийся по аграрно-крестьянским проблемам Великой французской политехнического института, Педагогического института, Финансово-экономического и Планового институтов (по материалам: Ученый в эпоху перемен: Н.И. Кареев в 1914–1931 гг. Исследования и материалы / авт.-сост. Е.А. Долгова. М. : Политехническая энциклопедия, 2015. С. 486).

(Комментарии составили *О. В. Селиванова* и *А. А. Кузнецов*)

НАУЧНАЯ ХРОНИКА**SCIENTIFIC CHRONICLE**

УДК 94(367)

DOI 10.30914/2227-6874-2020-13-205-212

**Межславянские связи
в исследовательском поле историков***Г. В. Рокина*

Аннотация. Межславянские научные, культурные и общественные контакты традиционно находятся в центре внимания историков, политиков и общественных деятелей. Особое место эта тематика занимает в деятельности международной Комиссии историков России и Словакии, цель которой – развивать эти контакты и сохранять традиции научно-культурного межславянского сотрудничества. В статье представлены аннотации трех монографических исследований, посвященных межславянским контактам, а также информация о научных конференциях, в которых приняли участие ученые-словакисты, члены Комиссии.

Ключевые слова: Комиссия историков России и Словакии, белорусская эмиграция в Чехословакию, Л. Гоптова, М. Даниш, российско-словацкие контакты

Благодарность: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-00279.

Для цитирования: *Рокина Г.В.* Межславянские связи в исследовательском поле историков // Запад – Восток. 2020. № 13. С. 205–212. DOI: <https://doi.org/10.30914/2227-6874-2020-13-205-212>

Inter-Slavic ties in the research field of historians*G. V. Rokina*

Abstract. Inter-Slavic scientific, cultural and social contacts are traditionally in the center of attention of historians, politicians and public figures. This topic occupies a special place in the activities of the International Commission of Historians of

Russia and Slovakia, the purpose of which is to develop these contacts and preserve the traditions of scientific and cultural inter-Slavic cooperation. The article presents annotations of three monographic studies devoted to inter-Slavic contacts, as well as information about scientific conferences in which scientists-Slovakists and members of the Commission took part.

Keywords: Commission of Historians of Russia and Slovakia, Belarusian emigration to Czechoslovakia, L. Goptova, M. Danish, Russian-Slovak contacts

Acknowledgments: the study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of scientific project No. 20-09-00279.

For citation: *Rokina G.V.* Inter-Slavic ties in the research field of historians. *West – East*. 2020, no. 13, pp. 205–212. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30914/2227-6874-2020-13-205-212>

Славянский мир представляет сложную палитру межкультурных, экономических, политических и личных контактов, которые в зависимости от эпохи приобретают различную окраску и интенсивность. Эти взаимосвязи проявляются и в публикациях научных исследований по истории межславянских взаимосвязей, и в дискуссиях на научных форумах. На современном этапе развития словацко-российского гуманитарного сотрудничества важную роль играет международная Комиссия историков России и Словакии. Ученые-историки, члены Комиссии, в своих исследованиях и докладах на конференциях не только реконструируют историю межславянских контактов, но и развивают межславянские научные, культурные и личные коммуникации, порой развенчивая сложившиеся мифы и стереотипы, формируя исторически выверенные образы прошлого.

Итоги и приоритеты научных исследований членов Комиссии наглядно демонстрируют публикации ученых-словистов. Представляем монографию молодой перспективной словацкой исследовательницы из Прешовского университета – Луцианы Гоптовой, посвященную белорусской эмиграции в межвоенной Чехословакии – «**Белорусская эмиграция на территорию Чехословакии (1918–1945)**». Прешов: Прешовский университет в Прешове, 2017. 144 с.¹

В монографии на основе богатой источниковой базы, которая включает неизвестные ранее архивные материалы, реконструирована история белорусской эмиграции в межвоенный период. 1918–1945 годы были

¹ Goptová Luciana. *Bieloruská emigrácia na území Československa (1918–1945)*. Prešov, 2017. 144 s. (ISBN 978-80-555-1971-5).

периодом масштабных политических, экономических и гуманитарных потрясений для большинства европейских государств. Первая мировая война и падение самодержавия Романовых в 1917 г. вызвали волну национально-освободительных процессов. Беларусь не стала исключением. В первой главе монографии показаны основные вехи в истории белорусской государственности, оформленной после окончания Первой мировой войны. Несмотря на то, что уже в течение 1917 г. в Беларуси было создано несколько организаций национального характера, важным рубежом в историческом развитии белорусского народа стал 1918 год. 25 марта 1918 года в Минске по решению Рады Белорусской Народной Республики была объявлена независимая Белорусская Народная Республика, которая отказалась подчиняться большевистскому режиму. С этого времени начинается эмиграция белорусов. Автор монографии выделяет несколько этапов белорусской эмиграции. Первая волна белорусских эмиграционных процессов, как отмечает Л. Гоптова, была связана с внутренней политической ситуацией, возникшей после провозглашения 1 января 1919 г. Белорусской Советской Социалистической Республики и принявшей 3 февраля 1919 г. официальное название Социалистическая Советская Республика Белоруссия. Вторую волну эмиграции вызвала русско-польская война, которая закончилась в 1921 году. После окончания войны, согласно Рижскому мирному договору, территория Беларуси была разделена на две части. Западная часть Беларуси перешла под управление Польши, а ее восточная часть 31 июля 1920 г. была вновь провозглашена советской республикой. Население, не согласившееся с разделением Беларуси и с установленным режимом, будь то в восточной или западной частях Беларуси, начало эмигрировать. Значительная часть белорусской эмиграции приобрела свой новый дом в Чехословацкой Республике. Белорусы, поселившиеся в Праге, могли не только свободно выражать свои идеи, отмечать национальные праздники, свободно общаться на родном языке, но и получили право учиться в чехословацких школах и высших учебных заведениях. Помимо того, что Чехословацкая Республика, как одна из демократических стран Европы того времени, предоставляла белорусским студентам возможность получить высшее специальное образование, она также давала им хорошую практическую и политическую «школу» и помогала сохранить белорусскую идентичность. Государство чехов и словаков оказывало финансовую и моральную поддержку белорусским эмигрантам в сфере культуры и образования, а также поддерживало деятельность белорусских организаций. Именно эти организации стали главным проявлением жизни и дееспособности белорусской диаспоры на территории Чехословакии во втором десятилетии прошлого века. Их деятельность подробно

рассматривается в монографии. К важнейшим сообществам, сформированным на территории Чехословацкой Республики, автор относит следующие: Белорусскую Громаду, преобразованную в 1924 г. в Белорусскую Раду в Праге, и Объединение Белорусских студенческих организаций. Основной целью данных сообществ, а также других белорусских организаций, созданных в тот период, было обеспечение материальной и моральной поддержки своих соотечественников и развитие белорусской культуры. Однако в 1930-е годы активность белорусских сообществ и организаций начала снижаться. По мнению Л. Гоптовой, это было связано прежде всего с отъездом выпускников высших учебных заведений с территории Чехословакии, окончанием Русской акции помощи, плохими социальными условиями, социальной изоляцией белорусов, а также несогласованностью внутри самой белорусской диаспоры. Все это сказалось на том, что белорусская национальная жизнь в Чехословакии в третьем десятилетии прошлого века пришла в упадок. Решение об оживлении белорусской национальной жизни было предпринято представителями белорусской эмиграции в условиях оккупированной Чехословакии уже в годы Второй мировой войны. Помимо усилий по развитию белорусской культуры, они также стремились к возрождению Белорусской Народной Республики, в результате чего многие из них не гнушались развивать деятельность, направленную на сотрудничество с нацистской Германией. Центром такого сотрудничества стал филиал Белорусского комитета самопомощи в Праге. Его члены, и в первую очередь председатель филиала Ян Ермаченка, пытались добиться возрождения независимого белорусского государства, опираясь на поддержку нацистской Германии. Усилия представителей белорусской диаспоры, однако, не увенчались успехом, несмотря на то, что в 1944 г. началась новая волна эмиграции белорусского населения. Белорусы, приезжающие в основном на территорию Протектората Богемии и Моравии, не поддерживали деятельность своих соотечественников. По мнению автора монографии, причина их отъезда из Беларуси была обусловлена стремлением избежать преследования со стороны наступающей Красной Армии.

«Словакия и Россия в переломные моменты истории: люди, идеи, события» – под таким названием в конце уходящего, 2020 года вышли в свет материалы международной научной конференции, проходившей в г. Прешове 12–14 сентября 2018 года (Словацкая Республика), состоявшейся в рамках заседания Комиссии историков России и Словакии¹.

---

¹ Slovensko a Rusko v zlomových okaminoch dejin: ludia, idey, udalosti (Zborník z medzinárodnej vedeckej konferencie, konanej 12.–14.9.2018 v Prešove) // Acta Historica Posoniensia. XXXVII. Editori: Miroslav Daniš, Ľubica Harbuľová. Bratislava-Prešov, 2020. 250 s.

2018 год ознаменовался круглыми годовщинами важных исторических событий, которые во многом определили внутривосточное развитие бывшей Чехословакии и сегодняшней Словакии. События 1918, 1938, 1948, 1968 годов были не только результатом внутривосточных процессов, но и сыграли определенную роль во внешнеполитическом контексте, в результате чего они стали важной составляющей европейской истории XX века. Вышеупомянутые поворотные моменты в европейской, чехословацкой и словацкой истории отразились на взаимоотношениях между Словакией и Россией и определили развитие двусторонних отношений между двумя странами и в широком, и узком контексте. «Роковые восьмерки» были в центре внимания седьмого заседания Комиссии историков Словацкой Республики и Российской Федерации в Прешове. Одновременно с заседанием Комиссии состоялась международная научная конференция «Словакия и Россия в поворотных моментах истории: люди, идеи, события», главной целью которой было продемонстрировать на примере исторических исследований отношение обеих стран к поворотным моментам и то, как эти события повлияли на социально-политическое и культурное развитие государств и судьбы людей в Словакии и России. В международной научной конференции приняли участие 22 эксперта из Словакии, Чехии и Российской Федерации. На открытии конференции председатель российской части Комиссии Л. П. Репина отметила, что опыт плодотворного сотрудничества историков двух стран в рамках Комиссии, действующей с 2005 года, позволяет говорить об уже сложившихся традициях, проявляющих и поддерживающих высокий уровень профессиональной культуры и взаимного уважения ученых.

Действительно, именно благодаря этим традициям, несмотря на не очень благоприятную обстановку для международных контактов, научное сотрудничество между странами успешно развивается. Особенно значимым представляется и то, что работа Комиссии поддерживает и стимулирует связи академической науки и высшей школы в обеих странах. В научных докладах участников конференций, проходящих в рамках заседаний Комиссии, находят отражение различные направления современной историографии и шире – социально-гуманитарного знания, демонстрирующие новые междисциплинарные подходы к изучению прошлого. При этом неизменным остается внимание исследователей к судьбам людей и к исторической памяти разных поколений.

Еще одной значимой публикацией для членов Комиссии историков России и Словакии стал сборник научных статей, посвященный юбилею профессора Мирослава Даниша, одного из активных членов словацкой части Комиссии, признанного специалиста в области истории межславянских,

и в первую очередь русско-словацких контактов¹. Более 30 авторов из Словакии, Чехии, Польши, Украины, Австрии, Беларуси и России посвятили свои славистические труды юбилею друга и коллеги из Университета Я. Коменского. Вся педагогическая и научная карьера Мирослава Даниша тесно связана с университетом Коменского, где он прошел путь от ассистента до профессора, а в 1994–2016 году занимал пост заведующего кафедрой всеобщей истории. В этот период он осуществил значительное число научных проектов в области истории славянства и словацко-русских связей; огромный вклад он внес в продвижение знаний по истории России и межславянских контактов среди словацкого студенчества. Помимо научной и преподавательской деятельности М. Даниш известен огромной работой в области популяризации истории славян. Долгие годы он является главным редактором и членом редсовета популярных и научных журналов Словакии: от регионального журнала «Краловские вести» до научного университетского издания «Acta Historica Posoniensia». М. Даниш давно поддерживает дружеские и научные контакты и плодотворно сотрудничает с российскими коллегами-славистами, ежегодно принимает участие в российско-словацких научных проектах и научных форумах. Со дня основания научно-практического ежегодника «Запад – Восток» М. Даниш входит в состав редакционного совета.

К сожалению, в непростой 2020 год не состоялось очередное заседание Комиссии историков России и Словакии, которое планировалось осенью в Ставрополе. Восьмое заседание Комиссии и международная конференция «Феномен границы в истории и исторической памяти» перенесены на середину 2021 года.

В условиях 2020 года, когда были недоступны поездки на научные конференции и форумы, ученые-слависты использовали все возможности для научного общения и апробации результатов научных изысканий по истории межславянских контактов. Отметим, лишь две конференции, которые состоялись в городах Поволжья, Казани и Йошкар-Оле, и которые в прошедшем году стали научными площадками для общения ученых.

19–21 ноября 2020 года в Казанском федеральном университете состоялась международная научно-образовательная конференция «Николай Иванович Кареев: жизненный путь и научное наследие в трансдисциплинарном контексте современного историознания», посвященная 170-летию со дня рождения выдающегося русского историка, философа, социолога, педагога, общественного деятеля, члена-корреспондента Краковской и Петербургской

---

¹ Zbornik k životnemu jubileu prof. M. Danisa / Byzantinoslovaca. VII. Bratislava : Univerzita Komenskeho, 2020. 345 s.

академий наук, почетного академика АН СССР. Организаторами конференции выступили Институт международных отношений Казанского (Приволжского) федерального университета, Сыктывкарский государственный университет имени П. А. Сорокина, Институт всеобщей истории РАН и казанские отделения РОИИ и РИО. Программный комитет возглавили член-корреспондент РАН, президент РОИИ проф. Л. П. Репина и доктор исторических наук, профессор КФУ Г. П. Мягков. О широкой географии участников, которые воспользовались представившейся возможностью участвовать в ее работе, говорит тот факт, что на связь выходили ученые в 23 городах Российской Федерации и в 5 городах зарубежья – от Томска на востоке до Минска, Познани и Братиславы на западе, от Софии на юге – до Сыктывкара на севере. В течение трех рабочих дней было прослушано 72 пленарных и секционных докладов. Во многих докладах предметом анализа стали актуальные вопросы работы историков в сложные периоды истории, как в XX в., который весь был, по сути, периодом социальных потрясений в России, так и в начале XXI в., особенно на настоящем этапе развития исторической науки. Была отмечена важность исследований, связанных с рефлексией ученых-историков на кризисные моменты исторического развития не только прошлого, но и современности, попыток осмыслить инновации в историческом источниковедении, в частности, активное развитие цифровизации и виртуальных ресурсов сети Интернет. Председатель российской части Комиссии Л. П. Репина выступила с докладом «Цепи», «ряды» и многое другое: роль метафор в историческом синтезе Н. И. Кареева». Словацкая тематика была представлена в докладах ученых из Университета Я. А. Коменского – Л. Рибара «Волжский путь словака Матуша Филу и Россия конца XIX века» и М. Даниша «Н. И. Кареев в словацкой и чешской историографии XX века».

15–17 декабря в Йошкар-Оле проходила международная научно-практическая конференция «Национальные музеи в условиях культурной трансформации», посвященная 100-летию Национального музея Республики Марий Эл имени Т. Евсеева. Совместный доклад на тему «Образ России/СССР в музеях Словакии» подготовили и выступили в дистанционном режиме члены Комиссии – профессор Марийского госуниверситета Г. В. Рокина и преподавательница Прешовского университета Луциана Гоптова. Их доклад был сделан с методологических подходов исторической памяти и символической политики, характерной для музейной политики Словацкой Республики. Ученые проанализировали нормативно-правовую базу музейной политики Европейского Союза и Словакии. В центре внимания ученых были музейные практики Словакии: Литературный музей имени А. С. Пушкина в Бродзянах и Музей-мемориал Словацкого

национального восстания в Банской Быстрице. На примере музея в Бродзянах авторы доклада показали, какие факторы могут влиять на изменения концепций музейных экспозиций.

Статья поступила в редакцию 03.12.2020;
одобрена после рецензирования 10.12.2020; принята к публикации 18.12.2020.

The article was submitted 03.12.2020;
approved after reviewing 10.12.2020; accepted for publication 18.12.2020.

Об авторе

Рокина Галина Викторовна

доктор исторических наук, профессор, Марийский государственный университет, Российская Федерация, г. Йошкар-Ола, galina@rokina.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

About the author

Galina V. Rokina

Dr. Sci. (History), Full Professor, Mari State University, Yoshkar-Ola, Russian Federation, galina@rokina.ru

The author has read and approved the final manuscript.